MIESIĘCZNIK

POŁOCKI.

Tom I.

Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета» продолжает традиции первого в Беларуси литературно-научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь,
тел. +375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 30.07.2014. Бумага офсетная 70 г/м^2. Формат $60 \times 84\ ^1/_8$. Ризография.

Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 16,81. Тираж 100 экз. Заказ 1569.

2014 – знаменательный год для белорусов. 70 лет назад территория Беларуси была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Главным средством насаждения «нового порядка» нацисты избрали политику геноцида и массового кровавого террора. Гитлеровцы чинили неслыханные зверства, не щадя ни женщин, ни детей. Была создана сеть концентрационных лагерей для военнопленных и гражданского населения. Всего, согласно архивным данным, действовало около 260 различного типа мест концентрации и массового уничтожения военнопленных и около 350 – для гражданского населения. На территории Беларуси было проведено более 140 карательных акций с целью подавления сопротивления, порабощения жителей оккупированной территории, разграбления имущества, во время которых уничтожено около 5,5 тыс. населённых пунктов, в том числе 630 из них вместе с жителями. Но никакими репрессиями оккупанты не могли сломить волю белорусского народа к освобождению. Свой вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков внесли партизаны и подпольщики Беларуси, которую в годы оккупации по праву называли «республикой-партизанкой». За три года героической борьбы в тылу врага патриоты Беларуси уничтожили почти полмиллиона гитлеровцев и полицейских. Благодаря героизму белорусского народа – будь-то солдат Красной Армии, сражавшийся на фронтах, или партизан отряда и участник подпольной группы, осуществлявшие диверсии и собиравшие информацию, или остарбайтер, угнанный на работы в Германию, и узник концентрационного лагеря или женщины, старики и дети, оставшиеся на оккупированной территории, – Победа над нацизмом стал реальностью.

УДК 94(476.5)

ПЛАН ГОРОДА ПОЛОЦКА С НАНЕСЕНИЕМ НА НЕГО ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ОТ 20 ОКТЯБРЯ 1942 ГОДА (ПЛАН Н.А. МАНИСА) КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА (1941–1944 ГГ.)

канд. ист. наук, доц. А.И. КОРСАК
(Полоцкий государственный университет)

Изучение периода нацистской оккупации территории Беларуси в рамках локальной истории на примере городов и местечек на данном этапе развития отечественной историографии представляется актуальным, тем более в связи с отсутствием прямых источников по исследуемой тематике. В данной работе впервые вводятся в научный оборот архивные документы, найденные в Национальном архиве Республики Беларусь, в частности оригинал плана города Полоцка от 20 февраля 1942 года Н.А. Маниса (один из подпольщиков г. Полоцка) с нанесением на него военных и гражданских объектов и пояснительной запиской, известный до этого только в восстановленном виде после войны.

Введение. Исследование периода нацистской оккупации г. Полоцка в годы Великой Отечественной войны затруднено отсутствием фактологического материала по данной теме. Наличие тех архивных данных, которые имеются в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), Государственном архиве Витебской области и Зональном государственном архиве в городе Полоцке, является недостаточным для восстановления картины событий 1941–1944 годов. Но совокупность всех косвенных источников и их анализ представляет возможным отобразить деятельность оккупационных органов власти немецко-фашистских захватчиков на территории города Полоцка в годы Великой Отечественной войны.

В фонде № 1403 НАРБ имеются дела № 252 и 253, отражающие боевую и разведывательную деятельность 3-й Белорусской партизанской бригады на территории Полоцкого района в целом и города Полоцка в частности. При изучении содержания документов данных дел был обнаружен так называемый «план Маниса», о котором имеется много информации, но оригинал не был найден. В экспозиции Музея боевой славы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника находится набросок плана, воссозданный Н.А. Манисом уже после Великой Отечественной войны.

Исходя из этого, основной целью данного исследования является введение впервые в научный оборот «Плана г. Полоцка» с нанесением на него военных объектов, составленного 20 октября 1942 года Н.А. Манисом (см. вклейку). Фактически это единственный план города Полоцка периода нацистской оккупации 1941–1944 годов.

Основная часть. Почему план условно называют «планом Маниса»? Немного фактов из биографии его автора. Родился Николай Александрович Манис в 1912 году в Варшаве. Но вскоре семья переехала в Беларусь, где и прожил все оставшиеся годы. В 1927 году он окончил Освейскую 7-летнюю школу и поступил в Полоцкое педагогическое училище [3]; затем – физико-математический факультет БГУ, после окончания которого был направлен на работу в Полоцкое педагогическое училище. В декабре 1936 года призван на службу в Красную Армию. Служил в команде одногодичников в 5-й авиабригаде (ст. Алсуфьево). После демобилизации в звании младшего лейтенанта, в 1937 году вернулся в Полоцк и до начала Великой Отечественной войны преподавал математику в Полоцком педагогическом училище [1, Л. 3]. С 1947 года Н.А. Манис снова на педагогической работе; долгие годы он был директором СШ № 13 города Полоцка. В 1966 году Н.А. Манис был удостоен звания Заслуженного учителя БССР.

До того как уйти в 3-ю Белорусскую партизанскую бригаду, Н.А. Манис находился в оккупированном нацистами Полоцке.

Третья Белорусская партизанская бригада начала своё формирование с сентября 1941 года путём создания мелких групп. Ядром бригады стал отряд А.Я. Марченко, который к маю 1942 года в своих рядах насчитывал до 200 человек. Местом зарождения отряда были деревни Труды, Дретунь, Недружное и другие. Организующим началом отряда были военнопленные и рабочие, работавшие на станции Дретунь, а также жители прилегающих деревень. Таким образом, небольшая группа из 18 человек в сентябре 1941 года к августу 1942-го выросла в бригаду (до 900 человек), имея в своём составе 7 крупных партизанских отрядов. Штаб бригады вместе с разведывательной ротой, хозяйственным взводом и лазаретом насчитывал 100 человек [4, Л. 19].

Деятельность Н.А. Маниса заключалась в распространении информации о положении на фронтах Великой Отечественной войны в виде листовок, в сборе данных о местонахождении и режиме немецких объектов на территории города Полоцка. Согласно воспоминаниям Н.А. Маниса, «В первые дни перед нами возникла проблема получения информации о положении на фронте. Гитлеровцы трубили о своих победах, о захвате Москвы, о разложении Красной Армии… Правдивую информацию мы получали разными путями… Ещё с осени мы с Суховеем организовали тайник для сообщений с фронта и другой информации. Он был устроен в одной из заброшенных коморок около отдела снабжения (часть здания было разрушено и не использовалось). Сводки или листовки, часто написанные от руки или напечатанные на машинке (Пашкевич), клались в тайничок почти ежедневно каждым, кто располагал информацией, и прочитывались после нами (Суховей, я, Миндалев, Пашкевич, а затем к тайничку были приобщены и кое-кто из надёжных людей, приезжавших в отдел снабжения из района)» [1, Л. 11–12]. Кроме того, работая в отделе по снабжению в районной управе, Н.А. Манис имел возможность организации поддержки продуктами городских семей, не имеющих кормильцев, путём вписывания в списки лишних иждивенцев и выдачи на них карточек и т.д.

Его деятельность продолжалась до 20 октября 1942 года до момента ликвидации районной управы и преследования её работников со стороны оккупационных властей.

На вопрос о том, при каких условиях был создан план, отвечает сам Н.А. Манис: «Я с семьёй вышел в партизаны 20 октября 1942 года (этим числом датируется и план – *авт. А. К.*) в первые же два дня по просьбе заместителя командира бригады по разведке Рыжика я по памяти нанёс на карту города более 60 немецких объектов, изучение которых мы производили с Безером. Этот план послужил хорошую службу не только партизанам, как я хорошо помню, с него дважды снималась копия для использования один раз спецгруппой МГБ (Министерство государственной безопасности – *авт. А. К.*), пришедшей из-за фронта» [2, Л. 19].

Манис был определён «в разведку, откуда в самом начале 1943 года командованием бригады, не без ведома, а может быть и по инициативе Марченко, был переведён в штаб бригады», где «было поручено также заниматься делами по разведке, которую вела бригада» [2, Л. 19].

Таким образом, Н.А. Манис в годы нацистской оккупации территории г. Полоцка с 16 июля 1941-го по 20 октября 1942 года находился в пределах города и, соответственно, достаточно хорошо ориентировался и знал месторасположение как военных, так и гражданских объектов. Карта, составленная им (см. вклейку), на наш взгляд, вполне соответствует реальному положению дел в исследуемый период.

Пояснительная записка к карте

1. Здание Ортскомендатуры;
2. Soldaten Heim (солдатский дом – *авт. А. К.*);
3. Полевая жандармерия;
4. Полоцкая Городская Управа;
5. Казарма воинской части;
6. Склад стройматериалов;
7. Казарма воинской части;
8. Казарма воинской части;
9. Общежитие немцев, строителей железнодорожного моста;
10. Полоцкая жандармерия;
11. Рабочая колонна по вывозке леса;

12. Бензосклад (наземный);
13. Склады;
14. Восточный вокзал;
15. Узел связи (воинский);
16. Школа по подготовке агентов шпионажа. Казарма;
17. Гестапо. Управление транспорта;
18. Здание (неразборчиво – *авт. А. К.*);
19. Гараж автомашин;
20. Фельдкомендатура (полевая комендатура);
21. Группа зданий. Казармы SS, склады;
22. Подземный бензосклад;
23. Крупный наземный бензосклад;
24. Склады строй материалов;
25. Казармы военной части;
26. Казармы военной части;
27. Воинский хлебозавод;
28. Склад боеприпасов;
29. Электростанция;
30. Группа зданий – военный госпиталь;
31. Навесной железнодорожный мост;
32. Железнодорожный мост через р. Полоту;
33. Новое депо – паровозное;
34. Депо паровозное;
35. Железнодорожная полиция (до 20 человек);
36. Западный вокзал;
37. Разрушенный деревянный мост;
38. Пешеходный железный мост;
39. Двухпутный железнодорожный мост;
40. Мясокомбинат;
41. Здание ВИКО-Полоцк;
42. Деревянный мост через р. Полота;
43. Строящийся деревянный мост;
44. Лагерь военнопленных;
45. Место стоянки бронепоезда и воинских эшелонов;
46. Тюрьма;
47. Гараж автомашин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воспоминания Н.А. Маниса // Зональный городской архив в г. Полоцке (ЗГА). – Фонд 1164. – Оп. 25. – Д. 2. – Л. 3.
2. Из письма Н.А. Маниса от 22 января 1985 г. // ЗГА в г. Полоцке. – Фонд 1164. – Оп. 25. – Д. 2. – Л. 19.
3. Манис Н.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://local.polotsk.museum.by/node/22735. – Дата доступа: 11.03.2014.
4. Отчёт о боевой деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады т. Марченко за период с сентября 1941 г. – по 1 августа 1942 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 252. – Л. 19.
5. План г. Полоцка с нанесением на него военных объектов от 20 октября 1942 г. // НАРБ. – Фонд 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 4.

Поступила 27.03.2014

THE PLAN, POLOTSK WITH DRAWING ON HIS MILITARY OBJECTS ON OCTOBER 20, 1942 (PLAN N.A. MANISA) AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE NAZI OCCUPATION (1941–1944)

A. KORSAK

The study of the period of Nazi occupation of Belarus in the framework of local history on the example of cities and towns, at this stage of development of the domestic historiography seems relevant. Moreover, in the absence of direct sources on the topic concerned. This article was first introduced into scientific use of archival documents found in the National archives of the Republic of Belarus. In particular, the original plan, Polotsk on October 20, 1942, N.A. Manisa (one of the underground, Polotsk) with application to him of military and civilian objects and the explanatory note, known before only restored after the war.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 303.442.4(476)“8/11”=161.3

АСВЯТЛЕННЕ ІНСТЫТУТА КНЯЖАЦКАЙ УЛАДЫ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ IX–XII СТАГОДДЗЯЎ У ПІСЬМОВЫХ КРЫНІЦАХ

Ю.М. КЕЖА
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Зроблен аналіз асноўных пісьмовых сярэднявечных крыніц, у якіх асвятляюцца інстытуты ўлады на беларускіх землях “далітоўскага перыяду” (IX–XII стст.). Паводле разгляду старажытнарускіх летапісных і замежных крыніц, хрысціянскіх літаратурных твораў і заканадаўчых матэрыялаў робіцца выснова аб разнароднасці звестак асобных пісьмовых помнікаў у залежнасці ад палітычных, гістарычных і традыцыйна-культурных умоў напісання крыніцы. Сацыяльна-палітычная рэчаіснасць, адлюстраваная ў тэксце крыніцы, абсалютна нехарактэрна для той рацыяналізацыі і сістэматычнасці, якую выкарыстоўваюць пры даследаванні з’яў і працэсаў сучаснага грамадства. Старажытнарускую сацыяльную прастору немагчыма даследваць, не ўлічваючы культурныя і гістарычныя асаблівасці эпохі, умовы напісання тэксту крыніцы, а таксама аксіялагічныя ўстаноўкі і светапогляд аўтара.

Уводзіны. Гісторыя ўсходнеславянскіх зямель перыяду ранняга сярэднявечча адлюстравана ў летапісных паведамленнях, хрысціянскіх літаратурных творах, дакументальных і заканадаўчых матэрыялах, а таксама ў пісьмовых замежыных крыніцах. Пры ўсёй каштоўнасці пісьмовых крыніц па гісторыі Старажытнай Русі відавочны недахоп паведамленняў, прысвечаных гісторыі беларускіх зямель, у прыватнасці тых яе рэгіёнаў, дзе на працягу IX–XIII стагоддзяў пачалі складвацца і развівацца дзяржаўныя ўтварэнні – Полацкае і Тураўскае княствы. Аднак нягледзячы на фрагментарны характар паведамленняў аб гісторыі заходніх зямель дамангольскай Русі, пісьмовыя крыніцы варта лічыць неабходным інфарматыўным матэрыялам пры разглядзе дзяржаватворчых працэсаў на тэрыторыі Усходняй Еўропы IX–XIII стагоддзяў.

Пры даследаванні працэсу развіцця інстытутаў публічнай улады на землях старажытнай Русі, важнейшыя звесткі прадстаўлены ў летапісах. Пры аналізе паведамленняў, змешчаных у летапісных крыніцах, трэба мець на ўвазе іх тэндэнцыйны і суб’ектыўны характар, які ў асноўным залежыў ад асобы летапісца і замоўца летапісу. У гэтай сувязі даследаванне, прысвечанае сацыяльна-палітычнай гісторыі, патрабуе крытычнага падыходу і ўліку ўмоў, пры якіх летапіс быў напісаны.

Асноўная частка. Сярод усіх летапісных крыніц, варта вылучыць важнейшую з іх – “***Аповесць аб мінулых часах***” (АМЧ – *Ю. К.*). Гэты помнік усходнеславянскага пісьменства захаваўся і стаў асновай пазнейшых летапісных зборнікаў: Лаўрэнцьеўскага (1377), Іпацьеўскага (пачатак XV ст.) і Радзівілаўскага (XV ст). Ужо ў недатаванай частцы летапісу аўтар паведамляе пра племянныя княжэнні палян, драўлян, наўгародскіх славен, дрыгавічоў і полацкіх крывічоў [1, с. 7–9]. Такім чынам, аўтар вылучае тыя плямёны, якія, на яго думку, мелі ўласныя княжэнні і вылучаліся больш развітым сацыяльна-грамадскім ладам у параўнанні з іншымі ўсходнеславянскімі плямёнамі. Называючы палянскага князя Кія фактычна родапачынальнікам радавой княжацкай лініі ў палян, аўтар АМЧ таксама звяртае ўвагу на легендарных родапачынальнікаў радзімічаў і вяцічаў – Радзіма і Вятку [1, с. 9]. Верагодна, паведамленне аб гэтых першапродках данесла да нас урыўкі некаторых звязаных з радзімічамі і вяцічамі паданняў, якія існавалі ў кожнага з плямён, і ад імя міфічнага родапачынальніка аўтар выводзіць назву ўсяго племені. Падобная з’ява назіраецца ў датаваным (6488) 980 годам паведамленні аб тураўскім князе Туры [2, с. 3–11].

Пачынаючы з 862 года гісторыя ўсходнеславянскіх зямель у АМЧ ідэалагічна асэнсоўваецца як праўленне роду Рурыкавічаў. З пункту гледжання летапісца, толькі гэты княжацкі род мае спадчыннае права на рускія землі. Летапісец, пачынаючы весці гісторыю дзяржаўнасці на землях усходніх славян з часоў запрашэння Рурыка, паказвае перадачу ўлады ў Старажытнай Русі па адзінай мужчынскай лініі князёў: Рурык – Алег – Ігар – Святаслаў – Уладзімір – Яраслаў. Нашчадкі Яраслава Уладзіміравіча (978–1054) (Яраславічы) асэнсоўваюцца аўтарам “Аповесці” як адзіныя і законныя спадкаемцы яго ўлады. Іх праўленне легітымна абгрунтоўваецца самім фактам прыналежнасці да роду Рурыкавічаў і нашчадкаў Яраслава. Асабліва хваравіта ўспрымаюцца летапісцам міжкняжацкія сутыкненні і войны паміж князямі ўнутры роду Яраслава. У гэтай сувязі прадстаўнікі асобных галін княжацкай дынастыі Рурыкавічаў (Святаполк, полацкія Ізяславічы) разглядаюцца летапісцам або нейтральна, або ў адмоўным ключы.

Полацкая зямля ў старажытнарускіх летапісах разглядаецца як чужая і патэнцыйна варожая. Такі погляд з боку кіеўскага і наўгародскага летапісца на Полаччыну быў перш за ўсё звязаны з адасобленым

праўленнем у Полацку княжацкай дынастыі Рагвалодавічаў [3, с. 21]. У “Аповесці” пад 6488 (980) годам і Лаўрэнцьеўскім летапісе пад 6636 (1128) годам выкладзена летапісная легенда аб Уладзіміры і Рагнедзе, якая абгрунтоўвае больш чым векавое супрацьстаянне і ўзаемную непрыязнасць полацкіх Ізяславічаў і нашчадкаў Яраслава Уладзіміравіча: “*И оттоле мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлимъ внукомъ* ” [1, с. 207].

У даследаванні сацыяльна-палітычнай гісторыі Старажытнай Русі АМЧ каштоўная тым, што ў ёй асвятляюцца буйныя палітычныя падзеі старажытнарускіх зямель: міжкняжацкія войны, княжацкія з’езды, пастанаўленні мітрапалітаў і епіскапаў, асобныя падзеі ў княжацкіх сем’ях. Вельмі вялікая роля ў палітычным жыцці адводзіцца царкве. У летапісе асвятляецца дзейнасць княжацкай дружыны і княжацкага апарату кіравання. Некаторыя паведамленні прысвечаны ўдзелу насельніцтва ў палітычным жыцці гарадоў. Даследуючы гэты каштоўны помнік старажытнарускага пісьменства, трэба мець на ўвазе кампілятыўны характар асобных паведамленняў як узораў візантыйскай пісьмовай традыцыі, а таксама легендарны характар асобных артыкулаў.

Паводле даследчыка старажытнарускіх летапісаў А.А. Шахматава, у сярэдзіне XI стагоддзя быў складзены **Наўгародскі летапісны звод**, які істотна адрозніваўся ад кіеўскай галіны летапісання. У сувязі з гэтым даследчык шэраг звестак аб гісторыі Полацка ідэнтыфікаваў як наўгародскія (запісы пад 6488 (980), 6529 (1021), 6552 (1044), 6571 (1063), 6573 (1065), 6574 (1066), 6577 (1067) гг.) [4, с. 127–135]. У кантэксце гэтых паведамленняў Полацк – адзін з галоўных ворагаў Ноўгарада. Гэта датычыцца шэрагу паведамленняў эсхаталагічнага характару, звязанага з полацкім князем Усяславам Брачыславічам (каля 1028–1101 гг.). Пачатак ваеннай дзейнасці гэтага князя супраць Пскова і Ноўгарада, суправаджаўся апісаннем незвычайных прыродных з’яў, якія ў разуменні летапісца нічога добрага не прадвяшчалі. Напрыклад, Наўгародскі I летапіс пад 6571 (1063) годам паведамляе: “*В се же лето в Новегороде идее Волховъ въспять; се же знамение не на добро бысть: на четвертое лето пожьже Всеслав град* ” [5, с. 183–184]. Гэты ж летапіс пад 6573 (1065) годам: “*В се же время бысть знамение на западе: звезда привелика, луце имущи акы кровавы, въсходящи с вечера по заходе солнецьном; пребысть же днии 7. Се же проявляше не на добро…*” [5, с. 184].

Такім чынам, аналізуючы апісанне гісторыі Полацкай зямлі XI стагоддзя ў АМЧ і Наўгародскім першым летапісе, аўтары летапісных твораў успрымалі Полацкае княства як тэрыторыю адасобленую, чужую і незнаёмую [3, с. 21]. Адмоўнае стаўленне да Полаччыны, у параўнанні з Тураўскім княствам, было абумоўлена адасобленасцю роду полацкіх Ізяславічаў ад княжацкай галіны Яраславічаў. Актыўная ваенная дзейнасць Усяслава Брачыславіча супраць Ноўгарада і паўднёварускіх князёў падмацоўвала варожае стаўленне да Полацка з боку наўгародскіх і кіеўскіх летапісцаў. У сваю чаргу, залежнасць Тураўскага княства ў X – першай палове XII стагоддзя ад кіеўскіх князёў і княжэнне ў ім прадстаўнікоў і нашчадкаў кіеўскага князя Уладзіміра Святаславіча (980–1015) і Яраслава Уладзіміравіча адметна не адлюстравалася ў асвятленні яго гісторыі.

Палітычная гісторыя беларускіх зямель XII стагоддзя, дзейнасць асобных палітычных інстытутаў у Полацкім, Тураўскім і Смаленскім княствах адлюстравана ў **Лаўрэнцьеўскім і Іпацьеўскім летапісных зводах** [1; 6]. У летапісах паведамляецца аб грандыёзным ваенным паходзе на Полацк сіл амаль усёй паўднёвай Русі ў 1128 годзе [6, с. 202–203]. Згодна з гэтымі падзеямі ўпершыню гаворыцца пра актыўную дзейнасць палачан у адносінах да свайго князя, што можа сведчыць аб існаванні ў Полацку першай паловы XII стагоддзя веча як пэўнага палітычнага інстытута: “*И тако Полочане сътснувшеси выгнаша Давыда, и съ сыньми поемше Рогъволода идоша къ Мстиславу* (кіеўскаму князю (1125–1132) – *Ю. К.*), *просящее и собе князем, и створи волю ихъ Мстиславъ, и поимше Рогволода ведоша и Полотьску*” [1, с. 206]. Наступнае паведамленне, якое сведчыць аб складаных узаемаадносінах паміж палачанамі і князем, датычыцца 1151 года. У гэтым годзе палачане пазбавілі ўлады Рагвалода Барысавіча, а на яго месца запрасілі менскага князя Расціслава Глебавіча [6, с. 307]. Пад 1159 годам у Іпацьеўскім летапісе паведамляецца аб выгнанні Расціслава і паўторным запрашэнні на полацкі пасад Рагвалода Барысавіча [6, с. 339–340]. Падзеі ў Полацку 20–50-х гадоў XII стагоддзя, зафіксаваныя ў старажытнарускіх летапісах, сведчаць аб моцным крызісе княжацкай улады ў Полацкім княстве і палітычным узмацненні гараджан, што гаворыць аб вялікай ролі веча ў палітычным жыцці Полаччыны. На жаль, летапісы не раскрываюць пытання аб асноўных функцыях веча, яго сацыяльным складзе і перыядзе яго функцыянавання. На падставе асобных паведамленняў, даследчыкамі выдвігаліся пэўныя гіпотэзы, часта супрацьлеглыя, таму гэтае пытанне да сённяшняга дня застаецца адкрытым [7].

У старажытнарускіх летапісах шмат паведамленняў прысвечана Смаленскаму і Тураўскаму княствам. У летапісах змешчаны каштоўныя звесткі аб палітычнай гісторыі Смаленска, асабліва яго росквіту ў другой палове XII стагоддзя. Летапісныя паведамленні сведчаць пра значную ролю ў палітычным жыцці веча на Смаленшчыне ўжо пры дзецях Расціслава Мсціславіча (1108–1167) [6]. У 1186 годзе летапіс паведамляе аб паўстанні смалян: “*Въстань бысть Смоленьске промежи княземъ Давыдомъ и смоляны и много головъ паде луцьшихъ муж*” [6, с. 455]. У дадзеным паведамленні размова магчыма ідзе пра за-

можных гараджан, якія кіруюць вечавым сходам. У XIII стагоддзі роля веча ў Смаленску ўзмацняецца [6]. Аналізуючы летапісную гісторыю Тураўскай зямлі XII стагоддзя, трэба адзначыць, што як зямля, якая бліжэй прылягала да Кіеўскага княства, Тураўшчына да 1113 года кіравалася старэйшымі сынамі кіеўскага князя і, такім чынам, знаходзілася ў прывелеяваным становішчы. Сталае панаванне ў Тураве дынастыі Ізяслава Яраславіча магло сведчыць аб спадчынным валоданні гэтай зямлёй. Паводле паведамлення Іпацьеўскага летапісу, у 1142 годзе Усевалад Ольгавіч (1084–1146), дачыніў да тураўскага княства прынцып старэйшынства і заявіў аб яе прыналежнасці да Кіева [6, с. 215]. Гэты ж летапіс пад 1158 годам паведамляе аб аднаўленні княжацкай дынастыі ў Тураве. У гэты год тураўскі пасад заняў сын Яраполка Святаполчыча, Юрый [6, с. 346]. Такім чынам, з вяртаннем на тураўскі стол нашчадкаў Ізяслава Яраславіча (1054–1073; 1076–1078) самастойнасць Тураўскай зямлі афармляецца канчаткова.

Звесткі пра дзяржаўны лад Полацка XII стагоддзя знайшлі сваё адлюстраванне ў **"Аповесці пра Полацк"**, якая змешчана ў легендарнай частцы **"Хронікі Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага"**, другога беларуска-літоўскага зводу. Паводле летапіснай легенды, літоўскі князь Мінгайла пайшоў паходам на Полацк, у бітве разбіў палачан і заняў полацкі стол. Пасля смерці Мінгайлы полацкім князем стаў яго сын Гінвіл. Гэты князь, ахрысціўшыся па праваслаўнаму абраду, стаў "русінам" і прыняў хрысціянскае імя Барыс [8]. Паводле другой рэдакцыі "Аповесці…", у Барыса быў сын Рагвалод-Васіль, а ў таго сын – Глеб і дачка Праскева [9]. Беларускі даследчык Ю.А. Заяц выказаў гіпотэзу аб выкарыстанні аутарам "Аповесці пра Полацк" у якасці крыніцы страчаны Полацкі летапіс [10, с. 85–91]. Варта адзначыць, што паведамленне "Аповесці…" пра заснаванне полацкім князем Барысам горада Барысава на рацэ Бярэзіне знаходзіць адпаведнасць у "Гісторыі Расійскай" В.Н. Тацішчава [11, с. 95]. Паводле М.А. Філіповіч, варыянт генеалогіі літоўскай дынастыі полацкіх князёў змешчаны ў другой рэдакцыі "Аповесці…", можна перанесці на рэальную генеалогію полацкіх Усяславічаў. Гэта, паводле даследчыцы, "і з'яўляецца чарговым аргументам на карысць версіі аб Полацкім летапісе як крыніцы "Аповесці пра Полацк" [3, с. 26]. Варта пагадзіцца з М.А. Філіповіч, бо паведамленне магло захаваць рэшткі народных уяўленняў, дзе за легендарнымі асобамі аўтар бачыў полацкіх князёў XII стагоддзяў.

"Аповесць пра Полацк" даволі змястоўна распавядае пра ўнутраны лад Полацка яшчэ да легендарнага захопу горада літоўскім князем Мінгайлам. Гэта крыніца паведамляе пра панаванне ў Полацку народнага сходу, падобнага на палітычны лад Ноўгарада і Пскова: "*…Новгород Великий, Псков и Полоцк – без княжат почали волно собе жити и князства князей своих сами посели, взявши кшталт справованя Речи Посполитой от оных славных справ грецких афинеов и ляцедемонов…*" [8, с. 29]. У летапісе Рачынскага ўзнікненне моцнага веча ў Полацку адносяць да часоў князя Барыса. "*И пануючи ему в Полоцку был ласкав на подданные свои и дал им волности вечем ся судити и в звон звонити, и по тому ся справовати, як у Великом Новегороде и Пськове*" [9, с. 35]. Дадзенае паведамленне можа адпавядаць гістарычным падзеям першай паловы XII стагоддзя, з улікам таго, што гэтыя звесткі, зафіксаваныя ў XVI стагоддзі, засноўваюцца на вуснай фальклорнай традыцыі, якая магла данесці да нашчадкаў уяўленні аб інстытуце народнага прадстаўніцтва.

Вялікае значэнне для даследавання сацыяльна-палітычнага развіцця ўсходнеславянскіх зямель састаўляюць звесткі, змешчаныя ў арыгінальных літаратурных творах Старажытнай Русі: "Слове аб Законе і Ласцы" кіеўскага мітрапаліта Іларыёна, "Сказанні пра Барыса і Глеба", "Жыціі Феадосія Пячэрскага" "Словах" Кірыла Тураўскага, "Павучэнні" Уладзіміра Манамаха, "Слове пра паход Ігараў", "Памяці і пахвале князю Уладзіміру" Іакава Мніха, "Жыціі Ефрасінні Полацкай". Літаратурныя творы старажытнарускага перыяду каштоўныя перш за ўсё тым, што ў іх знайшлі адлюстраванне ідэалагічныя пабудовы асэнсавання і легітымізацыі княжацкай улады. У сферы кніжнай ідэалогіі, вобраз улады, у адрозненне ад народных уяўленняў, быў дакладна сфармуляваны і тэарэтычна адпрацаваны. Як адзначае расійскі гісторык В.В. Далгоў, у Старажытнай Русі "кніжная" эліта, у адрозненне ад заходнееўрапейскіх інтэлектуалаў, выконвала кансалідуючую функцыю і з'ўлялася носьбітам этнічнай своеасаблівасці [12, с. 84]. З другога боку, паколькі ўсходнеславянскія творы былі складзены ў асяроддзі манаства, якое на той час з'яўлялася "інтэлектуальнай элітай" старажытнарускага грамадства, ідэі, прадстаўленыя ў сачыненнях, адлюстроўваюць асэнсаванне княжацкай улады з боку вузкага кола асоб, якія гуртаваліся вакол прадстаўнікоў улады і нярэдка ажыццяўлялі іх заказ.

"Слова аб Законе і Ласцы" – адзін з самых старажытных помнікаў усходнеславянскай літаратуры. Твор уяўляе сабой урачыстую прамову кіеўскага мітрапаліта Іларыёна ў сярэдзіне XI стагоддзя. Адно з галоўных месцаў у творы належыць кіеўскім князям Уладзіміру і Яраславу. Апісваючы дзейнасць Уладзіміра Святаславіча ў справе хрышчэння, Іларыён адзначае: "*И не бы ни единого же противящася благочестному его повелению, да аще кто и не любовию, нъ страхом повелевшаага крещаахуся, понеже* ***бе благоверие его съ властию съпряжено***" (тут і далей вылучана мной – *Ю. К.*) [13]. Вылучаючы апошнюю фразу, трэба адзначыць асэнсаванне Іларыёнам улады Уладзіміра як набожнай і ў гэтай сувязі богаабранай. "Дабраахвотнае" хрышчэнне кіеўлян пацвярджае асвячэнне ўлады Уладзіміра Боскай воляй.

Аўтар, апісваючы вялікую заслугу Уладзіміра ў справе хрышчэння Русі, параўноўвае яго з першым рымскім імператарам – хрысціянінам Канстанцінам, а яго бабулю, княгіню Вольгу, з маці Канстанціна – Аленай. Іларыён, прыпісваючы Уладзіміру тыя якасці, якія былі ўласцівы Канстанціну: "*Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его*" [13], тым самым пераносіць яго дзеянні ў справе хрышчэння на Русь: "*Онъ съ материю своею Еленою крестъ от Иерусалима принесъша и по всему миру своему раславъша, веру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру.*" [13]. Такім чынам, супастаўленне справы Уладзміра для Русі са справай Канстанціна для грэкаў накіравана на стварэнне канцэпцыі богаабранасці і перанясення сталіцы хрысціянскага свету ў Кіеў, ператварэння яго ў важнейшы сакральны цэнтр хрысціянства.

Паказальна, што пасля супастаўлення Уладзіміра з Канстанцінам Іларыён указвае на прадаўжальніка яго справы, Яраслава Уладзіміравіча, параўноўваючы яго з старазапаветным царом Саламонам. Яраслаў па ўзору яўрэйскага цара пабудаваў храм Святой Сафіі ў Кіеве, як і Саламон пабудаваў вялікі храм у Ерусаліме. Гэта яшчэ раз пацвярджае ідэалагічную накіраванасць канцэпцыі Іларыёна: пераемнасць новай хрысціянскай сталіцы ў справе выратавання чалавецтва – роля, страчаная "ветхім" Іерусалімам. Пасля хрышчэння Русі гэтая ідэя была перанесена на ўсходнеславянскую дзяржаву з мэтай абгрунтавання яе роўнага статуса з Візантыяй [14].

Вялікае дзяржаўна-палітычнае і царкоўнае значэнне ў Старажытнай Русі меў культ Барыса і Глеба. У помніку старажытнарускай літаратуры сярэдзіны XI стагоддзя **"Сказанні пра Барыса і Глеба"** абгрунтоўваецца сакралізацыя нашчадкаў Уладзіміра Святаславіча. Барыс (каля 989–1015) і Глеб (каля 990–1015), з'яўляючыся першымі рускімі святымі і "законнымі" сынамі Уладзіміра згодна з тэкстам "Сказання… " выступаюць святымі заступнікамі правячага роду Рурыкавічаў, нашчадкаў Уладзіміра і Яраслава: "*Родъ правыихъ благословиться, – рече пророкъ, – и семя ихъ въ благословлении будеть*" [15]. Аўтар "Сказання…", апісваючы братазабойства, здзейсненае Святаполкам Яраполчычам (каля 980–1019), робіць асноўны акцэнт на яго грахоўным нараджэнні: "*и бысть отъ дъвою отьцю и брату сущю. Темьже и не любляаше его Володимиръ, акы не отъ себе ему сущю*" [15], тым самым падкрэсліваючы яго "першапачатковую грахоўнасць" і нелегітымнасць праўлення. Згодна з канцэпцыяй аўтара "Сказання…", прыналежнасць Святаполка да лініі Яраполка Святаславіча (праўленне 972–978) не суадносіцца з законнасцю яго права на Кіеўскі пасад.

Акрамя царкоўнага, культ Барыса і Глеба меў важнае палітычнае значэнне. Паводзінамі Барыса і Глеба, якія не паднялі рукі на старэйшага брата нават у абарону свайго жыцця, асвячалася ідэя радавога старэйшынства ў сістэме княжацкай іерархіі: князі, якія не парушылі гэтай запаведзі, сталі святымі. Палітычная тэндэнцыя ўшанавання першых рускіх святых заключалася ў асуджэнні міжкняжацкіх войнаў. У якасці асноўнага сэнсу твора аўтар хацеў данесці ідэю ўмацавання дзяржаўнага адзінства Русі на падставе строгага захавання феадальных узаемаадносін паміж князямі. Усе князі, якія з'яўляюцца нашчадкамі Яраслава Уладзіміравіча, – браты, але старэйшыя павінны абараняць малодшых і заступацца за іх, малодшыя ў сваю чаргу павінны ва ўсіх справах падпарадкоўвацца старэйшым. У гэтай сувязі сэнс твора перагукаецца з "радом Ярослава", які быў складзены перад смерцю кіеўскага князя Яраслава Уладзіміравіча ў сярэдзіне XI стагоддзя.

Цікавай крыніцай пры даследаванні ўзаемаадносін паміж прадстаўнікамі чорнага духавенства (манаства) і вярхоўнай уладай з'яўляецца **"Жыціе Феадосія Пячэрскага"**. Дадзены агеаграфічны твор быў складзены манахам Пячэрскага манастыра Нестарам, які таксама з'яўляўся аўтарам "Сказання аб Барысе і Глебе" і знакамітай "Аповесці аб мінулых часах". У творы даволі выразна адлюстраваны погляд на легтымізацыю ўлады старэйшага прадстаўніка кіеўскага княжацкага дому Яраславічаў. Выказваючы сваю думку аб падзеях выгнання з Кіева ў 1073 годзе Святаславам Яраславічам Чарнігаўскім (1027–1076) і Усеваладам Яраславічам Пераяслаўскім (1030–1093) свайго старэйшага брата Ізяслава, аўтар твора асуджае дзеянні малодшых братоў. Асноўная крытыка і ўкоры Феадосія накіраваны на заняўшага кіеўскі пасад Святаслава: "*Тъгда же отець наш Феодосии напълнивъся святаго духа начатъ того обличати, яко неправьдно сътворивъша и не по закону седъша на столе томь и яко отьця си и брата старѣйшаго прогьнавъша*" [16, с. 55]. Паказальна пры гэтым тое, што на працягу ўсяго твора вобраз кіеўскага князя Ізяслава Яраславіча (1024–1077) паказаны як выключна станоўчы. Ізяслаў у творы называецца як "христолюбивый князь" і адзначаецца добрае стаўленне князя да самаго Феадосія [16]. Паводле твора, Феадосій пасылае князю Святаславу ліст, дзе той у адносінах да Ізяслава параўноўваецца з біблейскім братазабойцам Каінам: "*Се же и послѣже въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличаяя того и глаголя: "Глас кръве брата твоего въпиеть на тя къ Богу, яко Авелева на Каина*" [16, с. 56]. Гэтае паведамленне натуральна выказала адмоўную рэакцыю з боку Святаслава, які быў ужо гатовы прымяніць для Феадосія рэпрэсіўныя меры, але, як адзначае аўтар твора, "*Нъ обачеонъ, аще и вельми разгнѣвалъся бѣ на блаженаага, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скърьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его.*" [16, с. 56]. У гэтым выпадку адносіны князя да манаха выглядаюць як адмоўныя,

але ўсё ж такі паважлівыя. Князь пры ўсім жаданні не можа ўстраніць Феадосія, тым самым прызнаючы яго права даваць маральную адзнаку сваім дзеянням.

"Жыціе Феадосія Пячэрскага" таксама з'яўляецца совеасаблівай крыніцай, дзе адлюстраваны княжацкі быт і правядзенне князем вольнага часу. Вольны час князь праводзіў у весялосці, акружаны музыкамі, на што манах шчыра абураўся: "*И въ единъ от дьний шьдъшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко въниде въ храмъ, идеже бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже* ***обычай есть прѣдъ князьмь***" [16, с. 56]. У дадзенай узгадке асаблва адзначаецца, што падобныя паводзіны для князя з'яўляюцца нормай ("*обычай есть прѣдъ князьм*").

Феадосій і ў гэтым выпадку лічыць сваім абавязкам даваць маральна-этычную адзнаку княжацкім дзеянням: "*Блаженый же, бѣ въскрай его сѣдя и долу нича и яко малы въсклонивъся, рече къ тому: "То будеть ли сице на ономь свѣтѣ?" То же ту абие онъ съ словъмь блаженаго умилися и малы просльзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати*" [16]. "Жыціе" акрамя маральна-павучальнага характара агульнага тэксту, дае каштоўную інфармацыю па сацыяльнай гісторыі, узаемаадносінам унутры старажытнарускай эліты.

"Памяць і пахвала князю Уладзіміру" Іакава Мніха – адзін з найбольш старажытных твораў рускай літаратуры, створаны ў XI стагоддзі. Паводле гіпотэзы А.А. Шахматава, у творы захаваліся паведамленні з летапісу, які папярэднічаў не толькі "Аповесці аб мінулых часах", але і Пачатковаму зводу (канец XI ст.) [4, с. 13 – 28].

Кіеўскі князь Уладзімір на працягу доўгага часу не прызнаваўся святым: яго афіцыйнай кананізацыі пярэчыла грэцкая канстанцінопальская патрыярхія. Аднак шанаванне Уладзіміра як князя-хрысціцеля на Русі існавала ўжо ў XI стагоддзі. Праца Іакава Мніха прадстаўляе менавіта гэтую старажытнарускую тэндэнцыю. Услед за мітрапалітам Іларыёнам Іакаў праслаўляе Уладзіміра як хрысціцеля Русі і "апостола в князех". Заслугі Уладзіміра ў хрышчэнні дзяржавы і раздачы міласціны жабракам выкупаюць у вачах аўтара твора злачынствы князя ў паганскія часы. Жыццё завяршаеца пералікам паходаў і перамог Уладзіміра, які памірае ў набожнасці [17].

Даследчыкі не аднойчы звярталі ўвагу на тое, што "Памяць і пахвала…" складзена пад уплывам "Слова аб Законе і Ласцы" Іларыёна. Так, у творы Іакаў згодна з мітрапалітам Іларыёнам параўноўвае Уладзіміра з Канстанцінам у справе хрышчэння дзяржавы: "*И ты, блаженый княже Володимере, подобно Констянтину Великому дело сътвори, яко оно верою великою и любовью Божиею подвигся*" [17]. Паводле тэксту твора, асноўныя дасягненні князя – хрышчэнне насельніцтва, зніштажэнне язычніцкіх капішч і актыўнае будаўніцтва хрысціянскіх храмаў. У гэтай сувязі дзейнасць па распаўсюджванню хрысціянства Уладзімірам атаясамляецца з дзейнасцю першага хрысціянскага імператара Канстанціна.

Сярод літаратурных твораў старажытнарускага перыяду **"Павучэнне"**, напісанае кіеўскім князем Уладзімірам Манамахам (1053–1125), некаторымі даследчыкамі лічыцца першай свецкай пропаведдзю [18, с. 64]. "Павучэнне" дайшло да нас у складзе Лаўрэнцьеўскага летапіснага зводу (1377) і ўключае тры асноўныя часткі: само "Павучэнне", аповед аб "путях и словах" (аўтабіяграфія) і пісьмо да стрыечнага брата Алега Святаславіча (каля 1053–1115) [1].

У творы Уладзіміра Манамаха знайшлі сваё адлюстраванне разважанні на актуальныя для ранняга рускага сярэднявечча тэмы маральнага і жыццёвага характару. "Павучэнне" ў першую чаргу адрасавана дзецям князя, якія таксама ў будучыні павінны стаць князямі. "Павучэнне" – гэта пажаданне будучай старажытнарускай сацыяльнай эліце, якое складае практычныя парады палітычнага жыцця і княжацкай этыкі. Паводле некаторых даследчыкаў, гэты твор даволі празрыста ўпісваецца ў агульнаеўрапейскі кантэкст. "Для Сярэднявечнай культуры "Павучэне Уладзіміра Манамаха " – рэч вельмі ардынарная, больш таго, нават банальная" [19, с. 269–270]. На думку М.П. Аляксеева, "Павучэнне" служыла свайго роду школьным дапаможнікам, па якім практыкаваліся ў грамаце маладыя прадстаўнікі княжацкіх сем'яў, паралельна засвойваючы нормы маралі, прынятыя ў грамадстве, і атрымліваючы агульныя звесткі аб сваёй будучай справе [20, с. 35–37]. Акрамя гэтага, "Павучэнне" Уладзіміра Манамаха з'яўляецца крыніцай уяўленняў аб праблемах сацыяльнага быцця, праблемах чалавечых каштоўнасцей. У адрозненне ад літаратурных твораў, напісаных прадстаўнікамі духавенства, "Павучэнне" адрозніваецца адсутнасцю ў ім візантыйскай ідэйна-палітычнай спадчыны. Каштоўнасць твора заключаецца ў адлюстраванні менавіта ўсходнеславянскай мадэлі грамадска-палітычнай думкі [12, с. 155–156].

Уладзімір Манамах у творы малюе ідэальны вобраз князя. Пачынаецца твор з характарыстыкі князя сабе: "*Азъ худый* ***дедомъ своимъ Ярославомъ****, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и* ***матерью своею Мьномахы.*** *…*" [21]. Прыніжаючы сябе ў духе хрысціянскай пакоры, Уладзімір Манамах, тым не менш, звяртае ўвагу чытача на сваё паходжанне. Яго дзед – "благословленыи" і "славныи," Яраслаў, па маці, кіеўскі князь вядзе сваё паходжанне ад візантыйскага імператарскага роду Манамахаў. Аналізуючы першыя радкі твора, можна

зрабіць выснову аб тым, што радавітасць у княжацкім родзе – безумоўная каштоўнасць. Каштоўнасць гэта заключаецца ў нараджэнні і прыналежнасці будучага ўладара да княжацкага роду Рурыкавічаў, які меў выключную манаполію на ўладу ў старажытнарускіх землях. У гэтай сувязі ўяўленні аб значнай ролі радавых сувязяў з'яўляюцца аднымі з галоўных у грамадскай свядомасці Старажытнай Русі.

Маральны імператыў, які прапагандуецца Уладзімірам Манамахам, палягае перш за ўсё ў дзеяннях, якія б адпавядалі закону продкаў, г. зн. універсальным нормам права, прынятым у грамадстве. Аналізуючы тэкст "Павучэння", Е.Б. Евароўскі прыходзіць да высновы, што "ва ўмовах феадальнай раздробленасці прытрымліванне законаў продкаў набывала асаблівую актуальнасць пры разбурэнні палітычных сувязяў, узмацненні сіндрому суверэнізацыі нараўне з дамоўным правам, якія актыўна развіваюцца ў гэтую эпоху, агульная памяць аб агульных продках выконвала велічэзную кансалідуючую функцыю ў старажытнарускіх землях" [19, с. 270].

У настаўленні князя сваім дзецям, асобную ўвагу варта звярнуць на яго асабістыя якасці. У адрозненне ад вобраза ідэальнага правіцеля, які склаўся ў візантыйскай грамадска-палітычнай думцы, князь Старажытнай Русі павінен выконваць працу сам ва ўзор іншым: *"В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает."* [21]. Акрамя асабістага ўмення, ідэальны князь, на думку Манамаха, павінен валодаць якасцямі, якія яго характарызуюць як узорнага хрысціяніна. Гэта клопат аб жабраках, прыхільнасць клятве, дадзенай на крыжы, павага да прадстаўнікоў духавенства і захаванне Божых запаведзяў [21].

Вяршыняй мастацкай сярэднявечнай літаратуры лічыцца твор **"Слова пра паход Ігараў"**, напісаны ў канцы XII стагоддзя. Урывак са "Слова..." пра міжусобіцы полацкіх князёў насычаны, як і ўвесь твор, паэтычнымі абагульненнямі і вобразамі. Тут ахоплены два перыяды з гісторыі Полацкай зямлі: часы князя Усяслава Брачыславіча (другая палова XI ст.) і перыяд княжацкіх міжусобіц на Полаччыне ў XII стагоддзі [22].

Паводле гісторыка-лінгвістычных даследаванняў, Г.В. Сумарукавым было выказана меркаванне аб магчымым аўтары "Слова" – полацкай княгіне Марыі Васількаўне, жонцы кіеўскага князя Святаслава Усеваладавіча [23]. У творы вялікі раздзел прысвечаны апісанню падзей, якія адбываліся ў Полацкай зямлі. "Полацкі раздзел" займае адну дзесятую частку твора. Пачынаецца апісанне падзей з гісторыі Полаччыны паведамленнем – устаўкай аб князе Ізяславе Васількавічы, які змагаўся на заходніх межах Полацкай зямлі з літоўцамі і там знайшоў сваю смерць. Пра князя Ізяслава Васількавіча не паведамляецца ў летапісах, але, верагодна, ён быў братам Марыі Васількаўны, і звестка аб ім у "Слове" яшчэ раз пацвярджае аўтарства полацкай княгіні. З кароткага апісання гібелі Ізяслава ў бітвах з літоўскімі плямёнамі мы даведваемся аб адным з полацкіх князёў, які быў невядомы летапісцам, або складальнікі летапісу свядома не звярталі ўвагу на гэтую асобу полацкай гісторыі.

Асобная ўвага ў "Слове" належыць полацкаму князю Усяславу Брачыславічу. Гэты полацкі князь, разам з Алегам Святаславічам з'яўляецца пачынальнікам шматлікіх усобіц у рускай зямлі. У гэтай сувязі паведамленне, якое датычыцца Ізяслава Васількавіча: *"Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя,* ***притрепа славу деду своему Всеславу****, а сам подъ чрълеными щиты на кровавее траве притрепанъ литовскыми мечи…"* [22, с. 86], сведчыць аб выкупленні князем мінулай благой славы свайго дзеда Усяслава. У апісанні падзей, звязаных з полацкім князем Усяславам, паведамляецца аб яго прэтэнзіях на авалоданне кіеўскім вялікакняжацкім сталом: "*На седьмом веце Трояни* ***връже Всеславъ жребий о девицю себе любу*** (Кіеў – *Ю. К.*). *Тъй клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружиемъ злата стола киевьскаго"* [22, с. 88]. Такім чынам, нягледзячы на пэўную ізаляванасць полацкай княжацкай дынастыі па прычне смерці старэйшага сына Уладзіміра Святаславіча Ізяслава раней за бацьку (у 1001 г.), асобныя полацкія князі (у прыватнасці Усяслаў Брачыславіч) не пакідалі прэтэнзій на Кіеў.

Адным з найбольш адметных узораў старажытнарускай агіяграфічнай літаратуры з'яўляецца "**Жыціе Ефрасінні Полацкай**", напісанае ў канцы XII – першай палове XIII стагоддзя. Першапачатковы варыянт тэксту не захаваўся, але на сённяшні момант налічваецца каля 150 спісаў XVI–XVIII стагоддзяў, што сведчыць аб значнай папулярнасці дадзенага твора. Вобраз галоўнай гераіні ідэялізаваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі да агульных законаў агіяграфіі. Стваральніка твора ў першую чаргу цікавілі не рэальныя падзеі з жыцця Ефрасінні і яе акружэння, а тое агульнае, у чым, на думку аўтара, выяўлялася богаабранасць і святасць Ефрасінні. Тым не менш для даследавання палітычнай гісторыі Полацкага княства гэты твор каштоўны тым, што ў ім знайшлі адлюстраванне вобразы самой Ефрасінні Полацкай, яе бацькі, братоў, царкоўных іерархаў, таксама твор яскрава адлюстроўвае асаблівасці менталітэту і духоўных каштоўнасцей эпохі.

Ужо ў прадмове твора ідзе пералічэнне тых, каму гэтыт твор адрасаваны:*"Вы же, блазии послушници,* ***князи и боляре, и церковници, и честнии собори святых, сущии в манастырех, и простии люди****, снидетеся на новое сие слышание и послушайте прилежно…"* [24]. Такім чынам, у пачатку твора, у пераліку тых, да каго звяртаецца аўтар, адлюстроўваецца пэўная сацыяльная структура грамадства Полацкай зямлі. У пачатку твора аўтар звяртае ўвагу на радавод Ефрасінні. Яна была дачкой Святаслава-Георгія, сына славутага полацкага князя Усяслава Брачыславіча: *"Бысть князь в граде Полотсце именем Всеслав, той имея сыновы многы. И беше у него* ***меньший сын именем Георгий****, от него же родися сии блаженнаа отроковица."* [24].

Даследуючы палітычную гісторыю Полаччыны, з гэтага паведамлення можна даведацца аб старэйшынстве сыноў Усяслава і прыблізнай расстаноўцы сіл у іх дынастычнай барацьбе пасля смерці бацькі. Паказальна, што бацька Ефрасінні, Святаслаў-Георгій, у Жыціі названы князем Полацкім [24]. Аднак гэта не сведчыць аб тым, што ўдзелам Святаслава быў Полацк – галоўны горад княства. Гэты князь не мог займаць галоўны полацкі пасад па прычыне таго, што ён згодна з творам быў меньшым сынам Усяслава. У гэтай сувязі, аналізуючы паведамленне, дзе Святаслаў-Георгій названы полацкім князем, варта зрабіць выснову аб існаванні ў Полацку некалькіх князёў. Полацк фактычна з'яўляўся горадам-дзяржавай, і таму яго прыгарады (якія маглі знаходзіцца на значнай адлеглясці ад Полацка) знаходзіліся ў прамой залежнасці ад галоўнага горада княства. У гэтай сувязі найменне "Полацкія" насілі князі незалежна ад таго, дзе знаходзіліся вотчыны прадстаўнікоў дынастыі Ізяславічаў [25, с. 18].

Пры даследаванні сацыяльна-палітычнай гісторыі старажытнарускага перыяду значны інтарэс прадстаўляе паведамленне аб пачатку Полацкага манастыра Святога Спаса. Перад пачаткам будаўніцтва прысутнічалі "галоўны" полацкі князь Барыс, бацька Ефрасінні, Святаслаў, полацкі епіскап і баяры [24]. Перадача Сельца (якое з'яўлялася епіскапскай воласцю) [25, с. 32] для пабудовы манстыра, з'яўлялася значнай цырымоніяй, на якую епіскапам былі запрошаны Святаслаў (як бацька Ефрасінні – будучай намесніцы манастыра) і яго брат Барыс Усяславіч у якасці правячага полацкага князя, якому разам з прадстаўнікамі арыстакратыі (баярамі) належала права адабрэння падобных мерапрыемстваў.

Таксама ў тэксце Жыція ёсць паведамленне, з якога варта зрабіць выснову аб міратворчай і ўнтрыпалітычнай дзейнасці Ефрасінні: *"Тако бо бяше дан дар сей блаженной Еуфросинии от Бога, аще кто яе въпрошаше о коей вещи, она ему разрешаше, чему быти, и кто ея послушаше, той добро получаше, не бо хотяше видети кого которающася: ни князя со князем, ни болярина з болярином, ни от простых кого со своим другом, но всех хотяше имети, яко едину душу"* [24]. На думку А.А. Мельнікава, можна меркаваць аб існаванні ў Полацку, акрамя княжацкага і епіскапскага суда, суда манастырскага [25, с. 49]. Згодна з царкоўнай службай Ефрасінні яна: *"Князем сродником, друг на други дерзающим подъяти меч,* ***возбранила еси****, яко оружием обоюдоострым, пресекающим,* ***словом Божиим устрашающим****"* [25, с. 49]. Адсюль можна зрабіць выснову аб удзеле Ефрасінні ва ўнутрыпалітычным жыцці Полацкага княства, дзе яна выконвала ролю трацейскага суддзі паміж малодшымі полацкімі князямі. Разам з тым наяўнасць у Ефрасінні дзяржаўнай адміністрацыйнай пячаткі і факт знаходкі другой пячаткі, уладальнікам якой была жанчына-манахіня з манастыра Святога Спаса, дазваляе некаторым даследчыкам гаварыць аб канцэнтрацыі палітычнай улады ў Полацку ў руках Ефрасінні падчас высылкі полацкіх князёў у Візантыю (1129–1140) [26; 27]. Такім чынам паводле аналізу "Жыція Ефрасінні Полацкай" можна зрабіць пэўныя высновы аб палітычнай гісторыі Полаччыны першай паловы XII стагоддзя, яе сацыяльнай іерархіі і міжкняжацкіх адносінах унутры роду Ізяславічаў.

Вялікую каштоўнасць для старажытнарускай літаратурнай традыцыі прадстаўляюць творы **Кірыла Тураўскага** (1130 – каля 1180). Прысвяціўшы сябе духоўнаму жыццю, з'яўляючыся манахам, Кірыл выступаў са сваімі прамовамі публічна і такім чынам уключаўся ў ідэалагічную і палітычную барацьбу таго часу. У сваёй дзейнасці Кірыл выступаў на баку тураўскага князя Юрыя Яраславіча (каля 1112–1168). Менавіта па ініцыятыве гэтага князя Кірыл стаў тураўскім епіскапам (1169–1182). Сярод усіх твораў Кірылы Тураўскага найбольш распаўсюджанымі жанрамі з'яўляюцца публіцыстычная ("беседа") і аратарская ("словы") проза.

"Прытча аб чалавечай душы і целе" – апакрыфічная прытча, дзе разглядаюцца філасофскія праблемы суаднясення духоўнага і цялеснага, нябеснага і зямнога, свецкага і царкоўнага. Адной з асноўных мэт апавядання з'яўляюцца публіцыстычныя развагі аб узаемаадносінах свецкай і духоўнай улады, якія былі актуальнымі ў тыя часы. У творы ў алегарычнай форме прысутнічаюць дзеючыя асобы: сляпец, храмец, бесы, анёлы. Шэраг асоб не названыя па імёнах, але ў зашыфраваным выглядзе добра вядомы сучаснікам: Андрэй Багалюбскі ("храмец") і Уладзімірскі епіскап Фёдар ("сляпец") [28]. Сваім творам Кірыл Тураўскі асуджае палітыку Уладзімірскага князя Андрэя Юр'евіча Багалюбскага і епіскапа Фёдара. Уладзімірскі епіскап Фёдар пры падтрымцы Андрэя Багалюбскага заняў Уладзіміра-Суздальскую кафедру і паспрабаваў аддзяліцца ад кіеўскай мітраполіі. Кірыл, такім чынам, выступіў з асуджэннем дзейнасці ўладзімірскага князя і яго епіскапа, параўноўваючы іх з душой ("сляпец") і цела ("храмец"), якія переступілі Боскія запаведы і паплаціліся за гэта [28]. Інтарэс у асвятленні праблем узаемаадносін свецкай і

царкоўнай улады прадстаўляе апавяданне **“Повесть о белоризце и о мнишестве”** [29]. Галоўны сэнс “Аповесці” заключаецца ў праслаўленні “патаённага” жыцця – манаства. Згодна з асноўным зместам твора выразна прасочваецца ідэя прыярытэту духоўнай улады над свецкай.

Паводле аналізу літаратурных твораў Старажытнай Русі, трэба зрабіць выснову аб інфарматыўнай каштоўнасці гэтых крыніц у асвятленні легітымізацыі княжацкай улады. Аўтары твораў, якія, за асобнымі выключэннямі, з’яўлаліся прадстаўнікамі духавенства, асэнсоўвалі ролю князя і княжацкай улады ў Старажытнай Русі з пазіцыі хрысціянскага светапогляду. Акрамя непасрэдна ідэалагічнага складніка, у старажытнарускіх летапісных творах прысутнічае інфармацыя аб палітычнай гісторыі ўсходнеславянскіх (беларускіх) зямель, міжкняжацкіх узаемаадносінах і сацыяльнай іерархіі старажытнарускага грамадства.

Замежныя наратывы, якія адлюстроўваюць працэсы заражэння і развіцця першых інстытутаў улады на землях Усходняй Еўропы прадстаўлены візантыйскімі, заходнееўрапейскімі, усходнімі (мусульманскімі) і скандынаўскімі крыніцамі. Фрагменты замежных крыніц, якія датычацца паведамленняў пра ўсходніх славян і гісторыю Старажытнай Русі з V па XIII стагоддзе, паходзяць з розных гісторыка-культурных рэгіёнаў і таму адлюстроўваюць погляд на гісторыю Усходняй Еўропы скрозь своеасаблівую прызму культурнай традыцыі, да якой належаў аўтар.

Першыя творы, дзе адбываецца фіксацыя грамадскай арганізацыі і сацыяльнага ладу германцаў часоў правадырства, якіх тыпалагічна можна параўнаць з славянскімі плямёнамі V–VIII стагоддзяў, паходзяць з антычных часоў. Рымскі гісторык **Публій Карнелій Тацыт** (I ст. н. э.) у **“Аналах”** зафіксаваў асаблівасці вайсковай арганізацыі германцаў: “*Венеты перайнялі шмат з іх нораваў* (германцаў – *Ю. К.*), *бо з-за драпежніцтва ходзяць па лясах і гарах... Аднак іх хутчэй можна далучыць да германцаў, таму што яны будуюць сабе дамы, носяць шчыты і перамяшчаюцца пешшу*” [30].

Цэнтральнай фігурай ранневізантыйскай гістарыяграфіі з’яўляецца **Пракопій Кесарыйскі** (каля 500–560-х гг.), які даносіць да нас унікальныя звесткі аб старажытных славянах – склавінах і антах. Каштоўнасць паведамленняў Пракопія Кесарыйскага абумоўлена тым, што апісаныя ім землі, норавы і звычаі “варварскіх” народаў ён бачыў уласна. Такім чынам, у творах выразна захаваны эфект “аўтарскай прысутнасці”. У творы **“Вайна з готамі”** Пракопій паведамляе пра грамадскі лад і побыт славянскіх плямёнаў: “*Плямёны ж гэтыя, склавіны і анты не падпарадкоўваюцца аднаму чалавеку, але спрадвеку жывуць у народаўладдзіі* (дэмакратыі), *і таму ўсе выгодныя і невыгодныя справы ў іх заўсёды вядуцца разам*” [31]. Дадзенае паведамленне дало падставу многім гісторыкам сцвярджаць аб наяўнасці ў ранніх славян абшчыннага самакіравання ў выглядзе вечавых сходаў, якія захавалі сваю моц і ў значна пазнейшыя часы. Але тэрмін “дэмакратыя”, які выкарыстоўвае Пракопій, не тоесны разуменню сістэмы ўлады, якая існавала ў антычных полісах, што прадугледжвала ўдзел у грамадскім жыцці ўсіх свабодных жыхароў. Верагодна, тэрмінам “народаўладдзе” аўтар супрацьпастаўляе структуру ўлады славянскіх плямёнаў візантыйскай манархіі і вярхоўнай імператарскай улады хрысціянскага ўладара.

Пракопій Кесарыйскі даволі падрабязна апісвае лад жыцця і прынцып рассялення ранніх славян: “*Імя даўней у склавінаў і антаў было адно. Бо і тых і іншых спрадвеку звалі “спорамі”, як раз з-за таго, што яны засяляюць краіну, раскідана размясціўшы сваё жыллё. Менавіта таму яны і займаюць неймаверна вялікую тэрыторыю*” [31]. Назва “споры”, якая звязваецца аўтарам з пэўным славянскім племенем, цесна звязана з ладам жыцця і сістэмай рассялення качавых і полукачавых народаў, перш за ўсё гунаў. У дадзеным выпадку яскрава вылучаецца супрацьпастаўленне візантыйцаў, цівілізаванага народа, які пражывае кампактна на дакладна вызначанай тэрыторыі, і найменне “споры” ў сэнсе “рассеяныя”, качавыя варварскія народы, да якіх аўтар адносіць славян.

З канца VI стагоддзя паходзіць выбітны твор **“Стратэгікон”** візантыйскага імператара **Маўрыкія** (539–602 гг.). У “Стратэгіконе” адлюстраваны этналагічныя характарыстыкі “варварскіх народаў” – асноўных ваенных супернікаў Візантыі. У творы даецца падрабязная характарыстыка баявога майстэрства персаў, “скіфаў”, франкаў, лангабардаў, а таксама антаў і склавінаў. Вельмі важным для даследавання сацыяльнай структуры раннеславянскіх аб’яднанняў зяўляецца апісанне грамадскага ладу, побыту і нораваў “варварскіх народаў”. Каштоўным у творы з’яўляецца сведчанне аб наяўнасці ў славян племянных правадыроў, альбо ўладароў межплемянных аб’яднаняў: “*Паколькі ў іх шмат правадыроў і яны не згодныя адзін з адным, нялішне некаторых з іх прыбраць да рук з дапамогай прамоваў або дароў…*” [32]. У гэтай сувязі фрагментарнае паведамленне Маўрыкія аб грамадскім ладзе славян нагадвае пратраннае апісанне Тацытам прадстаўнікоў племяннай улады ў германскіх плямёнаў I ст. н. э.: “*Цароў яны выбіраюць з найбольш знатных* (прадстаўнікоў родаплямяннай арыстакратыі – *Ю. К.*), *правадыроў – з найбольш доблесных. Але і цары не валодаюць у іх бязмежнай і непадзельнай магутнасцю, **і правадыры ўладараць над імі*** (вылучана мной – *Ю. К.*), *хутчэй захапляючы прыкладам і выклікаючы іх захапленне, калі яны рашучыя, калі выдаюцца вартасцямі, калі ваюють заўсёды наперадзе, чым нададзеныя сапраўднай уладай.*” [30]. Такім чынам аналізуючы працэс зараджэння вярхоўнай улады ў раннеславянскіх аб’яднанняў VI–VII стагоддзяў варта выказаць меркаванне аб пэўным тыпалагічным падабенстве феномена правадырства ў славян і германскіх плямёнаў пачатку нашай эры.

У цэнтры гістарычных падзей візантыйскага гісторыка **Феафілакта Сімакаты** (каля 580 – пасля 641 г.) – апісанне ваенных сутыкненняў Візантыі са славянскімі плямёнамі, якія прыйшлі на Балканы ў VI–VII стагоддзях. У творы **"Гісторыя"** ў адносінах да вярхоўнага ўладара славян ужываецца хазарскі тэрмін "хакан" [33], што, верагодна, мае гістарычную аснову перыяду найбольшай актыўнасці хазараў у паўднёва-рускіх стэпах VII– IX стагоддзяў. Але хучэй за ўсё пад гэтым тэрмінам прадугледжваецца найменне вярхоўнага ўладара авар, у войска якога ўваходзілі славяне. У цэлым твор "Гісторыя" з'яўляецца больш літаратурнай працай, чым факталагічным апісаннем, што абумоўлівае шмат недакладнасцей і памылак аўтара.

Каштоўныя звесткі па гісторыі Старажытнай Русі першай паловы X стагоддзя змешчаны ў творы візантыйскага імператара **Канстанціна Парфірароднага** (905–959) **"Аб кіраванні імперыяй"**. Канстанцін з'яўляўся сучаснікам апісаных ім галоўных палітычных падзей першай паловы X стагоддзя, такіх як паходы кіеўскіх князёў Алега і Ігара на Канстанцінопаль, вынікам чаго сталі першыя пісьмова зафіксаваныя руска-візантыйскія дамовы 911 і 944 гадоў, змешчаныя ў АМЧ. Сярод дыпламатычнай дзейнасці імператара Канстанціна, важнае месца належыць прыёму ў Канстанцінопалі пасольства кіеўскай княгіні Вольгі, якое было адлюстравана ў творы **"Аб цэрымоніях візантыйскага двара"** [34].

Адной з галоўных інфарматыўных крыніц па гісторыі Усходняй Еўропы, з'яўляецца трактат "Аб кіраванні імперыяй". Аўтар трактату аналізуе ваенна-палітычны патэнцыял Русі ў кантэксце яе ўзаемаадносін з Візантыяй. Дзевятая глава трактата прысвечана апісанню галоўнага гандлёвага маршруту Усходняй Еўропы – шляху "З варяг у грэкі". У гэтым кантэксце пералічваюцца буйныя рускія гарады: Ноўгарад, Смаленск, Любеч, Чарнігаў, Вышгарад, Кіеў, Віцічаў. Таксама называюцца рускія князі – Ігар і Святаслаў [35]. Адсутнасць Полацка ў пераліку галоўных гарадоў Русі, якія, як вынікае з тэксту, знаходзіліся пад уладай кіеўскіх князёў, можа сведчыць аб неўключэнні горада ў сістэму ўлады Кіева ў першай палове X стагоддзя.

Канстанцін Парфірародны падрабязна распавядае пра ўзаемаадносіны княжацкай дружыны – "росаў" (пераважна скандынаваў) з славянскім насельніцтвам розных племянных тэрыторый. У трактаце Канстанціна тэрыторыя Русі падзелена на "Русь Знешнюю" (Наўгародская зямля) і Русь у вузкім сэнсе (тэрыторыя збора даніны кіеўскім князем). Апісваючы працэс збора даніны (палюддзя), Канстанцін акрэслівае прыблізную тэрыторыю кругавога аб'езду князя падуладных яму зямель: "*Зімовы ж і суровы лад жыцця росаў такі. Калі наступіць лістапад месяц, адразу іх архонты выходзяць з усімі росамі з Кіева і адпраўляюцца ў палюддзе, што называецца "кружэннем", а менавіта ў Славініі вервіянаў, дрыгувітаў, крывічоў, северыяў і іншых славян, якія з'яўляюцца пактыётамі росаў. Яны харчуюцца там на працягу ўсёй зімы, потым яны зноў, пачынаючы з красавіка, калі растае лёд на рацэ Дняпры, вяртаюцца ў Кіеў*" [35]. У гэтым паведамленні ўзгадваецца племяннае аб'яднанне крывічоў, падуладнае кіеўскаму князю, але поўнасцю адсутнічаюць звесткі аб Полацку і Полацкай зямлі. Так, аналізуючы паведамленні аб тэрыторыі Русі, Полацк быў альбо невядомы візантыйскаму імператару, альбо ён не ўваходзіў у склад уласна "Русі" ў вызначэнні Канстанціна.

Важнай крыніцай у асвятленні падзей, якія адбываліся на беларускіх землях у пачатку XI стагоддзя, з'яўляюцца звесткі, змешчаныя ў **"Хроніцы" Цітмара Мерзебургскага** (975–1018), епіскапа мерзебургскай кафедры, набліжанага германскага караля Генрыха II. Асаблівая каштоўнасць хронікі палягае ў паведамленні пра падзеі старажытнарускай гісторыі канца княжэння Уладзіміра Святаславіча і міжусобнай барацьбы за ўладу паміж яго сынамі. У старажытнарускіх творах дадзеныя падзеі асвятляюцца згодна з агіяграфічнымі канонамі і ў большай ступені звязаны з ранняй кананізацыяй святых Барыса і Глеба, што пагаршае іх каштоўнасць як гістарычных крыніц. Адметнасць хронікі Цітмара і адрозненне яе ад іншых крыніц па старажытнарускаму перыяду палягае ў тым, што тэкст "Хронікі" дайшоў да нас у аўтарскім арыгінале. Асабліва важныя для гісторыі Русі паведамленні 1013–1018 гадоў былі напісаны непасрэдна "па слядах" апісаных падзей, што з'яўляецца паказчыкам пэўнай даставернасці аўтарскіх звестак.

"Хроніка" Цітмара з'яўляецца амаль адзінай крыніцай, з якой мы даведваемся аб матрыманіяльным саюзе паміж тураўскім князем Святаполкам і дачкой польскага караля Баляслава I. Таксама ў крыніцы паведамляецца аб спробе Святаполка, абапіраючыся на зяця Баляслава пры падтрымцы калабжэгскага (каталіцкага) епіскапа Рэйнберна, здзейсніць супраць свайго бацькі (паводле "Хронікі" – *Ю. К.*) Уладзіміра нейкую замову: "*Згаданы кароль* (кіеўскі князь Уладзімір Святаславіч – *Ю. К.*), *даведаўшыся што яго сын па падгаворванні Балеслава мае намер таемна супраць яго выступіць, схапіў таго біскупа* (Рэйнберна – *Ю. К.*) *разам са сваім сынам і яго жонкай* (Святаполка – *Ю. К.*) *і заключыў у цямніцу, кожнага паасобку*" [36]. Некаторыя беларускія даследчыкі бачаць у гэтых дзеяннях спробу тураўскага князя, абапіраючыся на падтрымку польскага караля Баляслава і каталіцкай царквы, стварыць падмурак для адасобленага існавання Турава ад Кіева [37, с. 13; 38, с. 172]. Але прыблізна ў гэты ж час (1014–1015), паводле АМЧ, супраць Уладзіміра паўстае яго другі сын, наўгародскі князь Яраслаў, што, магчыма, было выклікана планамі Уладзіміра на конт размеркавання вярхоўнай кіеўскай спадчыны, а менавіта перадачы Кіева Барысу.

У "Хроніцы" таксама змешчана паведамленне аб падзеях, якія не асветлены ў старажытнарускіх крыніцах. Паведамленне датычыцца нейкай ваеннай акцыі канца 1017 – пачатку 1018 года Баляслава су-

праць кіеўскага князя Яраслава Уладзіміравіча: “*…кароль Русі* (Яраслаў – *Ю. К.*) *напаў на Баляслава, але, авалодаўшы горадам, нічога больш там не дамогся. Названы князь* (Баляслаў – *Ю. К.*) *уварваўся затым з войскам у яго каралеўства,* ***узвёў на прастол*** *яго брата, і свайго зяця* (Святаполка – *Ю. К.*), *які доўга знаходзіўся ў выгнанні, і задаволены вярнуўся”* [36]. Паводле тэксталагічнага аналізу “Хронікі”, праведзенага А.В. Назарэнка, мэтай паходу польскага караля было Бярэсце: “менавіта Бярэсце – заходні фарпост уладанняў Святаполка яшчэ ў бытнасці яго на тураўскім стале – урачыста называецца “прастол”, на які польскі князь узвёў свайго рускага зяця” [39, с. 460–470].

Паказальна, што Святаполк у хроніцы двойчы названы тытулам сеньёра (senior), тады як у адносінах да Уладзіміра і Яраслава ўжываецца тытул кароль (rex) [36]. Паводле заходнееўрапейскай лацінамоўнай традыцыі пад тытулам “senior” (гаспадар) меўся на ўвазе ўладальнік сіньёрыі – тэрытарыяльнага ўтварэння, у межах якога, функцыі гаспадарчага і юрыдычнага кіравання замацоўваліся за пэўнай асобай (юрыдычнай альбо духоўнай), якое пры гэтым не абавязкова надзялялася непасрэднымі правамі суверэна (незалежнага ўладара). У кантэксце паведамленняў пра падзеі 1016–1018 гадоў, дзе ўскосна адлюстраваны пэўныя дамаганні Баляслава на Кіеў, сумесныя дзеянні Святаполка і Баляслава могуць разглядацца як патранат апошняга над былым тураўскім князем і вяртанне яму “тураўскіх уладанняў” (уключаючы і адваяванае Берасце) у якасці сіньёрыі (Seigneurie). Таксама нельга адмаўляць пэўныя палітычныя сімпатыі Цітмара да Яраслава Уладзіміравіча – праціўніка Баляслава І, у якім храніст бачыць галоўнага суперніка германскага імператара Генрыха ІІ на ўсходзе [39, с. 478].

Важнай крыніцай у даследаванні міжусобнай барацьбы паміж Святаполкам і Яраславам у пачатку ХІ стагоддзя з’яўляецца **“Хроніка і дзеянні польскіх князёў”** польскага храніста **Гала Ананіма** (канец ХІ – пачатак ХІІ ст.). У творы праслаўляецца і ўзвялічваецца дзейнасць польскіх князёў, у тым ліку і аднаго з асноўных дзеючых асоб барацьбы паміж Святаполкам і Яраславам – Баляслава І Хараброга. У творы падкрэсліваецца падпарадкаванае становішча старажытнарускіх замель да Польшчы. Так, пасля бітвы на Буге, калі войска Яраслава пацярпела паразу, храніст адзначае: “*З тых часоў Русь надоўга стала даніцай Польшчы*” [40]. Пасля таго як Баляслаў авалодаў Кіевам, ён, паводле “Хронікі”, “паставіў” уладаром у Русі Святаполка: “*Але так як ён кіраваў вялікім мноствам каралеўстваў і ведаў, што яго сын Мешка яшчэ няздольны кіраваць, на адзінаццаты месяц ён паставіў там замест сябе кіраўніком нейкага* ***русіна з свайго роду*** (Святаполка – *Ю. К.*) *і з пакінутай казной рушыў у Польшчу.*” [40]. Такім чынам дадзенае паведамленне ўскосным чынам пацвярджае звесткі Цітмара Мерзенбургскага аб матрыманіяльным саюзе паміж Святаполкам і Бяляславам І. Далей храніст паведамляе пра падзеі, якія даюць ускосную падставу меркаваць аб удзеле ў канфлікце полацкага князя Брачыслава Ізяславіча: “*У той час як ён* (Баляслаў – *Ю. К.*) *з вялікай радасцю і багаццем вяртаўся і ўжо набліжаўся да межаў Польшчы, за яго спіной ішоў кароль Русі* (Яраслаў – *Ю. К.*), *сабраўшы* ***сілы рускіх князёў****, а таксама полаўцаў і печанегаў.*” [40]. Калі паведамленне пра полаўцаў выглядае як яўны анахранізм, то пад “сіламі рускіх князёў” можна бачыць Брачыслава Ізяславіча, альбо кагосці з малодшых Уладзіміравічаў, нягледзячы на тое, што старажытнаруская пісьмовая традыцыя не адзначае пра іх удзел у міжусобіцы [41, с. 170].

Твор Гала Ананіма належыць да ліку тыпічных княжацкіх апавяданняў, дзе выразна ўхваляюцца вобразы польскіх князёў, а вобразы князёў-апанентаў прыніжаюцца. “Хроніка” Ананіма складзена ў пачатку ХІІ стагоддзя, амаль праз сто год пасля апісаных падзей. Акрамя таго, значна зніжае гістарычную каштоўнасць твора панегерычны характар паведамленняў без дакладных дат, імён і назваў, што ўскладняе атаясамленне асобных звестак з канкрэтнымі гістарычнымі падзеямі і асобамі.

Сярод замежных крыніц па гісторыі Старажытнай Русі ІХ–ХІІІ стагоддзяў, асаблівую значнасць для даследчыка маюць скандынаўскія пісьмовыя помнікі, якія ўключаюць геаграфічныя творы, скальдычныя вершы, рунічныя каменныя надпісы і сагі. Сярод скандынаўскіх наратыўных крыніц пры даследаванні палітычных падзей Усходняй Еўропы першай паловы ХІ стагоддзя ўнікальную каштоўнасць уяўляе **“Пасма аб Эймундзе”**, якая захавалася ў складзе “Сагі аб Олафе Святым”. Даследчыкі адносяць твор да каралеўскіх саг. “Пасма аб Эймундзе” ўнікальна тым, што ўсе падзеі, апісаныя ў ёй адбываюцца на Русі (Гардарыкі). У гэтым творы падрабязна апісана дзейнасць скандынаўскіх наймітаў на Русі і ключавых асоб твора: Яраслава, Святаполка і полацкага князя Брачыслава. Напісанне “Пасмы” большасцю даследчыкаў адносіць да ХІІІ стагоддзя, што прыўносіць у твор шмат пазнейшых напластаванняў, грубых гістарычных недакладнасцей і неадпаведнасцей з іншымі крыніцамі.

У пачатку твора ідзе паведамленне аб расстаноўцы сіл на Русі паміж трыма “сынамі” Уладзіміра Святаславіча: Бурыцлейвам, Ярыцлейвам і Вартылавам [42]. Традыцыйна конунга Бурыцлейва трактуюць як зборны вобраз асноўных ворагаў Яраслава – Святаполка і Баляслава І Хараброга. Вартылаў атаясамляецца з полацкім князем Брачыславам Ізяславічам, дзе яго ўладаннем адзначаецца Полацк (Palteskja) [42]. У “Пасме” адзначаецца, што тры князі былі братамі. Паведамленне супярэчыць рэальнаму стану падзей, так як Брачыслаў Ізяславіч прыходзіўся пляменнікам Святаполку і Яраславу. Але варта адзначыць, што пераўтварэнне пляменніка Яраслава ў яго брата можа тлумачыцца пэўнымі маральна-этычнымі нормамі адносін паміж князямі на Русі.

Пры паведамленні пра забойства варагамі на чале з Эймундам конунга Бурыцлейва існуе думка, што ў гэтым месцы "Пасма" змяшчае інфармацыю пра забойства князя Барыса варагамі, падасланымі Яраславам. Асноўным аргументам на карысць такога выказвання з'яўляецца падабенства шэрагу падрабязнасцей з забойствам Барыса, аб якім выразна паведамляе "Аповесць аб мінулых часах" і "Сказанне аб Барысе і Глебе". Акрамя таго, некаторымі даследчыкамі імя "Бурыцлейў" напрамую атаясамліваецца з Барысам Уладзіміравічам [43; 44]. Дадзеная гіпотэза не пазбаўлена лагічнага падмурку і патрабуе далейшых даследаванняў, бо шэраг неадпаведнасцяў характэрны таксама для афіцыйнай царкоўна-рэгарыстычнай трактоўцы дадзеных падзей.

У паведамленні "Пасмы" пра дзейнасць Эймунда і Рагнара пры двары Брачыслава ўзгадваецца нейкі савет полацкага князя, г. зн. пэўнае кола асоб, якое прымае важныя рашэнні побач з князем. На прапанову з боку Эймунда аб службе Брачыслаў адказвае: "*Дайце мне тэрмін **параіцца са сваімі мужамі**, таму што яны **даюць мне грошы**, хоць я іх выплочваю*" [42]. Калі паведамленне адпавядае гістарычным падзеям, а не пераносіць сацыяльна-палітычныя рэаліі Скандынавіі XIII стагоддзя на ўсходнеславянскую глебу, варта весці размову аб існаванні ў Полацку пачатку XI стагоддзя княжацкага (або рэгентскага) савета пры князе Брачыславе. Згодна з тэкстам агульнага паведамлення, дадзены савет валодаў значнымі паўнамоцтвамі і функцыямі і мог аказваць пэўны ўплыў на князя. У кантэксце апавядання аб "мужах князя" сага паведамляе пра дзейнасць у Полацку XI стагоддзя веча (тынгу): "*Вартылаў конунг **збірае тынг** са сваімі мужамі і гаворыць ім які слых прайшоў аб Яраславе…*" [42]. У слове тынг, беларускі гісторык Г.В. Штыхаў бачыць баярскі савет [45, с. 15]. Расійскія даследчыкі І.Я. Фраянаў і А.Ю. Дварнічэнка разглядаюць гэтыя звесткі як факт дзейнасці веча ў Полацку [46, с. 254]. Але згодна з аналізам вядомага скандынавіста Е.А. Мельнікавай, для скандынаўскіх саг была характэрна неразвітасць сацыялагічнай тэрміналогіі. У гэтай сувязі перанос на іншую глебу скандынаўскіх інстытутаў улады можа не адпавядаць рэальным палітычным падзеям і не абавязкова выглядае пераканаўчым [47, с. 134].

У "Пасме аб Эймундзе" гаворыцца аб дамове, заключанай паміж полацкім Брачыславам і кіеўскім князем Яраславам Уладзіміравічам. Падчас найбольшай канфрантацыі вараг Эймунд спрыяў заключэнню міра паміж князямі, у выніку якога Яраслаў заставаўся князем Наўгародскім, Эймунд атрымаў ва уладанне Полацк, а Брачыслаў стаў кіеўскім князем [42]. Паводле аналізу сагі, зробленага беларускім даследчыкам Ю.А. Зайцам, у дадзенай крыніцы знайшла адлюстраванне дамова паміж Яраславам і Брачыславам 1024 года. У гэтым годзе становішча Яраслава ў супрацьстаянні з братам Мсціславам Уладзіміравічам было складаным. У сітуацыі паразы ад Мсціслава ў бітве пры Ліствене "захаванне саюзу з Брачыславам было жыццёвай неабходнасцю" [48, с. 10]. Такім чынам, згодна з высновамі даследчыка, з 1024 да 1026 года (года дамовы паміж Яраславам і Мсціславам аб падзеле сфер уплыву ў падняпроўскіх землях) кіеўскі пасад займаў Брачыслаў, пры захаванні вярхоўнай улады над горадам Яраславам [48, с. 10].

Варта адзначыць, што падзеі "Эймундавай сагі" XIII стагоддзя пераклікаюцца і маюць шматлікія паралелі са звесткамі "Аповесці аб мінулых часах" канца XI – пачатку XII стагоддзя. Але характэрная для скандынаўскага наратыву ўзвелічэнне ролі скандынаваў за межамі сваёй краіны, якая цалкам адлюстроўваецца ў тэксце "Пасмы аб Эймундзе", ускладняе адзнаку рэальнай ролі ў палітычных падзеях Усходняй Еўропы старажытнарускіх князёў Святаполка, Яраслава і Брачыслава.

Пры агульным недахопе звестак аб арганізацыі ўлады на беларускіх землях каштоўнымі з'яўляюцца звесткі арабскіх і персідскіх аўтараў IX–XI стагоддзяў, такіх як **Ібн Хардадбека, Ібн Русте, Гардізі, Ібрахіма Ібн Якуба, Ібн Фадлана**. У мусульманскіх геаграфічных апавяданнях і гістарычных творах змешчаны асноўныя характарыстыкі ўсходнееўрапейскіх уладароў і ўзаемаадносіны паміж прадстаўнікамі сацыяльнай эліты (русі) і асноўнай масай насельніцтва (славянамі), а таксама звычаі, вераванні і традыцыі скандынаўскай прывелеяванай сацыяльнай групы.

Сярод заканадаўчых крыніц адной з галоўных з'яўляеццца **"Руская Праўда"** – зборнік прававых нормаў Старажытнай Русі, звязаны з законатворчай дзейнасцю наўгародскага і кіеўскага князя Яраслава Уладзіміравіча і яго сыноў. На дадзены момант захавалася каля 100 спісаў, якія адносяцца да XIII–XVIII стагоддзяў. Па зместу дадзеныя спісы падзяляюцца на тры рэдакцыі, пачынаючы ад Краткай Праўды (Праўды Яраслава і Яраславічаў), Прастраннай Праўды (XII ст.) і Скарочанай Рускай Праўды, якая захавалася ў позніх спісах XV стагоддзя і з'яўляецца скарочанай перапрацоўкай Прастраннай Праўды. Згодна з аналізам асноўных палажэнняў дадзенай крыніцы, даследуюцца пэўныя аспекты сацыяльнай гісторыі, эвалюцыя прававых палажэнняў і судовая дзейнасць князёў і княжацкай адміністрацыі. У гістарыяграфіі дадзеныя Рускай Праўды ўспрымаюцца як адны з галоўных пры даследаванні сацыяльнай стратыфікацыі старажытнарускага грамадства ў дамангольскі перыяд.

Пры захаванасці ў шэрагу артыкулаў Рускай Праўды рэліктаў архаічнага права, па аналізу тэкста варта прызнаць, што прававы помнік быў створаны па ініцыятыве княжацкай улады і ў асноўным быў прадуктам княжацкай заканадаўчай практыкі. Пры даследаванні функцыянавання інстытута ўлады варта адзначыць, што ў крыніцы адлюстравана сацыяльна-палітычная іерархія, прадстаўленая ў нормах, дзе ахоўваюцца людзі, якія ўваходзілі ў княжацкае атачэнне.

Асноўныя падходы ў гістарыяграфіі пры даследаванні сацыяльнай стратыфікацыі, паводле Рускай Праўды, зводзяцца да аналізу шкалы вір, паводле якой даследчыкі робяць выснову аб юрыдычна замацаваным сацыяльным падзеле старажытнарускага грамадства. Так, павелічэнне ў два разы штрафаў за забойства "княжага мужа" з 40 у Праўдзе Яраслава да 80 грывен у Праўдзе Яраславічаў (другая палова – канец XI ст.), на думку М.Б. Свярдлова і А.А. Горскага, з'яўляецца яскравым паказчыкам сацыяльнага расслаення і адасаблення княжацкай дружыны ў параўнанні з часам праўлення Яраслава (першая палова XI ст.) [49; 50]. Альтэрнатыўны пагляд на звесткі Рускай Праўды выказвае П.С. Стэфановіч. На думку гісторыка, аналіз змен у шкале вір, паводле рэдакцый Рускай Праўды, яшчэ не сведчыць пра юрыдычна замацаваную сацыяльную іерархію ўнутры княжацкага кола. Падвышаная віра вызначалася не па сацыяльнаму статусу, а па службова-функцыянальнай дзейнасці князёў [51, с. 518].

З высновамі П.С. Стэфановіча можна пагадзіцца, абапіраючыся на адсутнасць (за адзіным выключэннем у ст. 91 Прастраннай Праўды) звестак пра вышэйшы пасля князя сацыяльны слой Старажытнай Русі – баяр і іншых прадстаўнікоў старажытнарускай эліты. Тэрмін "баяры" не ўзгадваецца ў пераліку пакаранняў і вір Праўды Яраслава і Праўды Яраславічаў. У адрозненне ад баяр, у крыніцы ўзгадваюцца княжыя отракаі, конюхі, повары, грыдзі, купцы, мечнікі і ізгоі, за забойства якіх прадугледжвалася віра ў 40 грывен і княжыя цівуны, агнішчане, пад'ездныя і старэйшыя конюхі, за якіх належыла выплата ў 80 грывен [52, с. 406–407, 70, 104]. Такім чынам, старажытнарускі прававі помнік акрэслівае тыя сацыяльныя групы, якія стаялі на службе ў князя і вылучаліся паводле сваёй функцыянальнай, а не сацыяльнай прыналежнасці. У гэтым сэнсе можна весці гаворку аб законатворчых нормах, накіраваных на юрыдычную абарону важных для князя людзей, якія складалі княжацкі апарат кіравання. Адсутнасць узгадкі прадстаўнікоў улады – баяр, тысяцкіх, ваявод, пасаднікаў – перашкаджае высновам аб Рускай Праўдзе як крыніцы, дзе юрыдычна замацавана сацыяльная стратыфікацыя. У кантэксце даследавання інстытута княжацкай улады звесткі Рускай Праўды з'яўляюцца каштоўнымі пры даследаванні бліжэйшага княжацкага атачэння і таго кола асоб, якія былі цесна звязаны з княжацкім дваром XI–XII стагоддзяў.

Руская Праўда ўжывалася на практыцы ў якасці прававога кодэкса і ў больш позні час. Адным з прававых дакументаў, дзе адлюстроўваюцца пэўныя прававыя нормы Рускай Праўды, з'яўляецца "**Дагавор Смаленска, Віцебска і Полацка з Рыгай і Готскім берагам**". Дагавор 1229 года прысутнічае ў спісах, якія захаваліся ў Рыжскай і Готландскай рэдакцыях. Гісторыя дагавора адлюстроўвае ўзаемаадносіны Полацкай зямлі з Прыбалтыйскімі тэрыторыямі, якія дзейнічалі на працягу XIII стагоддзя.

Заключэнне. Падводзячы вынік аналізу пісьмовых сярэднявечных крыніц у асвятленні інстытута княжацкай улады на беларускіх землях IX–XIII стагоддзяў можна зрабіць наступныя высновы.

У летапісных крыніцах Старажытнай Русі гісторыя беларускіх зямель, у прыватнасці Полацка як аднаго з галоўных палітычных і эканамічных супернікаў Наўгародскай зямлі і Кіеўскага княства, амаль выключна разглядаецца ў сувязі з экстраардынарнымі падзеямі, звязанымі з войнамі, незвычайнымі прыроднымі з'явамі, або пошасцямі і бедствамі. Унутранае палітычнае жыццё, міжкняжацкія адносіны ўнутры полацкай дынастыі, звесткі пра тэрытарыяльныя межы і палітычны лад Полацкай зямлі практычна не асвятляюцца. Падзеі, прысвечаныя Полацку і Полацкай зямлі, якія даносяць да нас старажытнарускія летапісы, звязаныя перш за ўсё з ваяўнічай альбо "непаслухмянай" дзейнасцю полацкіх князёў. У гэтым сэнсе полацкія Рагвалодавічы прадстаўлены кіеўскім і наўгародскім летапісаннем як парушальнікі "агульнага парадку і міру" ў Рускай зямлі, а Полацкая зямля разглядаецца як незнаёмая і патэнцыйна варожая. Непрызнанне за полацкімі князямі праў на вялікакняжацкі кіеўскі стол пасля смерці старэйшага сына Уладзіміра Ізяслава (1001 г.) прадвызначыла далейшае асэнсаванне полацкай лініі Рурыкавічаў як адасобленай княжацкай галіны. Пры гэтым за Рагвалодавічамі прызнавалася законнае права на іх вотчыну – Полацкае княства. Прызнанне нашчадкаў Ізяслава Уладзіміравіча законнымі спадчыннікамі ўлады ў Полацку і адлюстраванне ідэалагічнага супрацьпастаўлення двух родных дынастый яскрава падкрэсліваецца паведамленнем Лаўрэнцьеўскага летапісу пры апісанні падзей канца X стагоддзя.

Працяглая палітычная залежнасць Тураўскай зямлі ад Кіеўскага княства ў X – першай палове XII стагоддзя абумовіла малаінфарматыўныя звесткі пра гісторыю гэтага рэгіёна ў "Аповесці аб мінулых часах". Асноўная інфармацыя пра палітычную гісторыю Тураўскага і Смаленскага княстваў XII стагоддзя змешчана ў Лаўрэнцьеўскім і Іпацьеўскім летапісных зводах. Сталае панаванне ў Тураве галіны кіеўскіх Ізяславічаў магло сведчыць аб спадчынным валоданні гэтай зямлёй прадстаўнікоў дадзенай лініі. Паведамленні пра палітычнае жыццё Смаленскай зямлі, якія былі даволі скупа асветлены ў пачатковым старажытнарускім летапісанні, абумоўлены палітычнай залежнасцю Смаленска ад Кіева і Манамахавічаў у XI стагоддзі. У XII стагоддзі летапісныя звесткі становяцца больш інфарматыўнымі ў сувязі з усталяваннем у Смаленску самастойнай княжацкай дынастыі Расціславічаў (нашчадкаў Мсціслава Уладзіміравіча) і значным уплывам Смаленска на іншыя землі Заходняй Русі.

Беларуска-літоўскае летапісанне, у прыватнасці "Аповесць пра Полацк", змешчаная ў легендарнай частцы "Хронікі Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага", не адрозніваецца вялікай колькасцю паведамелнняў адносна гісторыі беларускіх зямель ранняга і сталага сярэднявечча. Але паводле ана-

лізу летапісных артыкулаў пра легендарную літоўскую княжацкую дынастыю, якая кіравала ў Полацку, можна зрабіць экстрапаляцыю дадзеных паведамленняў на ўяўленні аб гісторыі полацкай княжацкай дынастыі XII стагоддзя. Звесткі пра асаблівасці палітычнага ладу Полаччыны, адлюстраваныя ў "Аповесці пра Полацк", таксама могуць адпавядаць гістарычным падзеям першай паловы XII стагоддзя з улікам таго, што гэтыя звесткі, зафіксаваныя ў XVI стагоддзі, засноўваюцца на вуснай фальклорнай традыцыі і пэўным чынам карэлююца з паведамленнямі старажытнарускіх летапісаў.

Пры адносна невялікай колькасці паведамленняў, прысвечаных Полацкаму і Тураўскаму княствам у старажытнарускіх летапісных зводах, каштоўнымі гістарычнымі крыніцамі з'яўлюцца літаратурныя хрысціянскія творы, зробленыя непасрэдна на беларускіх землях. Гэта перш за ўсё "Жыціе Ефрасінні Полацкай" (XII ст.) і творы тураўскага епіскапа Кірыла (1130–1182 гг.). Пры аналізе старажытнарускіх літаратурных і агіяграфічных твораў і змешчаных у іх ідэалагічных канструкцый даволі важным з'уляецца ўспрыняцце дадзеных тэкстаў як асэнсаванне інстытута вярхоўнай улады з афіцыйнай пазіцыі "кніжнай эліты": манахаў, святароў, княжацкіх саветнікаў і г.д.

Такім чынам, погляд і ўспрыняцце вярхоўнай улады прадстаўнікамі інтэлектуальнай эліты, якія гуртаваліся вакол князя і сваімі творамі часцяком прадстаўлялі пазіцыю правячага асяроддзя, выглядае "аднабаковым" і ў нейкім сэнсе тэндэнцыйным. У гэтым выпадку на матэрыяле Старажытнай Русі правамерна казаць аб двух тыпах культур сярэднявечнага грамадства ўпершыню распрацаваных французскім медыевістам Ж. Ле Гофам: "навуковай", або пісьмовай культуры і культуры народнай, або "фальклорнай" [54, с. 233–236]. У гэтай сувязі пры фактычна поўнай адсутнасці крыніц XI–XII стагоддзяў, адлюстроўваючых уяўленні ніжэйшых слаёў грамадства, важна на аснове пісьмовых летапісных і літаратурных крыніц прааналізаваць погляды на ўладу з боку прадстаўнікоў "пісьмовай культуры". Пры дадзеным аналізе таксама варта ўсведамляць той факт, што "пісьмовая культура" не здолела ў поўнай меры перамагчы архаічныя фальклорныя ўяўленні і ў пэўнай ступені ўбірае іх у сябе.

Вялікае значэнне пры даследаванні сярэднявечнай гісторыі Усходняй Еўропы маюць наратыўныя творы замежных аўтараў. Гэта перш за ўсё крыніцы візантыйскага, лацінамоўнага і скандынаўскага паходжання. Істотнае значэнне маюць звесткі арабскіх і персідскіх аўтараў IX–XI стагоддзя. У наратывах, звесткі якіх непасрэдна датычацца беларускай гісторыі, асаблівае значэнне маюць "Хроніка Цітмара Мерзенбургскага", "Хроніка і дзеянні польскіх князёў" польскага храніста Гала Ананіма і ісландская крыніца "Пасма аб Эймундзе". Цантральныя падзеі гэтых крыніц гуртуюцца вакол адных і тых жа ваенна-палітычных падзей, а менавіта дынастычнага супрацьстаяння наўгародскага князя Яраслава Уладзіміравіча і тураўскага князя Святаполка Яраполчыча за кіеўскую спадчыну. Дадзеныя творы паходзяць з розных краін і рэгіёнаў. У гэтым выпадку цікавым з'яўляецца тлумачэнне адных і тых жа падзей рознымі аўтарамі ў залежнасці ад культурных традыцый, асаблівасцей, звязаных з асобай летапісца і палітычнымі ўмовамі, пры якіх ствараўся наратыў.

Аналізуючы тэкст першага пісьмова зафіксаванага заканадаўчага зборніка Старажытнай Русі Рускай Праўды, трэба мець на ўвазе той факт, што нет прамых сведчанняў дзейнасці прававых нормаў Праўды Яраслава і Яраславічаў на тэрыторыі беларускіх зямель у XI–XII стагоддзях. Але параўнанне дадзеных гэтага заканадаўчага помніка з дадзенымі позніх актавых крыніц XIII стагоддзя, якія дзейнічалі ў Полацку, Віцебску і Смаленску, дазваляе зрабіць выснову аб пераемнасці асноўных прававых традыцый. У дадзеным выпадку старажытнарускія заканадаўчыя матэрыялы XI–XII стагоддзяў і нормы гандлёвага заканадаўства першай паловы XIII стагоддзя дазваляюць выявіць істотныя і агульныя для ўсходнееўрапейскай сярэднявечнай прасторы асаблівасці прававога, сацыяльнага і палітычнага жыцця.

Пры даследаванні пісьмовых крыніц, у якіх захаваліся звесткі пра сацыяльную структуру і вярхоўную ўладу старажытнарускага грамадства, патрабуецца не толькі дбайная крыніцазнаўчая адзнака таго ці іншага паведамлення. Неабходна таксама асэнсоўваць, што сацыяльна-палітычная рэчаіснасць, адлюстраваная ў тэксце крыніцы, абсалютна нехарактэрна для той рацыяналізацыі і сістэматычнасці, якую выкарыстоўваюць пры даследаванні з'яў і працэсаў сучаснага грамадства. Старажытнарускую сацыяльную прастору немагчыма даследваць, не ўлічваючы культурныя і гістарычныя асаблівасці эпохі, умовы напісання тэкста крыніцы, а таксама аксіялагічныя ўстаноўкі і светапогляд аўтара.

ЛІТАРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 379 с.
2. Прохоров, А.А. Князь Тур: история легенды. Сакрализация княжеской власти у славян / А.А. Прохоров. – Минск: БГУ, 2005. – 252 с.
3. Філіповіч, М.А. Полацкая зямля ў беларуска-літоўскай летапіснай традыцыі / М.А. Філіповіч // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 2012. – С. 20–30.
4. Шахматов, А.А. Разыскания о русских летописях / А.А. Шахматов. – М.: Академ. проект, Жуковський: Кучково поле, 2001. – 880 с.

5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 576 с.
6. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – 638 с.
7. Вилкул, Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII в. / Т.Л. Вилкул. – М.: Квадрига, 2009. – 408 с.
8. Полное собрание русских летописей. – М.: Изд-во “Наука”, 1975. – Т. 32: Хроника Литовская и Жмойтская. – 429 с.
9. Полное собрание русских летописей. – М.: Изд-во “Наука”, 1980. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские. – 306 с.
10. Заяц, Ю. История Белорусских земель X – первой пол. XIII века в отображении летописей и хроник Великого Княжкства Литовского / Ю. Заяц // Гістарычна-археалагічны зб. – Мінск, 1997. – № 12. – С. 85–91.
11. Татищев, В.Н. История Российская / В.Н. Татищев. – М.: Эксмо, 2006. – 736 с.
12. Долгов, В.В. Быт и нравы Древней Руси / В.В. Долгов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
13. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868. – Дата досткпа: 15.12.2013.
14. Марзалюк, І.А. Гістарычная самаідэнтычнасць насельніцтва Беларусі ў XI–XVII стст. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.lingvo.minsk.by/mab/Glook/BVOKS/Albaruthenica.htm. – Дата доступу: 09.12.2013.
15. Сказание о Борисе и Глебе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4871. – Дата доступа: 07.02.2013.
16. Гудзий, Н.К. Хрестоматия по древнерусской литературе: учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 128 / Н.К. Гудзий; науч. ред. Н.И. Прокофьев. – изд. 8-е – М.: “Просвещение”, 1973. – 528 с.
17. Память и похвала князю русскому Владимиру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4870. – Дата доступа: 08.02.2013.
18. Березовая, Л.Г. История русской культуры / Л.Г. Березовая, Н.П. Берлякова. – М.: Владос, 2002. – Т. 1. – 400 с.
19. Гісторыя філасоўскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі: у 6 т. / В.Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 1: Эпоха Сярэднявечча. – 578 с.
20. Алексеев, М.П. Англосаксонские параллели к поучению Владимира Мономаха / М.П. Алексеев // Тр. отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1935. – Т. 2. – С. 39 – 80.
21. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс]. – Режым доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874. – Дата доступа: 12.11.2013.
22. Слово о полку Игореве / вступ. ст., ред. текста, досл., и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д.С. Лихачёва. – 8-е изд. – М.: Дет. лит, 1979. – 221 с.
23. Полоцкая княжна Мария Васильковна – автор “Слова о полку Игореве”: исследования тайнописи / вступ. ст. Л.Ф. Данько, А.И. Судника. – Полоцк: А.И. Судник, 2008. – 53 с.
24. Житие Евфросинии Полоцкой [Электронны ресурс]. – Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/12/3/evfrosinia_polozk.htm. – Дата доступа: 12.03.2013.
25. Мельников, А. Преподобная Евфросиния Полоцкая / А. Мельников. – Минск: Изд-во “Четыре четверти”, 1997. – 121 с.
26. Янин, В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. / В.Л. Янин. – М.: Наука, 1970. – Т. I: Печати X – нач. XIII в. – 328 с.
27. Тарасаў С.В. “Белыя плямы” полацкай археалогіі і гісторыі // Зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара. – Полацк, 20–21 лістап. 2008 г. / пад рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк: ПДУ, 2009. – С. 79–91.
28. Притча о человеческой душе Кирилла Туровского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old-ru.ru/03-14.html. – Дата доступа: 12.03.2013.
29. Повесть о белоризце человеце, и о мнишестве, и о душе, и о покоянии [Электронный рэсурс]. – Режим доступа: http://briefly.ru_pritchi_kirilla_turovskogo. – Дата доступа: 12.03.2013.
30. Тацит Отрывки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/TACIT/tazit1_1.txt. – Дата доступа: 24.05.2013.
31. Прокопий Кесарийский Война с готами покоянии [Электронный рэсурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/sodgot.phtml?id=1156. – Дата доступа: 25.12.2012.
32. Маврикий Стратегикон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/06/3/mavriky.htm. – Дата доступа: 12.10.2013.
33. Феофилакт Симокатта История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Simokatta/frametext1.htm. – Дата доступа: 12.10.2013.

34. Константин Багрянородный О церемониях [Электронный рэсурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr/cerem.phtml?id=731. – Дата доступа: 03.10.2013.
35. Канстанцін Багранародны Об управлении империей // [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/index.phtml?id=6412. – Дата доступу: 13.10.2013.
36. Титмар Мерзебургский Хроника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Thietmar2/frametext.htm. – Дата доступа: 10.12.2013.
37. Новікаў, Я.У. Ваенная гісторыя беларускіх земляў (да канца XII ст.). / Я.У. Новікаў. Т. 2. – Мінск: Логвінаў, 2008. – 300 с.
38. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: “Экаперспектыва”, 2000. – Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
39. Назаренко, А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А.В. Назаренко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.
40. Галл Аноним Хроника и деяния князей и правителей польских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frametext1.htm. – Дата доступа: 12.12.2013.
41. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники; сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. – М.: Рус. Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 512 с.
42. Прядь об Эймунде Хрингссоне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/src/konung/eymund/ru2.html. – Дата доступа: 15.12.2013.
43. Данилевский, И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII стст.) / И.Н. Данилевский. – М.: Аспект пресс, 1998. – 205 с.
44. Филист, Г.М. История “преступлений” Святополка Окаянного / Г.М. Филист. – Минск: Беларусь, 1990. – 156 с.
45. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г.В. Штыхов. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.
46. Фроянов И.Я. Города-государства Древней Руси / И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд.-во С.-Петерб. ун-та, 1988. – 269 с.
47. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под. ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – Т. V: Древнескандинавские источники. – 512 с.
48. Заяц, Ю.А. Полоцкие события “Саги об Эймунде” / Ю.А. Заяц // Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993. – № 1(2). – С. 5–11.
49. Свердлов, М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М.Б. Свердлов. – СПб.: Академ. проект, 2003. – 736 с.
50. Горский, А.А. Древнерусская дружина / А.А. Горский. – М.: Изд-во “Прометей”, 1989. – 122 с.
51. Стефанович, П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. / П.С. Стефанович. – М.: “Индрик”, 2012. – 656 с.
52. Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. – М.–Л.: АН СССР, 1940. – Т. I: Тексты. – 506 с.
53. Смоленская Торговая Правда [Электронны рэсурс]. – Режим доступа: http://www.librus.ru/humanities_sciences/historical-sciences/russian-history/27287-smolenskie-gramoty-xiii-xiv-vekov.html. – Дата доступа: 15.11.2013.
54. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: “Прогресс”, 1992. – 376 с.

Пастуміў 24.06.2014

CONSIDERATION INSTITUTE OF SUPREME POWER IN THE BELARUSIAN LANDS IN IX – THE FIRST HALF OF THE XIII CENTURIES IN WRITTEN SOURCES

JU. KEZHA

The article analyzes the main medieval written sources where institutions are considered the supreme authority in the Belarusian lands in IX–XIII centuries polovine first. According to ancient chronicles consideration and foreign sources, Christian literary works and legislative materials, concludes roznorodnosti information depending on the political, historical and cultural conditions of writing source. Socio-political reality reflected in the text of the source, can not be applied to streamline and systematize that is used in the study of the processes of modern society. Ancient social space can not be investigated without paying attention to the cultural and historical features of the era, the terms of writing the source text, as well as the values and worldview of the author.

УДК 94(476.4)

УЗБРАЕННЕ МАГІЛЁВА Ў КАНЦЫ XVI–XVII СТАГОДДЗІ (АГУЛЬНЫ АГЛЯД)

Р.ДЗ. ГАЛЫНСКІ
(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Разглядаецца комплекс сродкаў абароны і нападу магілёўскіх мяшчан напрыканцы XVI–XVII стагоддзі. Мілітарная гісторыя асобных гарадоў рэдка вывучалася мэтанакіравана, асабліва разглядаемага намі перыяду. Аналіз прадметаў узбраення праводзіцца на аснове аналізу пісьмовых крыніц і археалагічных калекцый магілёўскіх музеяў. Усе сродкі бою, якія аналізуюцца ў артыкуле, падзяляюцца на засцерагальнае ўзбраенне і наступальную зброю. Вынікі даследавання кажуць аб важнейшай функцыі магілёўскага ўзбраення – абароны мяшчанамі горада, у адрозненне ад тых функцый, якія ставіліся пры забеспячэнні баявымі сродкамі шляхецкага паспалітага рушэння.

Пісьмовыя крыніцы (актавыя кнігі і юрыдычныя дакументы магілёўскага магістрата) і археалагічныя матэрыялы з Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея імя Е.Р. Раманава і Музея гісторыі Магілёва дазваляюць здзейсніць комплексны аналіз узбраення магдэбургскага Магілёва напрыканцы XVI–XVII стагоддзя.

Асноўная частка. Усе сродкі бою, якія аналізуюцца ў артыкуле, падзяляюцца на засцерагальнае ўзбраенне і наступальную зброю.

Засцерагальнае ўзбраенне патрабавалася дзеля аховы ваяра ад сродкаў нападу ворага. Яго можна падзяліць на тры катэгорыі: шчыты (рухомыя сродкі аховы), ахова галавы і ахова цела (нерухомыя сродкі аховы). Ахова галавы магілёўскіх камбатантаў прадстаўлена трыма відамі шлемаў: марыёнамі, шышакамі і прылбіцамі. Марыён у якасці сродка аховы галавы магілёўскіх ваяроў вядомы нам толькі па дадзеных археалогіі, шышак і прылбіца – толькі па згадках у актавых дакументах магістрата. Узгадка пра шышакі знаходзіцца ў «*Оповедане Гане Ивановне на Онопрея*» ад 15 кастрычніка 1597 года. Скарга тычылася рабунка: «*… тот час згинуло с клети моей два панцеры, которые стояли десети коп грошей, шышаки два, которые до схованья даны были от приятеля моего, сагайдаки два …*» [2, с. 425–426]. Што ж тычыцца шлема, то ён узгадваецца ў тэксце вопіса маёмасці нябожчыка Хамы Іванавіча Мокуса «*… прилбыцы тры…*» (запіс за 1578 г.) [2]. Засцерагальныя сродкі аховы цела (панцыр) узгадваюцца двойчы, толькі ў пісьмовых крыніцах XVI стагоддзя. Пра выкарыстанне шчытоў увогуле няма звестак у пісьмовых крыніцах і пацверджанняў у археалагічным матэрыяле [3, с. 102–110; 2, с. 498; 19, с. 214].

Такім чынам, можна казаць, што вялікай колькасці сродкаў аховы цела і галавы ў Магілёве XVI–XVII стагоддзяў не было. Магчыма гэта звязана з дарагавізнай гэтых мілітарый, альбо з наяўнасцю іншых сродкаў аховы цела, накшталт халатаў і цігіляяў. Наяўнасць марыёна можа тлумачыцца прысутнасцю ў горадзе наёмніка з Заходняй Еўропы (немец, шатландзец, іспанец). Гэты тып шлемаў характэрны для пяхоты (стралкі альбо пікінеры). Шышакі і прылбіцы, у сваю чаргу, выкарыстоўваліся ў асноўным кавалерыяй. У XVII стагоддзі ахоўнае ўзбраенне не згадваецца ўвогуле.

Наступальная зброя падзяляецца на дзве катэгорыі: зброя дальняга і бліжняга бою. У першай катэгорыі вылучаюць кідальную і агняпальную, а ў другой – клінковую (мячы, шаблі і г.д.), абуховую (сякеры, булавы і г.д.) і дрэўкавую (коп’і, пікі, рагаціны і інш.) віды зброі. Усе віды маюць у сваім складзе тыпы, падтыпы, варыянты і больш меншыя – таксоны [2; 4–18].

Агляд прадметаў узбраення бліжняга бою трэба распачаць з дрэўкавага, так як гэту зброю можна ахарактарызаваць як зброю першага бліжняга кантакту. У Магілёве яна была рэпрэзентавана пікамі, коп’ямі, пратазанамі, рагацінамі і вошчапамі, а таксама эвалюцыйнамі мадыфікацыямі некаторых пералічаных вышэй мілітарый (рункамі, фрывульскімі коп’ямі, эспантонамі (?)) (мал. 1:1–15; 2:3) [4; 6]. Але неабходна памятаць, што асноўная колькасць наканечнікаў дрэўкавай зброі трапіла ў культурныя напластаванні горада і дно Дубравенкі, Дняпра і Дзябры падчас штурмаў горада войскам Януша Радзівіла ў лютым – красавіку 1655 года [1, с. 162–165].

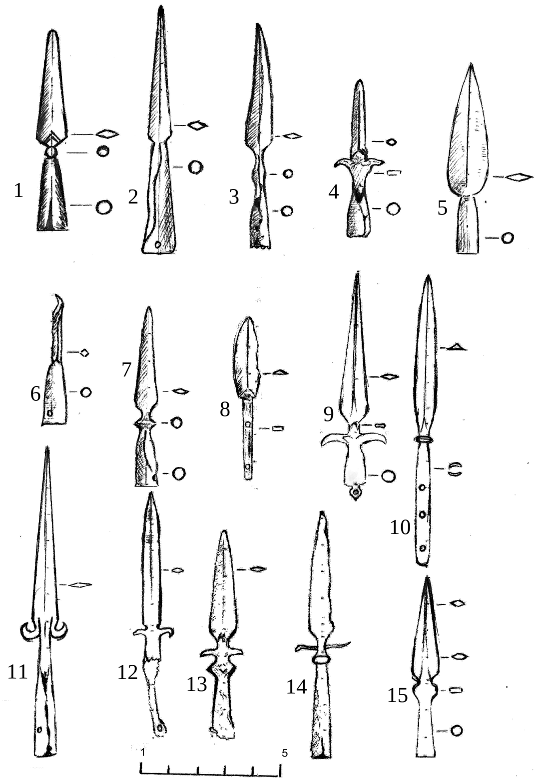
Калі казаць пра пісьмовыя згадкі дрэўкавай зброі, то пра іх наяўнасць у магілёўскіх збраёўнях гавораць наступныя запісы:

- *«… рогатинка дана зол. один…»* [7, с. 24];
- *«Бердышовъ чотыры, шафалина одна»* [11, с. 145–146];
- *«… szafelinow para, złotem nabiianych, na trzcinach…»* [16, с. 369];
- *«петнадцат осщеповъ засчитныхъ з олстрами»* [2, с. 83].

Пад абуховай зброяй трэба разумець комплекс з сякер, кісцянёў, кляўцоў, бярдышоў, шастапёраў і інш. У пісьмовых крыніцах яны фігуруюць як:

- *«… за обушокъ который ему въ дорогу…»* [10, с. 231];

- *«… обухъ сребромъ набияный дали золотыхъ два и осмак. 20…»* [11, с. 31];
- *«… купили у Ческого сына Ивана барду полскую за золот. тры…»* [13, с. 83];
- *«… секиру в дорогу дали…»* [8, с. 95].

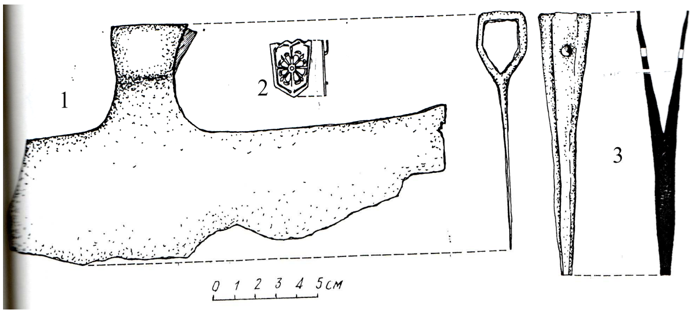


Мал. 1. Наканечнікі дрэўкавай зброі з фондаў УК “МАКМ імя Е.Р. Раманава” XVI–XVII стагоддзяў:
1, 5 – рагаціны; 2–3 – коп’і; 4, 12 – пратазаны; 6 – піка кавалерыйская (дрэва); 7, 10 – піка пяхотная;
8 – дроцік (вошчап); 9 – спетум (фрывульскае коп’ё); 11 – рунка; 13 – 15 эспантоны

Заўвага: прамалёўка аўтара.

У арсеналах магілёўскіх мяшчан знаходзіліся: сякеры, кісцяні, бярдышы (мал. 2), баявыя цапы і (магчыма) булавы. Археалагічныя матэрыялы пацвярджаюць бытаване толькі кісцянёў і бярдышоў, астатнія сродкі бою ўзгадваюцца ў пісьмовых крыніцах [2; 4–19]:

- *«Микитe Оршаници ковалю за окованe десяти цеповъ…»*, *«До тыхъ цеповъ… за древковъ десеть…»* [9, с. 123];
- *«… змовили Никиту Аршаничина бердышы робить, десятки два, за каждый бердышь по осмак пятьдесять… Тые бердышы дали на древо всажовать … дали золот три и осмак десять»* [12, с. 94].



Мал. 2. Магілёўскія матэрыялы паводле І.А. Марзалюка:
1 – бярдыш; 2 – накладка наконечніка похваў шаблі; 3 – капійны ўток

Заўвага: стратыграфічна матэрыялы датуюцца XVII – пач. XVIII стагоддзя [20, с. 238].

Асобна трэбы таксама ўзгадаць такую спецыфічную катэгорыю ўзбраення, як “крымінальная”. Да яе трэба аднесці “кіі” і “колы” [2, с. 61, 577]. Такія рэчы выступалі хутчэй за ўсё ў якасці зброі плебса ці ў

выпадках, калі сапраўднай зброі пад рукою не было. Хаця, магчыма, пад “кіямі” маюцца на ўвазе разнастайнасці булаў.

Самым распаўсюджаным узбраеннем бліжняга бою ў Магілёве была клінковая зброя. Магілёўскую клінковую зброю можна падзяліць на доўгаклінковую (мячы, шаблі, палашы, корды, шпагі, канчары) і кароткаклінковую (нажы і кінжалы).

У крыніцах фігуруюць: канчары, корды, шаблі, мячы, палашы і нажы:

- *«… konczerz ieden suty, srzebrem złocistym oprawny, y drugi koncerz, także suty, w posrzodku białe srzebro y rękoiesc także białego srebra…»* [15, с. 356];

- *«… иж онъ водлугъ сказни урядовой кордъ, которы был мне дал оправлят от доброго члвека, отдати и заплатити не хочет…»* [2, с. 214];

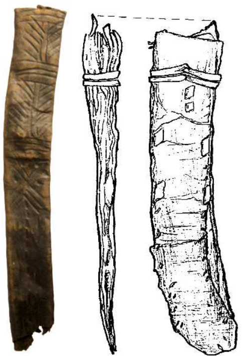
- *«…szabli dwie, iedna w czerwonym axamicie, żelazne braycary, złotem nabiane, a drugą w capie czarney, na niey braycarow trzy srebrem złocistym y krzyż w niey srebrozłocisty…»* [15, с. 356];

- *«… меч старый давали полировать…»* [9, с. 100];

- *«…nalezlismy w sklepie: pałaszy dwa, szrebrzem oprawne, z ktorych u jednego pięc braycarow, a u drugiego takze pięc, złocistych…»* [15, с. 356];

- *«…тахер ножов угорских…», «…ножы Виленское роботы…»* [2, с. 528, 440].

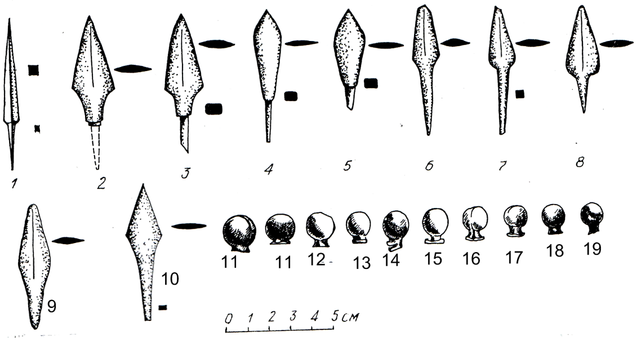
Археалагічныя матэрыялы прадэманстраваны скуранымі кінжальнымі і шабельнымі похвамі XVI–XVII стагоддзяў, бронзавым наканечнікам похваў доўгаклінковай зброі XVII стагоддзя (мал. 3) [20; 19, с. 67; 5, с. 118 – 119; 21]. Акрамя гэтага, трэба таксама адзначыць і выпадковую знаходку шабельнага клінка (хутчэй за ўсё канца XVII – пачатка XVIII ст.) з арабскім кляймом.



Мал. 3. Скураныя похвы кінжала і шаблі XVII – пач. XVIII стагоддзя (без маштаба)

Заўвага: матэрыялы І.А. Марзалюка [21; 20, с. 251].

Другім відам зброі нападу з’яўляецца зброя дальняга бою – кідальная (лукі і арбалеты) і агняпальная (пісталеты, стрэльбы і артылерыя). Згадкі гэтых мілітарый прысутнічаюць у пісьмовых крыніцах, а таксама ў якасці археалагічных матэрыялаў (мал. 4).



Мал. 4. Стрэлы 1 – 10 і кулі 11 – 19 з Магілёва

Заўвага: па матэрыялах І.А. Марзалюка [20, с. 251].

У XVI–XVII стагоддзях у Магілёве лукі не толькі знаходзіліся на ўзбраенні мяшчан як асабістая зброя, але і вырабляліся мясцовымі майстрамі: *«… гршей готовых пят коп и сагайдакъ, то все сыну своему Саве Яковлевичу отдал и отписалъ…», «Стрелъ десятка полтора, золот. два и асмаковъ семъ и*

полъ… За направу тятивы, асмак. чотыри» [2, с. 426, 487, 494 – 495; 8, с. 494–495]. У якасці баявой зброі лукі дакладна выкарыстоўваліся да сярэдзіны XVII стагоддзя, а потым яны саступаюць свае пазіцыі ў баі на карысць агняпальнай зброі.

Агняпальная зброя была шырока распаўсюджаным сродкам бою ў асяроддзі магілёўскіх мяшчан. Акрамя прыватных зброевых пакояў, агняпальная зброя знаходзілася ў арсеналах горада (у цэйхгаўзах і ў ратушы). Вялікая колькасць згадак рамонту агняпальнай зброі ў дакументах кажа аб значнай эксплуатацыі яе і ў мірны час. Ужо ў XVII стагоддзі прасочваецца падзел гэтых сродкаў бою на баявую, паходную (зброя падарожнікаў) і паляўнічую. У пісьмовых крыніцах згадваюцца: ручніцы, аркебузы, мушкеты, бандалеты, карабіны, фузеі, пісталеты і пташыны [2; 4–18]:

- *«…ручницу гупъчастую, которая дей коштовала грши петдесятъ, …»* [2, с. 3];
- *«… за оные гршы стало и за презыскъ, дали до мене… гаркабузик малый с колом…»* [2, с. 487];
- *«… за направу пистолетов и мушкета слесарю золот. 1 и осмаковъ…»* [7, с. 94];
- *«За розказанемъ Его млсти пана войта два бандолеты приняли одь Зенковича Лунка у пяти золотыхъ, аа попрутщину, у грошахъ готовыхъ…»* [7, с. 306];
- *«За хендожене пистолетовъ и за направу карабина золот. два и осм. пятнадцать…»* [14, с. 46];
- *«За направу пташыны, што по валу сто рожъ Михалко стреляетъ, заплатили слесару Жабце полталера…»* [15, с. 50].

Акрамя ручной агняпальнай зброі Магілёў валодаў артылерыяй[1]. Артылерыйскія гарматы (як бронзавыя, так і жалезныя) былі розных калібраў і падзяляліся на палкавыя (на калёсных лафетах), замкавыя (зацінныя) і марціры “мажчэры”: *«Гарматъ болшихъ, штукъ пять, среднихъ штукъ чотыри; полковыхъ двадцать два; железна, штука одна; круковъ одъ огня штукъ... цеповъ не окованыхъ... мажъчеръ одинъ у браме»* [7, с. 309]. Першыя – палявая артылерыя; замкавая – выкарыстоўвалася пры абароне горада; марціры звычайна скарыстоўвалі для аблогі, але наяўнасць іх у магілёўскіх цэйхгаўзах і каля брам кажа пра зручнасць іх выкарыстання і ў абароне. Неабходна адзначыць, што гарматы падзяляліся на “вялікія”, “малыя”, “дзелы”, ”паддзелкі”. Забяспечанасць магілёўскіх мяшчан зброяй дальняга бою была на даволі добрым узроўні. У Магілёве знаходзіўся свой асабісты артылерайскі парк, але пра стан гармат, іх калібры і суадносіны з патрэбамі часу казаць нешта пэўнае не выпадае.

На ўзбраенні мяшчан і магістрата знаходзіліся:

- артылерыя: палкавая, стацыянарная і марціры;
- ручная агняпальная зброя: ручніцы, аркебузы, мушкеты, бандалеты, карабіны, фузеі, пісталеты, пташыны;
- кідальная зброя (лукі);
- дрэўкавая зброя: вошчапы, рагаціны, коп’і, пікі (пяхотныя і кавалерыйскія), пратазаны, рункі;
- клінковая: шаблі, канчары, корды, мячы, палашы, нажы;
- абуховая: тапары, булавы (кіі), цапы, кляўцы (надзакі) (?), бярдышы, барты;
- засцерагальнае ўзбраенне: панцыры, шышакі, прылбіцы і марыёны.

У горадзе прысутнічала шмат майстроў, якія займаліся вырабам і абслугоўваннем зброі: шабельнікі, кавалі, сагайдашнікі, броннікі, кавалі, слесары, гарбары.

Комплекснае выкарыстанне зброі яскрава прадэманстравана ў «Рашэнні Яго Вялікасці караля Жыгімонта трэцяга па справе блажэннага Іясафата архіепіскапа Полацкага з мяшчанамі Магілёва» ад 27 студзеня 1631 года *«… выставили противъ него па башняхъ и по валу пушки и пищали, какъ будто противъ вооруженнаго неприятеля и сами вышли на валы съ мушкетами, пиками и разными воинскими доспехами…»* [8, с. 359]. Мы бачым выкарыстанне аднчасова як дрэўкавай, так і агняпальнай зброі.

Апалчэнцы Магілёва ўзбройваліся зыходзячы з асабістых фінансавых мажлівасцей і густаў. Але неабходны мінімум сродкаў бою для кожнага мешчаніна быў рэгламентаваны і вызначаны магдэбургскім правам. Магістрат праводзіў запланавыныя стрэльбы, агляды “войска” і гарматнікаў, ажыццяўляў інвентарызацыю брамных арсеналаў і цэйхгаўзаў, пры патрэбе наймаў неабходных майстроў для рамонта і вырабу зброі.

Высновы. Комплекс сродкаў бою магілёўскіх мяшчан XVI–XVII стагоддзяў найбольш падобны да заходнееўрапейскай вайсковай традыцыі (агняпальная зброя, а таксама канчары, корды, палашы, барты, прылбіцы і інш.). У сваю чаргу, наяўнасць бярдышоў, шабель, лукаў са стрэламі можа казаць пра ўсходнія вайсковыя традыцыі. Але, напрыклад, шабля, з’яўляецца нацыянальнай зброяй не толькі усходніх народаў, але і Польшчы, і Венгрыі, а бярдышы характэрны практычна для ўсіх народаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Можна казаць і аб наяўнасці пэўнай колькасці іншаземных наёмнікаў у горадзе таго часу (альбо жаўнераў, абучаных і ўзброеных згодна заходнееўрапейскай вайсковай традыцыі). Вялікая колькасць сродкаў бою ўяўляла сабою пераробленыя сельскагаспадарчыя прылады працы, якія дапаўняліся

[1]Артылерыя (тут) – гэта не гарматы самі па сабе, а цэлы комплекс, род войск, неабходны для абслугоўвання і баявой эксплуатацыі артылерыйскага ўзбраення – кідальныя машыны і гарматы.

сапраўднай баявой зброяй. Усё гэта кажа аб важнейшай функцыі магілёскага узбраення – абароны мяшчанамі горада, у адрозненне ад тых функцый, якія ставіліся пры забеспячэнні баявымі сродкамі шляхецкага паспалітага рушэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Абецедарский, Л.С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. / Л.С. Абецедарский. – Минск, 1978.
2. Акты, издаваемые Виленскою комиссіею, для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна: Тип. Губ. правл., 1865–1915. – Т. 39: Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
3. Бохан, Ю.М. Новыя знаходкі сярэднявечнай зброі на тэрыторыі Беларусі / Ю.М. Бохан // Acta archeological Albaruthenica, Vol. II. – Мінск, 2007. – 127 с.
4. Галынский, Р.Д. Вооружение магдебургского Могилёва (XVI–XVII вв.) / Р.Д. Галынский // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зб. навук. прац VII міжнар. навук. канф., Магілёў, 29–30 чэрв. 2011 г. / уклад.: А.М. Бацюкоў, І.А. Пушкін. – Магілёў: УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2011. – С. 41–47.
5. Галынский, Р.Д. Предметы вооружения эпохи средневековья и Раннего Нового времени в экспозициях МГУ им. А.А. Кулешова / Р.Д. Галынский // Романовские чтения: сб. ст. междунар. науч. конф., Могилёв, 26 нояб. 2010 г.; под общ. ред. А.А. Воробьёва. – Могилёв: УО «МГУ им А.А. Кулешова», 2011. – С. 118–120.
6. Галынский, Р.Д. Рогатина как разновидность универсального древкового вооружения XIII–XVII вв. (на основе фондовых сборов УК «Могилёвский краеведческий музей им. Е.Р. Романова») / Р.Д. Галынский // Романовские чтения-8: сб. ст. междунар. науч. конф., Могилёв, 24 нояб. 2011. – Минск: УО «МГУ им. А.А. Ку-лешова», 2011. – С. 60–61.
7. Историко-юридические материалы (ИЮМ): в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 1. – 1871. – 374 с.
8. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 2. – 1871. – 376 с.
9. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871– 906. – Вып. 3. – 1872. – 445 с.
10. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 4. – 1873. – 433 с.
11. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 5. – 1874. – 414 с.
12. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 6. – 1875. – 416 с.
13. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 7. – 1876. – 517 с.
14. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871– 906. – Вып. 8. – 1877. – 530 с.
15. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 9. – 1878. – 553 с.
16. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 10. – 1879. – 545 с.
17. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871– 906. – Вып. 11. – 1880. – 534 с.
18. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871– 906. – Вып. 12. – 1882. – 550 с.
19. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 32. – 1906. – 297 с.
20. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стст. Людзі і рэчы / И.А. Марзалюк. – Магілёў–Мінск, 1998. – 260 с.
21. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Пабудова адміністрацыйна-гандлёвага прызначэння» па вул. Ленінскай, 9 з добраўпарадкаваннем прылеглай тэрыторыі ў г. Магілёве ў 2009 годзе (Дамова Інстытута гісторыі НАН Беларусі з ААТ «Велес-К» ад 9 сакавіка 2009 г.). – Тэкст с. 3 – 18, кал. воп. с. 19–31, спісы с. 32–34, мал. с. 35 – 64, фота с. 65–95, даведка с. 96.

Пастуліў 06.05.2014

MOGILEV ARMAMENT
IN XVI–XVII CENTURIES AN OVERVIEW

R. GALYNSKI

The article deals with a set of tools for defense and attack the Mogilev burghers at the end of XVI–XVII centuries. Militaristic history of individual cities rarely been studied specifically, especially in this period. Analysis of armaments is based on the written sources and archaeological collections of Mogilev museums. This will help to more clearly understand the daily life of citizens in the late XVI–XVII centuries.

УДК 930(476)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ МОГИЛЁВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Е.С. МАЗУР
(Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Рассматриваются основные этапы по изучению городов Могилёвской губернии первой половины XIX века. В изучении городов Могилёвской губернии можно выделить три основных этапа: первый – с начала XIX века и до 1917 года, второй – с 1918 до 1991 года, третий – с 1991 года и по сегодняшний день. Основными вопросами при изучении городов было их социально-экономическое развитие, и только небольшая часть авторов рассматривала проблемы, связанные с развитием культуры. Вместе с тем с XIX века и до сегодняшнего дня специализированных исследований по интеграции городов Могилёвской губернии в социокультурное и экономическое пространство Российской империи в первой половине XIX века не проводилось.

Важное место среди западных губерний Российской империи первой половины XIX века принадлежит Могилёвской губернии. В начале XIX века Могилёв приобретает новый статус – становится губернским городом, центром Могилёвской губернии. В изучении городов Могилёвской губернии первой половины XIX века условно можно выделить три периода: дореволюционный – с начала XIX века по 1917 год; далее – советский период, начиная с 1918 и до распада Советского Союза в 1991 году; современный – с 1991 года и по сегодняшний день.

Основная часть. Начало изучения городов Могилёвской губернии первой половины XIX века можно отнести уже к началу XIX века. В российской историографии первой половины XIX века постепенно возрастает интерес к истории Беларуси из-за стремления царского правительства к обоснованию причин, которые привели к инкорпорации территорий былой Речи Посполитой. Влияние на возросший интерес к белорусским городам оказал рост популярности краеведения в Западной Европе, где шел процесс формирования современных наций. Необходимо отметить, что особенностью белорусской историографии в XIX веке явилось существование двух концепций – «великопольской» и «великорусской». Обе концепции сводились к отрицанию существования белорусского этноса, а также признанию Беларуси частью Польши или Российской империи. Российская официальная наука считала белорусов частью русского народа, «испорченного» польским влиянием. Польские ученые, напротив, считали белорусов этнографической частью польского народа.

В дореволюционной российской историографии первые сведения о городах Могилёвской губернии первой половины XIX века появились в «Записках путешествия по западным провинциям Российского государства», изданных в 1803 и 1804 годах академиком В. Севергиным. Академик в своих «Записках» уделил большое внимание описанию культовых зданий в городах Могилёвской губернии, а также отметил толерантность и веротерпимость среди местного населения [60; 61]. В это же время появляются и работы польских исследователей. В польских журналах нередко помещались небольшие статьи о белорусском быте, фольклоре. Позже эти статьи переводились на русский язык и публиковались в периодических изданиях Российской империи того времени [16, с. 463–473]. Отличие белорусских губерний от других губерний Российской империи было отмечено польским исследователем А. Полянским. В своей книге «Описание лесов» А. Полянский рассмотрел территориально-административное деление, национальный состав, численность населения Могилёвской губернии [1, с. 60].

К первой трети XIX века относится постепенное развитие статистики, что было вызвано потребностями государственного управления. Статистическая работа обеспечивала систематическое накопление информации о развитии регионов. Данные для статистики собирались в Российской империи Центральным Статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Органами Центрального Статистического комитета на местах были губернские статистические комитеты, которые должны были составлять статистические таблицы и статистические приложения к губернаторским отчётам [19, с. 582–605]. Статистические данные содержат богатый материал о социально-экономическом и культурном развитии городов Могилёвской губернии [7]. Первой попыткой статистического описания Российской империи является труд Е. Зябловского «Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии», опубликованный в 1808 году. Зябловский привел цифры ежегодного денежного содержания в год гимназий и уездных училищ, а также численность учителей и учащихся Могилёвской семинарии за 1806 год наряду с семинариями других губерний. Несмотря на большой труд, проделанный в работе Е. Зябловского, к сожалению, по Могилёвской губернии содержатся лишь отрывочные сведения [25].

Статистическим исследованиям посвящены работы Г.В. Небольсина, И. Горлового [38; 40], а также различные статьи в периодических изданиях первой половины XIX века. Например, в «Журнале Министерства внутренних дел» помещены статьи, характеризующие внешний облик городов, торговлю, повинности, численность населения Могилёвской губернии [8, с. 278; 18, с. 1–5; 52, с. 163–169].

Исследования западных губерний Российской империи были предприняты военным ведомством. С 1837 года Генеральный штаб проводил статистические исследования, которые предназначались для военных потребностей. К числу таких исследований относится «Военно-статистическое обозрение Российской империи», VIII том которого издан в 1848 году и посвящён Могилёвской губернии. Данное «Обозрение» включает в себя военно-топографические описания, разнообразные сведения о природных условиях, путях сообщения, промышленности, торговле, численности жителей, нравах и чертах характера населения, системе образования. К сожалению, данное «Военное обозрение» имеет недостатки. Так, при анализе численности жителей необходимо учитывать отсутствие сведений на 1 января 1847 года о родившихся и умерших от римско-католической консистории, о родившихся и умерших евреях, а также отсутствие этих сведений за 1834 и 1846 годы от православной консистории [10].

Постепенно на белорусских землях развивается краеведение. Проводятся этнографические исследования, итоги которых печатались в периодических изданиях. Например, неофициальная часть «Могилёвских губернских ведомостей» содержит краеведческие материалы по археологии, истории, этнографии городов Могилёвской губернии. Здесь же статистические описания о распространении заболеваний [36; 39; 64; 65].

Большой вклад в развитие краеведения внес М.О. Без-Корнилович. В 1855 году в Санкт-Петербурге вышла книга историка «Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии», посвященная белорусским городам. В книге в хронологическом порядке описано территориально-административное деление, рассмотрена торговля, промышленное и ремесленное производство, пути сообщения, обычаи и быт населения. В своей работе М.О. Без-Корнилович не только описал города Могилёвской губернии, но и дал оценку их экономического развития [3, с. 272].

С 1853 года начинают издаваться «Памятные книжки», посвящённые Могилёвской губернии. В них содержатся таблицы с численными показателями о населении, вероисповедании, данные о медицинских учреждениях, учреждениях образования, фабрично-заводская статистика [44; 45].

С 1860-х годов в российской историографии получила развитие концепция «западнорусизма» [5, с. 136]. Одно из направлений «западнорусизма» – консервативное. Представители этого направления считали, что этнические особенности белорусов являются результатом влияния польско-католической экспансии, поэтому западному краю необходимо вернуть русский характер. Ярким представителем консервативного направления «западнорусизма» являлся К. Говорский. С 1862 года Говорским издаётся историко-литературный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной Европы». Это издание поддерживал Синод, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения. Важным для изучения Могилёвской губернии является первый выпуск «Вестника». В нем содержатся статистические сведения, которые характеризуют национальный и религиозный состав Могилёвской губернии на 1860 год [63, с. 55–56].

После восстания 1863 года правительство Российской империи берет под контроль изучение белорусского края. Чтобы опровергнуть польские претензии на белорусские земли, царское правительство начинает активно доказывать «русский» характер западных губерний Российской империи. Для этого был издан в начале 1863 года в Санкт-Петербурге этнографический атлас Р.Ф. Эркерта. Атлас составлен по официальным данным Министерства внутренних дел за 1858 год. Эркерт в своем атласе привел численный и национальный состав населения Российской империи, Австрии и Пруссии на 1858 год. Большую часть населения Могилёвской губернии Р.Ф. Эркерт определил к русским, белорусский народ отдельно не выделен [74, с. 1–6].

В 1860–70-е годы с целью обоснования законного присоединения белорусских губерний к Российской империи при поддержке царского правительства проводятся различные исследования городов Могилёвской и других белорусских губерний. Например, по приказу министра внутренних дел составлен труд «Городские поселения в Российской империи», в котором значительное место отведено Могилёвской губернии [17, с. 171]. При описании каждого уездного города Могилёвской губернии прослеживается однотипная структура в изложении материала: указывается время учреждения города, административно-территориальные изменения, далее указан герб города, план, постановления о городских доходах, перечислены льготы, постановления по общественному городскому управлению, перечислены городские присутственные места, численность населения за 1858 год. Информация, которая содержится в «Городских поселениях», даёт возможность проследить влияние Российской империи на города Могилёвской губернии в первой половине XIX века.

Ценный материал о криминогенной ситуации в Могилёвской губернии содержится в труде Е.И. Анучина: о проценте населения, сосланного в Сибирь в период с 1827 по 1846 год. Интересными являются выводы автора этого исследования, которые характеризуют некоторые особенности преступности в Российской империи, в том числе и Могилёвской губернии, показывая быт её населения [2, с. 156–166].

К концу XIX века накоплено большое количество статистической информации. В результате возникла необходимость ее систематизации. Попытку систематизации и подробного сравнительного анализа статистических данных численности населения, его состава по Российской империи предпринял Ю.Э. Янсон в своей работе «Сравнительная статистика», изданной в 1878 году [75].

В конце XIX века появились работы по истории просвещения и образования. Например, «Сборник материалов для истории просвещения в России». Сборник содержит описание учебных заведений в Могилёвской губернии в первой половине XIX века, список преподаваемых предметов, а также учебников [57–59]. Очерк хода и развития жизни учебных заведений Могилёвской губернии содержится в

«Историческом обзоре деятельности Виленского учебного округа», составленном А. Белецким в 1908 году. В этом издании описаны некоторые особенности устройства училищ Могилёвской губернии. Автор «Исторического обзора» описал положение образования с позиций «западнорусизма» [4, с. 52].

Во второй половине XIX века продолжает развиваться историческое краеведение в Беларуси. Ценным источником, который полностью посвящен Могилёвской губернии XIX века, является «Опыт описания Могилёвской губернии». Подобного труда не имела ни одна губерния Российской империи. «Опыт» содержит исторический очерк, физико-географическую, этнографическую, административную карту губернии, описание ежедневной жизни населения Могилёвской губернии XIX века, ценный иллюстративный материал. В «Опыте» показаны изменения, которые происходили в культуре, экономике, внешнем облике Могилёвской губернии в XIX веке. Приводятся причины, которые препятствовали экономическому развитию её городов. Рассматривается система образования, медицинское дело. Важные сведения содержатся в «Опыте» о городах Могилёвской губернии [41–43].

В первые послереволюционные годы специальных исследований, посвященных изучению городов Могилёвской губернии в первой половине XIX века, не проводилось. Однако уже в 1927 году вышла первая книга, посвящённая городу Могилёву и его окрестностям. Книга «Магілёўшчына», изданная краеведческим товариществом, содержит небольшие очерки по истории города Могилёва, выдержки из документов [33, с. 37–43].

В 1930-х годах Институтом истории Академии наук Беларуси разрабатывалась тема по изучению истории мануфактур Беларуси в период конца XVIII – начала XIX века. В результате в 1934 и 1935 годах были опубликованы два выпуска книги «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма». Выпуски содержат ведомости фабрик и заводов по Могилёвской губернии, численность населения, его состав по итогам 6-й и 9-й ревизий [35].

В 1940-х годах в связи с Великой Отечественной войной все внимание исследователей было направлено на войну, а после войны – на послевоенное восстановление и преобразование. Поэтому в силу сложившихся обстоятельств в данный период времени городам Могилёвской губернии первой половины XIX века не было уделено должного внимания. Однако уже в 1951 году появились исследования, посвященные дорожному строительству [29, с. 153], градостроительству [20, с. 153] белорусских городов, в том числе городов Могилёвской губернии.

С конца 1950-х годов в условиях политической «оттепели» историки получили больше возможностей по изучению документов, хранящихся в исторических архивах. В конце 1950-х годов преподаватели Могилёвского педагогического университета предприняли попытку систематизировать изложение истории города Могилёва с древнейших времен и до 1950-х годов. Книга «Могилёв: Исторический очерк», изданная в 1959 году, даёт систематическое освещение важнейших этапов истории Могилёва. Для написания даной книги были использованы архивные материалы СССР и БССР, периодическая печать и опубликованная литература [37, с. 41–51]. В 1959 году Институт истории Академии наук БССР и Архивное управление БССР начали издание документов и материалов «Белоруссия в эпоху феодализма» в трех томах. Третий том сборника содержит важные документы по социально-экономическому и культурному развитию Могилёвской губернии в первой половине XIX века [6, с. 434, 372].

Большое внимание историки в советский период времени в своих исследованиях уделяли социально-экономическому развитию городов. Первой попыткой обобщенного исследования о промышленности Беларуси, в том числе Могилёвской губернии в первой половине XIX века, явился труд М.Ф. Болбаса, изданный в 1966 году. Историк в своей работе рассмотрел развитие путей сообщения, торговли городов и местечек Могилёвской губернии, численность населения [7]. Автор книги «Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)» Н.Т. Романовский рассмотрел развитие торговли, путей сообщения, численность населения, мануфактурную промышленность [53, с. 250, 358]. Социально-экономическое развитие городов Беларуси в 30–50-х годах XIX века проанализировано в кандидатской диссертации историка А.Ф. Вишневского [9].

До 1980-х годов в отечественной историографии не было обобщающего материала, посвященного социально-экономическому развитию городов Беларуси с конца XVIII века и до реформы 1961 года. Попытка восполнить данный пробел осуществлена в монографии В.В. Чепко «Города Белоруссии в первой половине XIX века: Экономическое развитие». В монографии рассмотрено территориально-административное устройство городов Могилёвской и других белорусских губерний, численность населения, ремесленное производство [71]. Социально-экономическому развитию белорусских городов в конце XVIII – первой половине XIX века посвящено исследование А.М. Лютого. В книге «Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века», изданной в 1987 году, А.М. Лютый проанализировал развитие торговли, ремесла, мануфактурной промышленности, население, благоустройство белорусских городов, в том числе городов Могилёвской губернии [32].

В советский период появились издания, в которых рассматривалось развитие культуры белорусских городов. Например, в книге «Гісторыя беларускага тэатра» проанализированы основные этапы развития театрального искусства [15, с. 221–224]. Развитие архитектуры, живописи, скульптуры, декоративно-

прикладного искусства городов Могилёвской и других губерний в первой половине XIX века рассмотрено в III томе «Гісторыі беларускага мастацтва» [14, с. 17–21]. Архитектурному прошлому Могилёвской губернии посвящены исследования В.А. Чантурии [69], Т.И. Чернявской [70]. Истории и архитектуре дорог Беларуси посвящена монография А.С. Сардарова [56].

После распада Советского Союза произошло существенное расширение доступа к информации, в том числе к архивным документам. Появились новые методы исследования, расширилось тематическое поле. Это в свою очередь активизировало научную деятельность историков. Как и в предыдущие годы, важное место в своих исследованиях историки отводили социально-экономическому развитию белорусских городов. В 1995 году вышла монография исследователя В.В. Шведа «Торговля в Белоруссии в период кризиса феодализма» [72], в которой автор проанализировал ярмарочную, развозно-разносную, базарную и стационарную формы торговли. Он рассмотрел состав купечества и его капиталы, внешние и межрегиональные торговые связи. Материалы монографии В.В. Шведа основаны на глубоком изучении архивных источников, опубликованных документов, мемуарной и научной литературы.

Первая попытка в постсоветский период показать судебные органы на белорусских землях была осуществлена В.А. Шелкоплясом в монографии «Судебные органы в Беларуси». Используя архивный и другой документальный материал, В.А. Шелкопляс проанализировал местные судебные органы, состав, их компетенцию в Могилёвской и других губерниях. Автор монографии отметил, что членами и заседателями главного суда могли быть только дворяне [73, с. 26].

Государственный аппарат царизма в Беларуси, в том числе и Могилёвской губернии, в 30–60-е годы XIX века проанализирован исследователем С.М. Токтем в кандидатской диссертации «Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-я гады XIX стагоддзя» [67].

В 1990-х годах продолжается издание серий историко-документальных хроник под названием «Памяць». Эта серия книг содержит описание истории городов Могилёвской губернии в разные периоды времени, в том числе и в первой половине XIX века [46–51].

Архитектура городов Могилёвской и других белорусских губерний первой половины XIX века рассмотрена в книге исследователя А.И. Лакотко. В труде «Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры», опубликованной в 1999 году, описаны планировка городов, материал для строительства домов, благоустройство [30].

Религиозная тематика также интересовала исследователей при рассмотрении белорусских городов. Например, старообрядческое движение в конце XVIII начале XX века проанализировал А.А. Горбацкий [12]. Этнокультурным аспектам создания, функционирования и ликвидации униатской церкви в Беларуси посвящена работа С.В. Морозовой «Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.)» [34]. Терешкович П.В. в своей монографии «Этническая история Беларуси XIX – начала XX века в контексте Центрально-Восточной Европы» в хронологической последовательности рассмотрел этническую историю Беларуси. Исследователь по этническим, социальным, конфессиональным и региональным параметрам проанализировал население белорусских земель на рубеже 1850–1860-х годов. Автор монографии отметил, что специфической чертой восточного региона было исторически обусловленное тяготение к русской культуре, социальный престиж которой был выше, чем польской [66, с. 94]. Анализ положения римско-католического костела на территории Беларуси, в том числе Могилёвской губернии, выполнен в кандидатской диссертации историка И.Г. Гончарука «Каталіцкі касцел на Беларусі ў складзе Расійскай імперыі 1772–1830 гг.» [11].

На современном этапе развития исторической науки проходят различные конференции, круглые столы, которые посвящены различным вопросам развития и функционирования белорусских городов. Например, белорусско-польским отношениям был посвящен международный круглый стол, который состоялся 28–30 сентября 1999 года в Гродно. Материалы круглого стола «Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур X–XX стст.» были опубликованы в книге 8 «Наш радавод» в 1999 году. Книга содержит ряд статей о белорусско-польских отношениях с X по XX век. Часть из них посвящена урбанистической тематике [54; 68].

С конца 1990-х годов в Могилёве проводится конференция «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць», посвященная историческому прошлому этого города. По итогам конференций печатается сборник научных трудов. На страницах сборника рассматривались различные вопросы экономического и социокультурного развития города в разные периоды времени. Положение образования в Могилёве в 1820–30-х годах рассмотрел А.Ф. Самусик [55]. Характеристика почтовых работников Могилёвской губернии в первой половине XIX века осуществлена в статьях В.К. Заремского [22; 24].

Анализу связей белорусских и украинских народов, а также процессам, характерным для современного этапа сотрудничества Беларуси и Украины, была посвящена конференция «Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін». Белорусско-украинские торговые отношения проанализированы в статье А.Л. Киштымова. Исследователь О.Н. Карлина в своей статье провела сравнительный анализ развития украинских и белорусских городов в первой половине XIX века. Истории украинско-белорусских отношений во время войны 1812 года посвящена статья А.У. Ерошевич [27; 26; 21].

На страницах сборника международной научной конференции «Романовские чтения» нашли отражение статьи, посвященные Могилёвской губернии первой половины XIX века. Развитие почтовой связи на примере

Могилёвской и других белорусских губерний проанализировано в статьях В.К. Заремского. Исследователь Н.Н. Коваленчиков рассмотрел развитие мелкотоварного производства в Могилёвской губернии [23; 28].

В 2004 году проведена конференция Белорусского исторического общества, посвященная белорусской историографии периода СССР. Материалы конференции были опубликованы в журнале «Гістарычны альманах». В данном сборнике были проанализированы некоторые проблемы развития белорусских земель в первой половине XIX века [31, с. 185].

Институтом истории Академии наук Республики Беларусь в 2000 году была начата работа по созданию многотомного издания, посвященного разным периодам истории Беларуси. В 2007 году был опубликован 4 том книги «Гісторыя Беларусі». В этой книге рассмотрено территориально-административное деление, органы власти, изменения в судебной системе, структура населения, политическое, экономическое, культурное развитие Могилёвской и других белорусских губерний, вошедших в состав Российской империи в конце XVIII начале XX века [13].

В 2010 году опубликована монография И. Соркиной «Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX стагоддзя». В монографии проанализированы вопросы, связанные с положением местечек в структуре населенных пунктов Беларуси, особенности их функционирования, социально-демографической, этноконфесионной ситуации, а также роль этих поселений в социально-экономическом и культурном развитии Беларуси в период XVIII век – первая половина XIX века [62]. Автор монографии отметила, что после присоединения белорусских земель к Российской империи правовое положение местечек ухудшилось не только в результате введения ограничительных законов относительно евреев, но и в результате закрепощения мещан. Проанализировала И. Соркина и экономическое развитие местечек: развитие торговли, путей сообщения [62].

Заключение. Первые исследования по городам Могилёвской губернии первой половины XIX века появились уже в XIX веке. Однако эти работы носили описательный характер, имели неточности. Если в первой половине XIX века в большинстве изданных работ публиковался материал описательного характера, то с 1860-х годов появились исследования, в которых проводился анализ, сравнение. В советский период времени было проведено немало исследований, посвященных развитию городской жизни белорусских городов. В большинстве работ советских историков рассматривались вопросы социально-экономического развития городов. Развитие культуры исследователи затрагивали частично. На современном этапе развития исторической науки продолжаются исследования, посвященные белорусским губерниям после присоединения к Российской империи. В исследованиях историков можно проследить две противоположные позиции по отношению к присоединению белорусских земель к Российской империи. Одни историки характеризуют присоединение белорусских губерний положительно, отмечая экономический рост, культурное развитие в данный период; другие считают, что присоединение к Российской империи имеет ряд отрицательных последствий. Очень часто подобные оценочные суждения связаны с личным политическим выбором авторов, а не с беспристрастным анализом источников. Вместе с тем необходимо отметить, что Могилёвская губерния как отдельно взятая социально-экономическая и культурная единица в первой половине XIX века не являлась предметом научного исследования. Поэтому работы, посвященной проблеме интеграции городов Могилёвской губернии в состав Российской империи в первой половине XIX века, на сегодняшний день нет. Учитывая слабую изученность городов Могилёвской губернии в дореформенный период Российской империи, необходимо в дальнейшем проанализировать процессы включения городов Могилёвской губернии в социокультурное и экономическое пространство Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Połujański, A. Opisanie lasów Królestwa Polskiego i gubernij zachodnich Cesarstwa Rossyjskiego pod względem historycznym, statystycznym i gospodarczym / A. Połujański. – Warszawa, 1855 . – Т. 4. – 179 с.
2. Анучин, Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг.: материалы для уголовной статистики России / Е.Н. Анучин // Соч. д. чл. Е.Н. Анучина. – СПб.: Тип. Майкова, 1873. – 246 с.
3. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М.О. Без-Корнилович. – СПб.: Тип. III Отд. Собст. Е. И., 1855. – 367 с.
4. Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803–1832 гг. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1908. – 148 с.
5. Белозорович, В. Урбанизация в Беларуси в освещении отечественной и российской историографии (XIX–XX вв.) / В.А. Белозорович // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры: зб. навук. арт. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал.: І.П. Крэнь, І.В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 403 с.
6. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. док. и материалов: в 3 т. Т. 3: Воссоединение Белоруссии с Россией и ее экономическое развитие в конце XVII–первой половине XIX века (1772–1860) / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. МВД БССР; редкол.: А.И. Азаров [и др.]; сост.: В.В. Чепко, В.В. Шатилло; ред.: В.В. Чепко, В.Н. Жигалов. – Минск, 1961. – 625 с.

7. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 гг.) / М.Ф. Болбас; АН БССР, Ин-т экономики. – Минск, 1966. – 268 с.
8. Ведомость о числе каменных и деревянных церквей по епархиям во всей России в 1831 г. // Журнал М-ва Внутр. Дел. –1833, ч. VIII, отд. 2. – С. 278.
9. Вишневский А.Ф. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в период кризиса феодализма (30–50-е гг. XIX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 История СССР / А.Ф. Вишневский; М-во просвещ. БССР, Минский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – Минск, 1973. – 24 с.
10. Военно-статистическое обозрение Российской империи: в 17 т. / издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба [трудами офицеров Генерального штаба]. – СПб.: в Тип. Департамента Генерального штаба, 1848. – Т. 8, ч. 3. – 152 с.
11. Ганчарук, І.Г. Каталіцкі касцёл на Беларусі ў складзе Расійскай імперыі. 1772–1830 гг.: аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02: 18.02.2005 / І.Г. Ганчарук; Нац. акад. навук Беларусі, Дзярж. навук. установа «Ін-т гісторыі». – Мінск, 2005. – 21 с.
12. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст. / навук. рэд. М.П. Касцюк; Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, Брэсц. дзярж. ун-т. – Брэст: Выд-ва БрДУ, 1999. – 202 с.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII–пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]; рэд. тома: В. Яноўская, С. Рудовіч. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.
14. Гісторыя Беларускага мастацтва: у 6 т. / Акад. навук Беларускай ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. Т. 3: Канец XVIII – пачатак XX ст. / рэд. тома: М. Дробаў, П. Карнач, 1989. – 448 с.
15. Гісторыя беларускага тэатра: у 3 т. / Акад. навук Беларускай ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: У.І. Няфёд (гал. рэд.) [і інш.]. Т. 1: Беларускі тэатр ад вытокаў да кастрычніка 1917 г. / М. Каладзінскі [і інш.]; рэд. тома: Г.І. Барышаў, А.В. Сабалеўскі, 1983. – 496 с.
16. Глебович, А. Остатки славянской мифологии, сохранившиеся у Белорусских поселян / А. Глебович // Северный архив. – 1822. – Т. IV. – С. 463–473.
17. Городские поселения в Российской империи / сост. по приказанию М-ва Внутр. Дел. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1863. – Т. 3. – 680 с.
18. Губернский город Могилёв // Журнал М-ва Внутр. Дел. –1858, ч. XXX, кн. 5, отд. 6. – С. 1–5.
19. Данилевский, И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: учеб. пособие для студ. вузов / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов. – М.: РГГУ, 2000. – 701 с.
20. Егоров, Ю.А. Градостроительство Белоруссии / Акад. наук СССР, Ин-т истории искусств. – М.: Гос. изд-во лит. по стр-ву и архитектуре, 1954. – 281 с.
21. Ерашэвіч, А.У. З гісторыі ўкраінска-беларускіх стасункаў у час вайны 1812 г. // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / НАН Беларусі; рэдкал.: Н.У. Васілеўская [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 158–161.
22. Заремский, В.К. Некоторые характеристики почтовых работников Могилёвской губернии в первой половине XIX в. / В.К. Заремский // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зб. навук. прац удзельнікаў IV міжнар навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» / уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў: Обл. укруп. тип., 2005. – С. 150–155.
23. Заремский, В.К. Мероприятия правительства Российской империи по созданию массовой и общедоступной почтовой связи на примере белорусских губерний / В.К. Заремский // Романовские чтения-8: сб. ст. междунар. науч. конф., 24 нояб. 2011 года, г. Могилёв; редкол.: Я.Г. Риер (председатель) [и др.]. – Могилёв: МГУ, 2012. – С. 210–212.
24. Заремский, В.К. Почтовые станции как объект исторического исследования / В.К. Заремский // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва: зб. навук. прац удзельнікаў V міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць»; уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў: Могилёв. обл. укрупнен. тип., 2007. – С. 44–49
25. Зябловский, Е.Ф. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде / Е. Зябловский. Кн. первая. – СПб.: в Тип. Императорского Театра, 1808. – 529 с.
26. Карлина, О.Н. Украинские и белорусские города в первой половине XIX в.: сравнительный анализ развития / О.Н. Карлина // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / НАН Беларусі; рэдкал.: Н.У. Васілеўская [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 168–173.
27. Киштымов, А.Л. Украинский вектор экономики (конец XVIII – первая пол. XIX в.) / А.Л. Киштымов // Беларусь – Украіна: гістарычны вопыт узаемаадносін: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск, 18–19 сак. 2003 г. / НАН Беларусі; рэдкал.: Н.У. Васілеўская [і інш.]. – Мінск, 2004. – С. 176–182.
28. Коваленчиков, Н.Н. Развитие промышленности в Могилёвской губернии в конце XVIII – 50-х гг. XIX в. / Н.Н. Коваленчиков // Романовские чтения-5: сб. тр. Междунар. науч. конф. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – С. 190–192.

29. Кудрявцев, А.С. Очерки истории дорожного строительства в СССР. Ч. 1: Дооктябрьский период / А.С. Кудрявцев; под общ. ред. действ. чл. АН УССР лауреата Сталинской премии д-ра техн. наук проф. В.В. Данилевского, 1951. – 332 с.
30. Лакотка, А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка. – Мінск: Ураджай, 1999. – 364, [2] с., [6] л. цв. іл.
31. Лукашэвіч, А. Ваеннае становішча ў Беларусі ў 1812 г. / А. Лукашэвіч // Гістарычны альманах. – Гродна: Выд-ва Беларус. гіст. т-ва, 2004. – Т. 10.
32. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой пол. XIX века / А.М. Лютый; под ред. В.В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1987. – 179 с.
33. Магілёўшчына: зб.; неперыядычны орган акруговага таварыства краязнаўства / пад кіраўн. і рэд. А.М. Беларусава. Т. 1. – 183 с.
34. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.) / С.В. Марозава; под навук. рэд. У.М. Конана; Гродзен. дзярж. ун-т імя Я. Купалы. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
35. Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распада феадалізма / Беларус. Акад. навук, Ін-т гісторыі; з прадм. В.К. Шчарбакова. – Мінск: Выд-ва Акад. навук, 1935.
36. Мемориал происшествий в Могилёвской губернии за месяц январь 1848 года // Могилёвские губернские ведомости. Отд. II. Часть неофиц. к № 24. –1848. – С. 422–423.
37. Могилёв: Ист. очерк / К.П. Петров [и др.]. – Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения БССР, 1959. – 191 с.
38. Небольсин, Г. Статистическое обозрение внешней торговли России / Г. Небольсин. Ч. II. – СПб.: Тип. Департам. внешн. торговли, 1850. – 933 с.
39. О действии эпидемической холеры в Могилёвской губернии с 12-го по 19-е августа // Могилёвские губернские ведомости. Отд. II. Часть неофиц. к № 34. –1848. – С. 610–611.
40. Обозрение экономической статистики России / сост. И. Горлов / СПб.: Тип. Императорской Акад. наук, 1849. – 433 с.
41. Опыт описания Могилёвской губернии. Кн. 1. – Могилёв на Днепре: Тип. Губ. Правл., 1882. – 832 с.
42. Опыт описания Могилёвской губернии. Кн. 2. – Могилёв на Днепре: Тип. Губ. Правл., 1884. – 1014 с.
43. Опыт описания Могилёвской губернии. Кн. 3. – Могилёв на Днепре: Тип. Губ. Правл., 1884. – 329 с.
44. Памятная книга по отчёту за 1853 год по Могилёвской губернии. – Могилёв: Тип. Х. Элияшберга, 1854. – 123 л.
45. Памятная книжка Могилёвской губернии, на 1861 год, изданная Могилёвским губернским правлением. – Могилёв: в Тип. Губ. Правл., 1861. – 465 с.
46. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Клімавіцкага раёна. – Мінск: Выд-ва «Універсітэцкае», 1995. – 645 с.
47. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Быхаўскага раёна / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. // Беларус. сав. энцыкл. – Мінск: БелСЭ, 1990. – 574 с.
48. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Чэрыкаўскага раёна / гал. рэд. У.І. Лемяшонак. – Мінск: Выш. шк., 1994. – 660 с.
49. Памяць: Орша і Аршанскі раён: гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі: у 2 кн. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1999. – Кн. 1. – 384 с.
50. Памяць: Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Магілёва / Беларус. энцыкл.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; Маст.: Э.Э. Жакевіч [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1998. – 496 с.
51. Памяць: Чавускі раён: гісторыка-дакументальная хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал.: А.Н. Вінкевіч і інш. – Мінск, Ураджай, 2001. – 686 с.
52. Распределение сумм свечного сбора, следующих с еврейских обществ за первую половину 1858 г. // Журнал М-ва Внутр. Дел. –1858, ч. XXX, кн. 5, отд. 1. – С. 163–169.
53. Романовский, Н.Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии: вторая пол. XVIII – первая пол. XIX века / Н.Т. Романовский; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1966. – 425 с.
54. Рябков, А. Белорусы и поляки в войне 1812 г. / А. Рябков // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X–XX стст.: матэрыялы міжнар. круглага стала, Гродна, 28–30 верас. 1999 г.; адк. рэд. і уклад. Д. Караў. – Гродна: Б.в., 1999. – 276–280 с. – (Наш радавод; Кн. 8).
55. Самусік, А.Ф. Стан асветы Магілёва ў 1820-я – пач. 1830-х гадоў / А.Ф. Самусік // Шляхі Магілёўскай гісторыі: зб. навук. прац удзельнікаў IV міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць»; уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў: Обл. укрупн. тип., 2005. – С. 131–135.
56. Сардаров, А.С. История и архитектура дорог Белоруссии / А.С. Сардаров. – Минск: Выш. шк., 1978. – 150 с.
57. Сборник материалов для истории просвещения в России, извл. из архива М-ва нар. просвещения, 1893. – Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа, 1783–1803; введ. И. Корнилова. – LX с., 896.
58. Сборник материалов для истории просвещения в России, извл. из архива М-ва нар. просвещения, 1897. – Т. 2: Учебные заведения в западных губерниях, 1802–1804; введ. И. Корнилова. – XCVI с.

59. Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива М-ва нар. просвещения, 1898. – Т. 3: Учебные заведения в западных губерниях, 1805–1807 / предисл. О. Крыжановского; вступ. сл. И. Корнилова. – XXXVII с.
60. Севергин, В.М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802–1803 гг. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1803. – Ч. 1. – 168 с.
61. Севергин, В.М. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802–1803 гг. Ч. 2. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1804. – 224 с.
62. Соркіна, І.В. Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай пал. XIX ст. / І.В. Соркіна; навук. рэд. З.В. Шыбека: Еўрапейскі гуманіт. ун-т, 2010. – Вільня. – 487 с.
63. Статистические сведения о народонаселении некоторых южнорусских и западнорусских губерний по племенам и вероисповеданиям за 1860 г. // Вестн. Юго-Западной и Западной России. – 1862. – Год первый. Т. 1. Июль, отд. IV. – С. 55–56.
64. Статистическое описание Могилёвской губернии в лесном её отношении за 1844 год // Могилёвские губ. ведомости. Отд. II. Часть неофиц. к № 51. –1848. – С. 905–908.
65. Статистическое описание Могилёвской губернии в лесном её отношении за 1844 год // Могилёвские губернские ведомости. Отд. II. Часть неофиц. к № 50. – 1848. – С. 891–895.
66. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в.: в контексте Центр.-Вост. Европы / П.В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 221 с.
67. Токць, С.М. Дзяржаўны апарат царызму ў Беларусі ў 30–60-х гг. XIX ст. (структура, функцыі, чыноўніцкі корпус): аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / С.М. Токць; АН Буларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1997. – 21 с.
68. Церашковіч, П. Палякі і нацыянальная палітыка расійскай адміністрацыі на Беларусі ў другой палове XIX ст. / П. Церашковіч // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X–XX ст.: матэрыялы міжнар. круглага стала, Гродна, 28–30 верас. 1999 г.; адк. рэд. і уклад. Д. Караў. – Гродна: Б.в., 1999. – С. 354–357. – (Наш радавод; Кн. 8).
69. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии: дооктябрьский период: учеб. пособие по курсу «История архитектуры народов СССР» для архит. спец. вузов и для худож. ин-тов / В.А. Чантурия. – Минск: Выш. шк., 1969. – 262 с.
70. Чарняўская, Т.І. Архітэктура Магілёва: з гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т.І. Чарняўская; рэд. У.А. Чантурыя; Акад. навук Беларускай ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – 92 с.
71. Чепко, В.В. Города Белоруссии в первой половине XIX века: экономическое развитие / В.В. Чепко. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1981. – 142 с.
72. Швед, В.В. Торговля в Беларуси в период кризиса феодализма (1830–1850-е гг.) / В.В. Швед. – Гродно: ПКФ «Орбикс», 1995. – 135 с.
73. Шелкопляс, В.А. Судебные органы в Беларуси: Конец XVIII – первая половина XIX в.: учеб. пособие / В.А. Шелкопляс; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1997. – 63 с.
74. Эркерт, Р.Ф. Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1863. – 6 л.
75. Янсон, Ю.Э. Сравнительная статистика России и западноевропейских государств / Ю.Э. Янсон. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1878. – Т. 1: Территория и население. – 388 с.

Поступила 28.05.2014

THE HISTORY OF EXPLORING CITIES OF MOGILEV PROVINCE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

E. MAZUR

In the article the main stages of exploring cities of Mogilev Province of the first half of the XIX century are considered. In exploring cities of Mogilev Province three main stages can be divided. The first one is from the beginning of the XIX century until 1917, the second one is from 1918 to 1991, and the third – from 1991 to the present day. The main issues in the study of cities have been its socio-economic development, and only a small part of the author have examined the problems associated with the development of culture. However, since the XIX century to the present day specialized studies on the integration of cities of Mogilev Province in the socio-cultural and economic space of the Russian Empire in the first half of the XIX century haven't been conducted.

УДК [94(476):341.95]«18/19»

САСЛОЎНА-ПРАВАВОЕ СТАНОВІШЧА ЗАМЕЖНЫХ ПАДДАНЫХ У БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

А.С. ПОТРАСАВА
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Другая палова XIX – пачатак XX стагоддзя – перыяд актыўнага рэфармавання заканадаўства Расійскай імперыі, якое датычылася правоў замежнікаў. Даследуецца прававое становішча іншаземцаў, яно магло адрознівацца ў залежнасці ад маёмаснага стану, паходжання, веравызнання, нацыянальнасці, мэты прыезду. Асноўнымі катэгорыямі замежных падданых у беларускіх губернях згодна з заканадаўствам былі замежныя дваране, духавенства, каланісты, рамеснікі, купцы і яўрэі. Разглядаюцца магчымасці набыцця расійскага падданства і выхаду з яго. Адным з шляхоў набыцця падданства з'яўляецца натуралізацыя, якую падзяляюць на звычайную і надзвычайную. Дзяржава імкнулася максімальна ўраўнаваць прававы статус іншаземцаў са становішчам рускіх падданых. Палітыка ў адносінах да замежных падданных у беларускіх губернях у другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя насіла агульнаімперскі характар з некаторымі абмежаваннямі ў правах валодання нерухомай маёмасцю.

Уводзіны. Найбольш поўнае ўключэнне чалавека ў грамадскае жыцце і валоданне ім усім спектрам правоў, абавязкаў і адказнасцю адбываецца толькі пры наяўнасці ў яго грамадзянства той дзяржавы, у якой ён знаходзіцца. Грамадзянства адлюстроўвае сувязь чалавека і дзяржавы. Аднак на тэрыторыі дзяржавы могуць пражываць таксама іншаземцы, якіх раней называлі замежнымі падданымі. У заканадаўстве Расійскай імперыі замест інстытута грамадзянства існаваў інстытут падданства, які вызначаў прававы статус чалавека. Як сцвярджае І. Шаура, інстытут грамадзянства ў Расійскай дзяржаве з'явіўся толькі ў 1917 годзе [1, с. 5]. Замежнікамі прызнаваліся падданыя іншых краін, якія не ўступілі ва ўстаноўленым парадку ў падданства Расіі. Ім загадвалася падпарадкоўвацца мясцовай уладзе і мясцовым законам, але ў сваю чаргу яны набывалі правы і гарантыі з боку расійскага заканадаўства і карысталіся абаронай паліцэйскіх і судовых устаноў [2, с. 1].

У апошняе дзесяцігоддзе ў Беларусі праводзіцца палітыка прыцягнення працаздольных мігрантаў для працы па менш запатрабаваных спецыяльнасцях, асабліва ў сельскія раёны, паступова павялічваецца колькасць замежнікаў, якія атрымалі від на жыхарства. Пражыванне іншаземцаў на тэрыторыі Беларусі мае шматвяковую гісторыю. Вялікую цікавасць для даследавання праблем міграцыі на сённяшні дзень уяўляюць пытанні, якія датычацца прысутнасці замежных падданых у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці беларускіх губерняў у другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя. Гістарыяграфія даследавання дазваляе падкрэсліць павышаную ўвагу расійскіх навукоўцаў да высвятлення пытанняў прававога статусу замежнікаў. Да цяперашняга часу маецца шэраг прац, у якіх разглядаюцца асаблівасці ўезду, знаходжання, а ў большай ступені грамадскай, эканамічнай дзейнасці замежнікаў як у агульнаімперскім, так і рэгіянальным маштабе. У айчыннай навуцы гэтая праблема не атрымала належнага асвятлення і з'яўляецца малавывучанай. Да гэтага часу не напісана праца, якая б ахапіла ўсю гісторыю знаходжання замежнікаў, аналіз іх жыцця і дзейнасці на беларускіх землях. Але некаторыя аспекты грамадскай дзейнасці замежнікаў знайшлі асвятленне ў працах А. Кіштымава [3–5], Н. Філюты [6], В. Урублеўскага [7], М. Ялінскай [8], С. Рындзіна [9]. Так, А. Кіштымаў асноўную ўвагу ў сваіх працах надае прадпрымальніцкай дзейнасці замежных падданых у XIX – пачатку XX стагоддзя. Асаблівую каштоўнасць уяўляе зборнік дакументаў «Замежныя падданыя ў Беларусі», выдадзены ў 2012 годзе Нацыянальным гістарычным архівам Беларусі. У гэтай працы змяшчаюцца архіўныя дакументы, якія адлюстроўваюць розныя аспекты жыцця і дзейнасці замежнікаў на тэрыторыі беларускіх губерняў з канца XVIII да пачатку XX стагоддзя [10].

Колькасны склад замежных падданых беларускіх губерняў у канцы XIX стагоддзя можна выявіць па наяўных статыстычных даных, атрыманых у выніку правядзення першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расіі ў 1897 годзе. Матэрыялы перапісу сведчаць, што ў пяці беларускіх губернях пражывала 13 468 чалавек, якія адносіліся да катэгорыі "замежныя падданыя". На першым месцы па колькасці пражывання замежнага насельніцтва стаяла Мінская губерня (5127 чал.), далей ішлі Гродзенская (4722 чал.), Віленская (1814 чал.), Віцебская (1098 чал.) губерні, найменшая колькасць замежнікаў пражывала на тэрыторыі Магілёўскай губерні (усяго толькі 707 чал.). Такім чынам, прадстаўнікі іншых дзяржаў ад агульнай колькасці наяўнага насельніцтва (8 518 347 чал.) складалі прыблізна 0,15 %. Сярод дзяржаў, падданыя якіх пражывалі ў беларускіх губернях, на першым месцы стаялі Германія, Аўстра-Венгрыя. Прыязджалі таксама грамадзяне Францыі, Швейцарыі, Бельгіі, Балгарыі, Вялікабрытаніі, Турцыі, Італіі, Іспаніі, Персіі і інш. Так, выхадцы з Аўстра-Венгрыі ў Мінскай губерні, паводле перапісу 1897 года, налічвалі 693 чалавекі, з іх 378 мужчын і 315 жанчын [11].

Размеркаванне насельніцтва па роднай мове, паводле перапісу, таксама дапамагае вызначыць колькасць замежнага насельніцтва, якое пражывала ў беларускіх губернях у канцы XIX стагоддзя. Аднак гэты паказчык дапамагае даследаваць толькі тэрытарыяльнае паходжанне замежніка і яго народнасць. Замежнікі, якія перайшлі ў падданства Расійскай імперыі, працягвалі карыстацца сваей роднай мовай. Так, дадзеныя перапісу сведчаць, што 27 311 чалавек назвалі нямецкую мову роднай. Носьбітаў чэшскай мовы налічвалася 868 чалавек. У Мінскай губерні, якая стаяла на першым месцы па колькасці чэшскага насельніцтва, пражывала 652 чалавекі. Чэшская народнасць складала 0,03 % ад усяго насельніцтва губерні. У сваю чаргу, нямецкае насельніцтва – 0,19 %. Менш за ўсе чэхаў пражывала ў Віцебскай губерні – усяго толькі 26 чалавек. Французскую мову сваей роднай мовай прызналі 524 чалавекі, англійскую – 74, турэцкую – 156, шведскую – 65, італьянскую – 25 чалавек [11].

Асноўная частка. Адным з важнейшых паказчыкаў прававога становішча замежнікаў з'яўляліся правілы ўезду і выезду з тэрыторыі дзяржавы. Пропуск асоб, якія перасякалі межы Расійскай імперыі, вырабляўся мытнымі ўстановамі або чынамі асобнага корпуса жандармаў. Права свабоднага ўезду і пражывання замежнікаў у заходніх губернях ажыццяўлялася на падставе агульнарасійскіх правіл, вызначанных Уставам аб пашпартах і Уставам мытным. Існавалі дзве катэгорыі неабходных дакументаў для пропуску замежнікаў на тэрыторыю Расійскай імперыі: першая – пашпарт расійскіх місій і консульстваў, якія знаходзяцца ў замежных дзяржавах, другая – засведчанны імі нацыянальны пашпарт. Пры адсутнасці дадзеных дакументаў замежнікі падлягалі высылцы [12, с. 60–61]. Для вяртання замежніка ў Расію не патрабавалася новага засведчання місій і консульстваў, калі ў пашпарце меўся надпіс аб выдачы асаблівага рускага віда на жыхарства. Пратэрмінаваным лічыўся нацыянальны пашпарт, пасля консульскай візы якога прайшло больш за 6 месяцаў. Віды на жыхарства і перамяшчэнне ў Расіі выдаваліся замежнікам тэрмінам на адзін год. Па заканчэнні гэтага тэрміну іншаземец абавязаны быў атрымаць новы пашпарт у губернатара той губерні, у якой ён знаходзіўся [2, с. 39–40].

Але згодна з артыкулам 219 Устава аб пашпартах існаваў спіс асоб, якіх не дапускалі да ўезду ў расійскія губерні: тыя, якім урад пайменна забараняў уезд на тэрыторыю дзяржавы; у дачыненні да якіх, па звестках пасольстваў, місій і консульстваў, меліся прычыны прызнаваць іх нядобранадзейнымі; езуіты, цыгане, катрыншчыкі, разносчыкі аптэчных матэрыялаў і гіпсавых фігур і наогул людзі валацужныя. У рускае падданства не маглі ўступаць: 1) замужнія іншаземкі асобна ад мужа, 2) яўрэі, 3) дэрвішы. Сярод замежных яўрэяў уезд у Расійскую імперыю дазваляўся тым, якія прыязджалі з мэтай ажыццяўлення працоўнай дзейнасці, у гэтым выпадку яны маглі быць прыняты нават у расійскае падданства [13, с. 60–61].

Рускае падданства набывалася рознымі шляхамі: нараджэннем ад рускіх падданых, натуралізацыяй (укараненне), а для іншаземак – шлюбам з рускім падданым. Адрозніваюць звычайную і надзвычайную натуралізацыю. Згодна з звычайнай натуралізацыяй, прыняццю падданства павінна было папярэднічаць «змяшчэнне» замежніка ў межах імперыі. Прашэнне аб «змяшчэнні» падавалася начальніку губерні, у якой іншаземец жадаў пасяліцца. Начальнік губерні выдаваў пасведчанне, якое служыла доказам пачатку яго знаходжання ў губерні. Па заканчэнні пяцігадовага тэрміну прашэнне аб прыняцці падданства падавалася ў Міністэрства ўнутраных спраў і павінна было змяшчаць указанне аб роду дзейнасці, якім жадаў займацца замежнік. Прыкладалася пасведчанне аб змяшчэнні, ладзе жыцця і акт стану просьбіта. Жонка прыпісвалася да стану свайго мужа. Ад замежніка мужчынскага полу патрабавалася пасведчанне аб праходжанні вайсковай павіннасці або вызваленні ад яе. Міністэрства магло задаволіць прашэнне або адмовіць у прыняцці падданства [10, с. 65–66]. Прыняцце падданства суправаджалася прысягай, якая вымаўлялася ў прысутнасці губернскага праўлення, духоўнай асобы таго веравызнання, да якога належыць іншаземец або старэйшы член праўлення.

Надзвычайная натуралізацыя прадугледжвала скарачэнне тэрміну папярэдняга змяшчэння, нават здзейсненае яго скасаванне. Для замежнікаў, якія аказалі Расіі асаблівыя паслугі або вядомыя выдатнымі талентамі, асаблівымі навуковымі ведамі, ці якія змясцілі значныя капіталы ў рускія прадпрыемствы, тэрмін папярэдняга змяшчэння мог быць скарочаны па меркаванні міністра ўнутраных спраў [10, с. 66]. Дзеці рускіх падданых, якія былі замужам за замежнікамі, але аўдавелых або разведзеных, і дзеці замежнікаў, якія нарадзіліся альбо пасяліліся і атрымалі выхаванне ў Расіі, ці якія нарадзіліся за мяжой, але навучаліся ў рускіх вышэйшых або сярэдніх навучальных установах, набывалі права прыняць прысягу на падданства Расіі, калі таго пажадаюць, ці паступіць на рускую службу на працягу года па дасягненні імі паўналецця. Калі яны прапускалі гэты тэрмін, то падпарадкоўваліся правілам звычайнай натуралізацыі. У любы час і без усялякага тэрміну маглі прымаць рускае падданства замежнікі, якія знаходзіліся на рускай службе [14, с. 13].

Замежнікі, прынятыя ў рускае падданства, набывалі ўсё правы і неслі ўсе абавязкі падданых у адпаведнасці з тым саслоўем, да якога яны залічваліся. Выхад з рускага падданства адбываўся ці сам сабой па праву, ці шляхам адмысловага звальнення. Само сабой спынялася падданства ў выпадку выхаду рускай падданай замуж за замежніка або ў выпадку аўдавення ці скасавання шлюбу. Такая былая руская падданая магла зноў вярнуцца ў ранейшае падданства з дапамогай простага пасведчання перад

мясцовым губернатарам аб спыненні шлюбу з замежнікам. Звальненне з рускага падданства здзяйснялася на падставе спецыяльнага дазвалення імператара, запрошанага міністрам унутраных спраў праз Савет міністраў. Самавольны пераход у замежнае падданства караўся. Дзеці замежных грамадзян, якія нарадзіліся да прыняцця прысягі, не прызнаваліся падданымі Расіі. Паўналетнія дзеці самі заяўлялі пра сваё жаданне ўступіць у падданства і вымавіць прысягу на ільготных умовах [10, с. 67].

Многія даследчыкі схіляюцца да думкі, што дзяржава імкнулася максімальна ўраўнаваць прававы статус іншаземцаў са становішчам рускіх падданых, аднак нярэдка адбываліся ўнутры- і знешнепалітычныя працэсы, якія ўплывалі на ўвядзенне абмежавальных мер у адносінах да іншаземцаў або пашырэнне іх удзелу ў розных сферах грамадскага жыцця. Расійскае заканадаўства не лічыла натуралізаваных замежнікаў «сапраўднымі» падданымі, такімі ж як і рускіх падданых па нараджэнню. У многіх крыніцах іншаземец так і называўся «іншаземец, які прыняў прысягу на падданства». Натуралізаваны іншаземец займаў прамежкавы стан паміж падданымі і замежнікамі. Так, У. Мікалаеў лічыў, што натуралізаваныя іншаземцы – гэта адна з катэгорый замежнікаў, прававы стан якіх адрозніваўся ад “прыродных” падданых [15, с. 54]. За імі прызнавалася права на бесперашкодны выезд на радзіму. Нярэдка здаралася, што іншаземец, які прыняў прысягу на падданства, знаходзіўся ў такім жа становішчы, як і непрысягнуты замежнік. Даследчык М. Каркуноў, наадварот, адзначаў, што расійскае заканадаўства добразычліва ставілася да пытанняў ураўнавання правоў замежнікаў і расійскіх падданых, забяспечвала першым шэраг палітычных правоў: удзел у дзяржаўнай службе па вучэбным ведамствам, саслоўныя правы [16].

Менавіта да сярэдзіны XIX стагоддзя праходзіла сістэматызацыя заканадаўства па замежным падданым. Прававы статус іншаземцаў мог адрознівацца ў залежнасці ад маемаснага стану, паходжання, веравызнання, нацыянальнасці, мэты прыезду. Кожная катэгорыя мела свае асаблівасці, якія датычыліся парадку ўступлення ў расійскае падданства, парадку знаходжання ў губернях, правоў і абавязкаў [12, с. 59]. Так, заканадаўства Расійскай імперыі вылучала наступныя катэгорыі замежных грамадзян: замежныя дваране, замежнае духавенства, замежныя каланісты, замежныя рамеснікі, замежныя купцы і замежныя яўрэі.

Замежнымі дваранамі па расійскаму заканадаўству прызнаваліся «дваране, у ліку якіх павінны разумецца шляхціцы, падданыя іншых дзяржаў, калі яны пацвердзяць сваё дваранства». Доказам стану служылі дыпломы і пасведчанні, выдадзеныя замежнымі ўрадамі [13, с. 291]. Замежнікаў, якія прысягнулі на падданства Расіі і прасілі аб прыняцці іх у расійскае дваранства згодна з дыпломам сваіх краін, залічвалі да дваранства на падставе заслуг, аказаных расійскаму ўладару і дзяржаве, або пасля дасягнення чыноў, пры якіх гэта званне прысвойвалася карэнным падданым. Пры гэтым замежнікі, дасягнуўшыя на расійскай службе чын, які прыносіць спадчыннае дваранства, але яшчэ не прысягнуўшыя на падданства Расіі, не маглі быць ні самі, ні іх нашчадкі зацверджаны ў дваранскай годнасці, пакуль не прымуць прысягі на падданства Расіі [2, с. 2–3]. Так, паводле перапісу 1897 года ў Мінскай губерні было зарэгістравана 99 патомных і 16 асабістых замежных дваран [11]. Замежных дваран, якія мелі дакументы аб сваім паходжанні і прысягнулі на падданства Расіі, дазвалялася спецыяльным рашэннем Кіраўнічага Сената прымаць на грамадзянскую службу з атрыманнем трэцяга разрада канцылярскіх служачых. Замежныя дваране ў выпадку злачынстваў не падвяргаліся цялесным пакаранням.

Прававое становішча замежных духоўных асоб рэгламентавалася Уставам замежных веравызнанняў. Замежнае духавенства рымска-каталіцкага веравызнання прымалася на службу ў манастыры, духоўныя і свецкія вучылішчы, яму дазвалялася ўдзельнічаць у ажыццяўленні рэлігійнага культу толькі з дазволу епархіяльнага кіраўніцтва і Міністэрства ўнутраных спраў. Напрыклад, займаць месца пастара і весці прапаведніцкую дзейнасць замежнікі маглі толькі на падставе пасведчання аб прыняцці падданства. Духоўныя асобы замежных веравызнанняў, запрошаныя па распараджэнні Міністэрства ўнутраных спраў на службу ў Расію, дапускаліся да прыняцця прысягі на падданства ў любы час [2, с. 4–5].

Яшчэ 7 ліпеня 1798 года ў Беларускае губернскае праўленне быў накіраваны Указ Кіраўнічага Сената аб парадку знаходжання ў губернях замежных гандляроў. Было загадана памежным губернатарам строга сачыць за ўсімі прыезджымі чужакамі: “кто из торгующих иностранцев, выехавших из России, или вовсе не бывших, пожелают в оную въехать, таковой должен снабдить себя двумя видами…: рекомендациею к какому-либо Российскому или Иностранному в России пребывающему торговому дому, или к кому-либо известному в торговле обращающемуся…, и свидетельством от одного из Министров Двора Нашего или котораго-либо из Наших Консулов” [10, с. 21]. Да канца XIX стагоддзя дзейнічала становішча, паводле якога замежнікі, якія жадаюць уступіць у Расіі ў першую купецкую гільдыю, павінны былі мець пасведчанне аб тым, што яны хрысціяне. Замежным рамеснікам было дазволена ўступаць у цэхі пасля зацвярджэння мясцовымі казеннымі палатамі. Яны абавязаны былі падаць пасведчанне ад цэха іншага горада або атэстат навучальнай установы.

Што датычыць замежных каланістаў, то сярод іх вылучаюць сельскіх працоўных і пасяленцаў. Яны запрашаліся ўрадам і мясцовымі памешчыкамі для заняткаў у сельскагаспадарчай вытворчасці, удасканалення прыёмаў апрацоўкі зямлі, развядзення новых культур і парод жывёл, для ўдзелу ў кіраванні ма-

ёнткамі і гаспадаркамі. Практыка запрашэння замежных каланістаў у расійскія губерні вядома ячшэ з часоў праўлення Пятра І і Кацярыны ІІ. Існавалі замежныя калоніі двух тыпаў: на казенных землях і на землях, якія замежнікі набылі ў маемасць. Правы замежных каланістаў рэгламентаваліся Уставам аб калоніях замежнікаў. Усім землеўласнікам 18 снежня 1861 года надавалася права наймаць замежных працоўных. Указ Сената ад 28 чэрвеня 1873 года дазваляў мінскаму губернатару В.Н. Токараву вызваліць чэшскіх пасяленцаў ад выплаты казённых мыт, калі тыя прынялі расійскае падданства і жадаюць набыць маёнткі ў памешчыкаў польскага паходжання [8, с. 72]. Нягледзячы на наяўныя прывілеі для замежнікаў, якія знаходзіліся ў Расіі, усталёўваліся абмежаванні ў правах на набыццё ва ўласнасць, валоданне або карыстанне маёмасцю. У адпаведнасці з Указам ад 14 сакавіка 1887 года ў Віленскай, Віцебскай, Мінскай, Гродзенскай губернях замежнікі не маглі набываць права ўласнасці на нерухомасць.

Асобы статус мелі паводле расійскага заканадаўства замежныя яўрэі. Па агульнаму правілу, займацца гандлёвай справай замежным яўрэям не дазвалялася. Аднак існаваў шэраг выключэнняў у адносінах да тых яўрэяў, хто быў “вядомы па свайму становішчу ў грамадстве і па вялікім гандлёвым абаротам”. Замежным яўрэям для таго, каб гандляваць у губернях імперыі, ствараць банкірскія канторы і наладжваць фабрыкі, а таксама набываць нерухомасць, неабходна было атрымаць адмысловы дазвол міністэрстваў фінансаў, унутраных і замежных спраў. Дадзеная катэгорыя мела магчымасць набываць і наймаць нерухомыя ненаселеныя маёнткі [3].

Заключэнне. У другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя ў беларускіх губернях Расійскай імперыі склаўся механізм прававога рэгулявання статусу замежных грамадзян. У заканадаўстве не існавала істотных адрозненняў у правах паміж замежнікамі і расійскімі падданымі. Аднак натуралізаваныя замежнікі не лічыліся «сапраўднымі» падданымі. Усе мерапрыемствы, якія праводзіліся заканадаўчай уладай і рэгламентавалі пражыванне замежных падданых у беларускіх губернях, насілі агульнарасійскі характар. Прававое становішча іншаземцаў адрознівалася ў залежнасці ад маёмаснага стану, роду заняткаў, веравызнання і мэты прыезду. Істотна абмяжоўваліся замежнікі, якія пражывалі ў заходніх губернях, у сферы маёмасных правоў, у свабодзе перамяшчэння. Былі арганізаваны меры па кантролю за перамяшчэннем іншаземцаў у губернях.

ЛІТАРАТУРА

1. Шауро, И.Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI – начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И.Г. Шауро. – М., 2013. – 27 с.
2. Мыш, М.И. Об иностранцах в России: сб. узаконений, трактатов и конвенций, с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями / М.И. Мыш. – СПб., 1888. – 561 с.
3. Киштымов, А.Л. Германские капиталы и немецкие предприниматели в экономике Беларуси XIX – начала XX в. / А.Л. Киштымов // Беларусіка – Albaruthenica. Кн. 7. Беларуска-нямецкае грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: гісторыя, сучаснасць, перспектывы; рэдкал.: Л. Кулажанка [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 13–21.
4. Киштымов, А.Л. Турецкие капиталы и турецкие предприниматели в экономике Минска начала XX века / А.Л. Киштымов // Беларусь – Турция: пути сотрудничества: материалы междунар.-науч. практ. конф., Минск, 8 дек. 2009 г. – Минск: Четыре четверти, 2010. – С. 92–97.
5. Кіштымаў, А.Л. Удзел замежных прадпрымальнікаў і фінансістаў у развіцці прамысловасці транспарту Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / А.Л. Кіштымаў // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі, 1999. – Мінск, 1999. – С. 57–63.
6. Филюта, Н.М. Чешский и словацкий этносы в истории Беларуси (XIX – начало XXI в.) / Н.М. Филюта // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф.; редкол.: Т.А. Новогродский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 219–223.
7. Урублеўскі, В.В. Род галандскіх дваран Гартынгаў на Беларусі / В.В. Урублеўскі // Архіварыус: зб. навуковых паведамленняў і артыкулаў. Вып. 7; рэдкал.: Ю.М. Бохан [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 258–266.
8. Елинская, М.М. Источники о дворянских родах западноевропейского происхождения в белорусских губерниях конца XVIII – начала XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук / М.М. Елинская. – Минск, 2005.
9. Рындин, С.Н. Этнические немцы на территории Беларуси в конце XIX – начале XXI века / С.Н. Рындин // Актуальные вопросы философии, истории и политологии: междунар. заочная науч.-практ. конф., Россия, Новосибирск, 28 янв. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/6236. – Дата доступа: 21.01.2014.
10. Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) / сост. И.Л. Вернер; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: Тип. Макарова и К°, 2012. – 528 с.

11. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб., 1905. – Табл. VIII. Распределение населения по сословиям и состояниям.
12. Тесленко, А.М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII – начало XX в.): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.М. Тесленко. – Екатеринбург, 2000. – 226 с.
13. Свод уставов о паспортах и беглых 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. XIV, № 10102.
14. Свод законов Российской Империи. Законы о состояниях Т. IX. – СПб.: Гос. тип., 1857. – 572 с.
15. Николаев, В.Б. Подданство Российской империи: его установление и прекращение: (историко-правовой анализ): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / В.Б. Николаев. – Нижний Новгород, 2008. – 205 с.
16. Коркунов Н.М. Русское государственное право: Введение и общая часть. Т. 1 / Н.М. Коркунов; под ред. и с доп.: З.Д. Авалов, М.Б. Горенберг, К.Н. Соколов. – 6-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 623 с.
17. Вишняков-Вишневецкий, К.К. Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства (1860-е гг. – 1914 г.): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / К.К. Вишняков-Вишневецкий. – СПб., 2005. – 509 с.
18. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права / А.Д. Градовский. – М., 1892. – Т. 1: О государственном устройстве. – 441 с.
19. Жукова, С.А. Иностранцы в Москве на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.А. Жукова. – М., 2012. – 30 с.
20. Позняк, Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. … канд. ист. наук / Т.З. Позняк. – Владивосток, 2001. – 30 с.
21. Позняк, Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.З. Позняк. – Владивосток, 2001. – 459 л.
22. Смирнов, С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX века: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.А. Смирнов. – Волгоград, 2002. – 164 л.
23. Таможенный устав 1857 г. // Свод законов Российской империи. – СПб. – Т. 6: Уставы таможенные 1857.
24. Тесленко, А.М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII – начало XX в.): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.М. Тесленко. – Екатеринбург, 2000. – 226 с.
25. Устав о паспортах: [Внесены узаконения, обнар. по 31 дек. 1903 г.]. – СПб.: Гос. тип., 1903. – 126 с. – (Свод законов Российской империи. – Т. 14).

Паступіў 24.06.2014

LEGAL STATUS OF FOREIGN SUBJECTS IN BELARUSIAN PROVINCE IN SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

A. POTRASAVA

The second half of XIX – the beginning of the twentieth century – the period of active reform in the legislation of the Russian Empire, which concerned the rights of foreigners. In the article the legal status of foreigners is investigated. It can vary depending on the property status, ancestry, religion, nationality, purpose of visit. The main categories of foreign nationals in the Belarusian provinces under the law were foreign nobles, clergy, colonists, artisans, merchants and Jews. The possibilities to purchase Russian citizenship and to exit from it are considered. One way of acquiring citizenship is the naturalization, which is divided into ordinary and extraordinary. The state strives to equalize the legal status of foreigners with the position of Russian citizens. Policy towards foreign nationals in the Belarusian provinces in the second half of XIX – the beginning of the XX century wore empire-wide character with some restrictions on the right of ownership fixed assets.

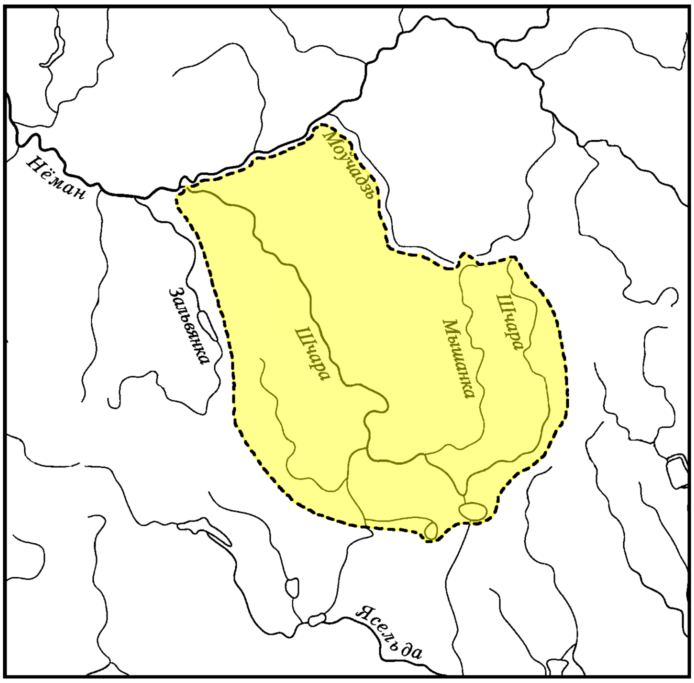
УДК 903/904(476.6)

З ГІСТОРЫІ ВЫВУЧЭННЯ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ПОМНІКАЎ БАСЕЙНА РАКІ ШЧАРЫ

А.М. МАКСІМОВІЧ
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)

Даследуецца гісторыя археалагічных помнікаў эпохі Сярэднявечча на тэрыторыі басейна ракі Шчары. Вылучаны чатыры этапы ў вывучэнні рэгіёна: канец XIX – пач. XX ст.; 1920–40-е гг.; 1950–70-е гг.; 1980-е – пач. XXI ст. У рамках кожнага з этапаў разгледжана дзейнасць асноўных даследнікаў (Ф.У. Пакроўскі, Ф.Д. Гурэвіч, Я.Г. Звяруга, У.Г. Супрун, А.У. Квяткоўская і інш.). Дана адзнака стану даследаванняў (наяўнасць складзенай крыніцазнаўчай базы, шэрагу гіпотэз аб этнічным складзе насельніцтва, эканамічным і культурным развіцці рэгіёна); складзена карта вядомых помнікаў (каля 160, з іх 9 даследавана раскопкамі); вызначаны актуальныя праблемы: праверка і ўдакладненне наяўных гіпотэз, даследаванне сістэмы рассялення, а таксама шляхі іх магчымага рашэння – археалагічнае даследаванне з прыцягненнем метадаў сумежных навук.

Басейн ракі Шчары – адзін з рэгіёнаў Панямоння. У прыродна-геаграфічным плане яму ўласціва пэўная арганічнасць, якую забяспечвае наяўнасць натуральных межаў: на поўначы – рака Нёман, на захадзе – рака Зальвянка, на ўсходзе – Моўчадзь, на поўдні – рака Ясельда (мал. 1). Гэта акалічнасць часам абумоўлівала адміністратыўны падзел дадзенай тэрыторыі, напрыклад, межы Слонімскага павета Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) праходзілі па лініі азначаных рэк [1, с. 340–341].

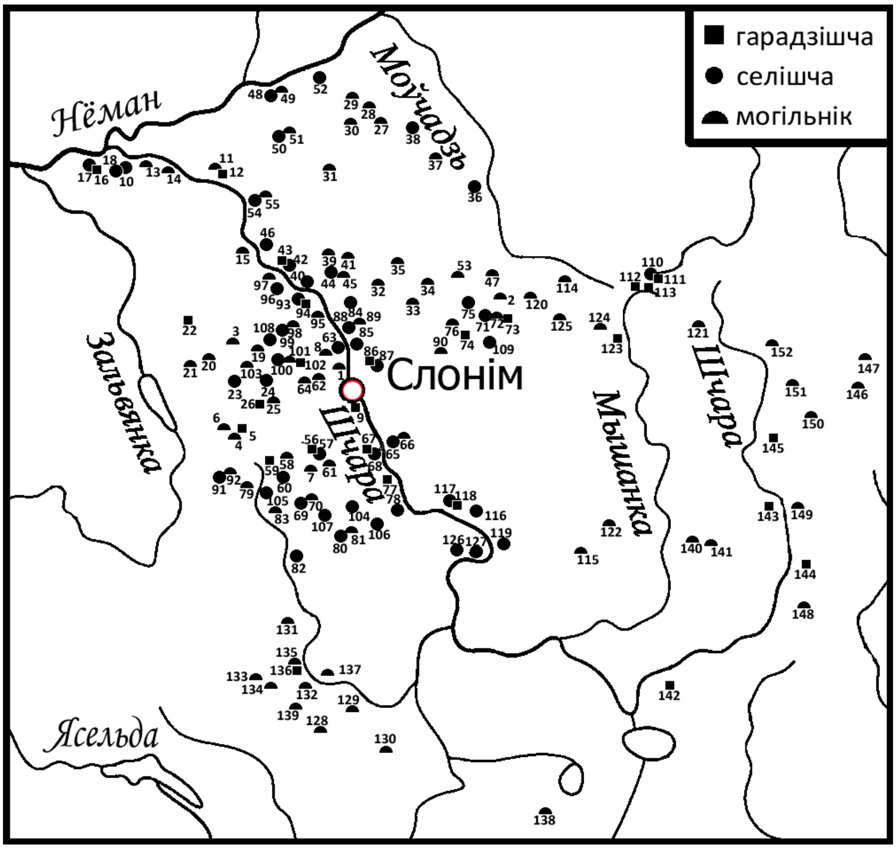


Мал. 1. Басейн ракі Шчары – тэрыторыя даследаванняў

У гісторыка-культурным аспекце тэрыторыя басейна ракі Шчары таксама ўяўляе вельмі цікавы рэгіён, які з’яўляўся часткай гэтак званай Чорнай Русі. Да XIII стагоддзя гэта зямля ўваходзіла ў склад Полацкага княства, а пазней – ВКЛ. Доўгі час за валоданне ёю спрачаліся літоўскія і галіцка-валынскія князі, і яе памежны характар, магчыма, знайшоў адлюстраванне ў назве галоўнага мясцовага горада Слоніма, найменне якога, па аднаму з меркаванняў, паходзіць ад слова “ўслон” – заслон, пэўнае засланяючае збудаванне. Значнасць гэтай тэрыторыі абумоўлена ракой Шчарай, якая злучае Палессе з Панямоннем і Прыбалтыкай [2, с. 28; 3, с. 6–7].

Вывучэнне помнікаў басейна ракі Шчары пачалося яшчэ ў XIX стагоддзі і звязана з дзейнасцю беларуска-польскага фалькларыста, этнографа і археолага М. Федароўскага, які праводзіў 1880-х гадах раскопкі ў наваколлях Слоніма. У 1881 годзе ім быў раскапаны курган пад Вішавам (мал. 2: *2*). У кургане было знойдзена каля дваццаці фрагментаў ганчарнай керамікі XI–XII стагоддзяў. Вынікі працы

М. Федароўскага былі апублікаваны ў 1882 годзе З. Глогерам [4; 5, с. 7; 6, с. 84]. Матэрыялы захоўваюцца ў зборах Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве (Польша) [7, с. 126].



Мал. 2. Помнікі басейна ракі Шчары:
гарадзішчы: 5 – Збочна, 9 – Слонім, 12 – Маскалі, 16 – Навасёлкі, 22 – Дзярэчын, 26 – Шулякі, 43 – Пархуты, 56 – Асабнякі, 59 – Мяльканавічы, 67 – Шылавічы, 73 – Высацк, 74 – Дзераўная, 77 – Жыровіцы, 87 – Талькаўшчына, 94 – Ніз, 102 – Ягнешчыцы, 111 – Гарадзішча, 112 – Станкевічы, 113 – Вялікае Сяло, 118 – Добры Бор, 123 – Старая Мыш, 136 – Косава, 142 – Свяціца, 143 – Вонькі, 144 – Гарадзішча, 145 – Ляхавічы;
селішчы: 10 – Каралі, 17 – Навасёлкі, 18 – Сінявічы, 23 – Дзешкавічы, 24 – Казловічы, 36 – Дварэц, 38 – Норцэвічы, 40 – Гарадкі, 42 – Пархуты, 44 – Салавічы, 46 – Чарлёнка, 48 – Дзямянаўцы, 50 – Накрышкі, 52 – Латышы, 54 – Вялікая Воля, 57 – Асабнякі, 60 – Пасінічы, 63 – Парэчча, 65 – Чапялева, 68 – Шылавічы, 69 – Рахавічы, 71 – Высацк, 75 – Кавалі, 78 – Русакова, 80 – Баравікі, 82 – Масілавічы, 84 – Мілошавічы, 85 – Міцькавічы, 86 – Талькаўшчына, 88 – Шундры, 91 – Юхнавічы, 93 – Ніз, 96 – Голі, 99 – Камлявічы, 100 – Ягнешчыцы, 104 – Глоўсевічы, 105 – Забулле, 106 – Залессе, 107 – Сурынка, 108 – Сянькоўшчына, 109 – Ісаевічы, 110 – Гарадзішча, 116 – Падгорная, 117 – Добры Бор, 119 – Колбавічы, 126 – Доўгае, 127 – Пагор'е;
могільнікі: 1 – Васілевічы, 2 – Вішава, 3 – Галынка, 4 – Збочна, 6 – Клепачы (воз. Бяздоннае), 7 – Орлавічы, 8 – Паўлавічы, 11 – Маскалі, 13 – Чарлёнка, 14 – Шчара, 15 – Дубраўка, 19 – Клімавічы, 20 – Пустаборы, 21 – Старое Сяло, 25 – Сынкавічы, 27 – Валоўнікі, 28 – Гернікі, 29 – Гнаінскія, 30 – Нагорнікі, 31 – Явар, 32 – Войневічы, 33 – Маркавічы, 34 – Пруд, 35 – Талявічы, 37 – Галаўлі, 39 – Казлоўшчына, 41 – Нянадавічы, 45 – Салавічы, 47 – Дукрава, 49 – Дзямянаўцы, 51 – Накрышкі, 53 – Студзераўшчына, 55 – Вялікая Воля, 58 – Какошчыцы, 61 – Сакалова, 62 – Ганькі, 64 – Хадзявічы, 66 – Чапялева, 70 – Рахавічы, 72 – Высацк, 76 – Піронім, 79 – Міжэвічы, 81 – Баравікі, 83 – Старадзевяткавічы, 89 – Шундры, 90 – Саковічы, 92 – Юхнавічы, 95 – Паўлавічы, 97 – Едначы, 98 – Камлявічы, 101 – Ягнешчыцы, 103 – Бярдовічы, 114 – Моўчадзь, 115 – Стрэлава, 120 – Серабрышча, 121 – Сталовічы, 122 – Уцес, 124 – Белалессе, 125 – Люшнева, 128 – Жытлін, 129 – Сярадава, 130 – Хадакі, 131 – Галік, 132 – Руда, 133 – Альшаніца, 134 – Бялавічы, 135 – Косава, 137 – Сенькавічы, 138 – Святая Воля, 139 – Гошчава, 140 – Завінне, 141 – Марынова, 146 – Гулічы, 147 – Яцкаўшчына, 148 – Куршынавічы, 149 – Мыслабаж, 150 – Перахрэсце, 151 – Падлессе, 152 – Навасёлкі

Заўвага: 1–9 – даследаваныя археалагічнымі раскопкамі.

Значныя археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Панямоння былі праведзены ў сувязі з падрыхтоўкай да IX археалагічнага з'езда, які адбыўся ў 1893 годзе ў Вільні. З'езду папярэднічала вялікая падрыхтоўчая праца. Была выпрацавана праграма вывучэння старажытнасцей Беларусі і Літвы, якая прадугледжвала праверку наяўных звестак аб археалагічных помніках рэгіёна (курганах, гарадзішчах), пошук і раскопкі новых помнікаў, стварэнне археалагічных карт і збор даных аб прыватных калекцыях, абагуль-

ненне атрыманых матэрыялаў. Для збора патрэбнай інфармацыі была створана спецыяльная анкета, якая павінна была рэгламентаваць апісанне археалагічных аб’ектаў падчас правядзення раскопак і разведак. Гэтая анкета была разаслана ў колькасці некалькіх тысяч экзэмпляраў прадстаўнікам мясцовых адміністрацый і статыстычных камітэтаў, а таксама настаўнікам, святарам і ляснічым [8, с. 6; 9, с. 11].

Актыўны ўдзел у падрыхтоўцы і правядзенні IX археалагічнага з’езда прымаў настаўнік Віленскай гімназіі і захавальнік Віленскага музея старажытнасцей Ф.В. Пакроўскі, які праводзіў даследаванні на беларуска-літоўскім памежжы [10, с. 163]. Падчас падрыхтоўкі да з’езда ён склаў падрабязную археалагічную карту Гродзенскай губерні [11], дзе абагульніў усю наяўную інфармацыю аб курганных і грунтовых могільніках, гарадзішчах, паселішчах, скарбах, асобных знаходках манет і культавых камянях, у тым ліку і старажытнасцях басейна ракі Шчары.

Археалагічную карту Гродзенскай губерні складаў да з’езда і Е.Р. Раманаў, але яна так і не была апублікавана [5, с. 9]. Пра курганы і гарадзішчы Слонімшчыны пісалі выкладчык Свіслацкай настаўніцкай семінарыі І.К. Шуліцкі [12, с. 60–65] і святар Я. Міхайлоўскі [13, с. 165–187]. Апошнім быў часткова раскапаны адзін з чатырох каменных курганоў каля гарадзішча Збочна (мал. 2: *4*). Ён жа часткова раскапаў курган каля вёскі Паўлавічы (мал. 2: *8*) [13, с. 166–167, 173], дзе ў 1962 годзе В. Сядоў даследаваў яшчэ адзін курган [14, с. 49–50]. Паведамляў Я. Міхайлоўскі пра курганны могільнік каля маёнтка Орлавічы (зараз паўночны край вёскі Новаорлавічы Слонімскага раёна) (мал. 2: *7*), курганы якога раскопвалі гаспадары маёнтка. Атрыманыя падчас гэтых раскопак матэрыялы былі перададзены ў Варшаўскі музей [13, с. 179].

Разам з Ф.В. Пакроўскім, І.К. Шуліцкім і Я. Міхайлоўскім археалагічныя помнікі тэрыторыі Панямоння на з’ездзе прадстаўляў В.А. Шукевіч. Свае даследаванні ён пачаў яшчэ ў 1880-я гады. Навукоўца цікавілі ў першую чаргу пахавальныя помнікі правабярэжжа верхняга і сярэдняга цячэння Нёмана. Вывучэннем могільнікаў, непасрэдна басейна ракі Шчары, В.А. Шукевіч не займаўся, але на падставе яго прац упершыню стала магчымым уявіць сабе эвалюцыю пахавальнага абраду на тэрыторыі Панямоння ад эпохі латэна да часу ўтварэння Вялікага Княства Літоўскага. Да таго ж В.А. Шукевіч першым узняў праблему даследавання летапіснай Чорнай Русі як гістарычнай з’явы, акцэнтуючы ўвагу на геаграфічным фактары яе засялення [8, с. 7–8; 5, с. 9; 15, с. 431].

Адначасова з В.А. Шукевічам іншы раз тыя ж самыя помнікі даследаваў Э.А. Вольтэр. Археалагічных раскопак ён амаль не праводзіў, але зрабіў апісанне прыватных калекцый З. Глогера, В.А. Шукевіча і М. Федароўскага [8, с. 7–8; 5, с. 9]. Больш вядомы як этнограф і антраполаг, Э.А. Вольтэр прысвяціў шэраг публікацый прусам і яцвягам Гродзенскай губерні [16, с. 1–9; 17, с. 151–160].

Віленскі археалагічны з’езд меў вялікае значэнне ў справе археалагічнага вывучэння не толькі тэрыторыі Панямоння, у тым ліку басейна ракі Шчары, але і тэрыторыі Беларусі ўвогуле. Распрацаваная інструкцыя па абследаванню і раскопкам помнікаў археалогіі рэгламентавала палявую працу даследчыкаў, што садзейнічала не толькі павелічэнню колькасці знаходак, але спрыяла сістэматызацыі і павелічэнню інфарматыўнасці атрыманых матэрыялаў. Навукоўцы праводзілі мэтанакіраваныя даследаванні, вынікі якіх у далейшым былі апублікаваны ў працах Віленскага аддзялення Маскоўскага падрыхтоўчага камітэта [18] і IX археалагічнага з’езда [19; 20].

Неабходна адзначыць, што ў вышэйзгаданых публікацыях разглядаліся пераважна помнікі пахавальнага тыпу, а іншыя іх катэгорыі, за невялікім выключэннем, засталіся па-за ўвагай даследчыкаў.

Такім чынам, на пачатак XX стагоддзя быў назапашаны пэўны фактычны матэрыял. Яго абагульніў у сваіх працах А.А. Спіцын, які займаўся вывучэннем, сістэматызацыяй і публікацыяй старажытнасцей Усходняй Еўропы [21, с. 311]. Спіцын зрабіў агляд помнікаў археалогіі Гродзенскай губерні [22, с. 294–297], у якім інфармацыя размяшчалася ў храналагічным парадку, з каменнага веку да Сярэдневечча. Таксама даследчык сістэматызаваў матэрыялы каменных магіл, якія лічыў пахавальнымі помнікамі Чорнай Русі [23, с. 303–310] і абагульніў усе назапашаныя даныя па археалагічных помніках Прыбалтыкі [24]. З матэрыялаў, якія датычацца басейна ракі Шчары, А.А. Спіцын у сваіх публікацыях узгадвае толькі даследаванні М. Федароўскага пад Слонімам, вынікі якіх былі апублікаваны З. Глогерам.

У 1920–1930-х гадах вывучэннем Панямоння займаліся польскія навукоўцы, супрацоўнікі мясцовых музеяў. Як і ў папярэдні час, даследаванне археалагічных помнікаў басейна Шчары было эпізадычным і не мела мэтанакіравана характару. Працягвалася вывучэнне пераважна пахавальных помнікаў. Так, пад Галынкай (сучасная в. Старая Галынка, Зельвенскі раён) Я. Фітцке былі раскапаны тры курганы (мал. 2: *3*) [7, с. 126]; Р. Якімовіч даследаваў тры курганы пад Орлавічамі (сучасная в. Новаорлавічы, Слонімскі раён) (мал. 2: *7*) [25, s. 214, 223; 7, с. 136–137; 26, s. 152–156]. Усе атрыманыя імі матэ-рыялы захоўваюцца ў зборах польскага Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве і на сённяшні дзень цалкам апублікаваныя [7; 26].

У гэты ж час польскія навукоўцы ўпершыню паставілі перад сабой мэту пошуку першапачатковых цэнтраў старажытных гарадоў. У месцы ўпадзення ракі Ісы ў Шчару спробу знайсці старажытны цэнтр горад Слоніма прадпрыняў заснавальнік гарадскога музея І.І. Стаброўскі [27, с. 112].

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны археалагічныя даследаванні ў рэгіёне спыняюцца. Здабыты за папярэднія гады матэрыял застаўся амаль неапублікаваным, а археалагічныя калекцыі былі разрозненыя і часткова загінулі разам з дакументацыяй раскопак.

Працы аднаўляюцца толькі ў 1950-х гадах. З 1955 года пачынае працу Славяна-Літоўскі атрад Прыбалтыйскай археолага-этнаграфічнай экспедыцыі пад кіраўніцтвам Ф.Д. Гурэвіч. Даследаваннямі былі ахоплены два берагі Нёмана, археалагічная карта папоўнілася новымі помнікамі [8, с. 11]. Атрыманыя матэрыялы дазволілі даследчыцы скласці меркаванне аб гаспадарцы, культуры і этнічным складзе насельніцтва Панямоння. Гэтай тэме Ф.Д. Гурэвіч прысвяціла сваю манаграфію «Древности Белорусского Понеманья» [8] і шэраг іншых публікацый [28], у якіх разам з іншымі помнікамі разглядае старажытнасці эпохі Сярэднявечча з тэрыторыі басейна ракі Шчары. Асаблівую ўвагу даследчыца надавала вывучэнню гарадоў Чорнай Русі, у тым ліку Слоніму. У сваіх працах Ф.Д. Гурэвіч разглядала пытанні, звязаныя з фарміраваннем гарадоў [29; 30; 31], іх эканамічным развіццём і знешнім гандлем [32; 33], жылымі і гаспадарчымі гарадскімі пабудовамі [34]. У 1955 годзе Ф.Д. Гурэвіч даследавала каменны курган каля вёскі Васілевічы (мал. 2: *1*) і каменную магілу каля вёскі Клепачы, на беразе возера Бяздоннае (мал. 2 :*6*) [8, с. 193; 14, с. 51–54].

Вывучэннем старажытнага Слоніма займаўся таксама Г.І. Пех. У 1946 годзе ў раёне горада ім былі знойдзены фрагменты рэчаў XII стагоддзя (шкляны бранзалет, кавалкі керамічнага посуду). У 1953 годзе ў месцы, дзе былі зроблены знаходкі, даследчык заклаў шурф, у якім выявіўся культурны пласт XII–XVII стагоддзяў [27, с. 112]. У 1959 годзе на тым самым месцы Г.І. Пех правёў раскопкі [35, с. 276–279].

Значны ўклад у археалагічнае вывучэнне тэрыторыі басейна ракі Шчары ўнёс В.Р. Супрун, які праводзіў свае даследаванні ў 1963–1970 гадах. За гэты час ён выявіў і апісаў каля 200 археалагічных помнікаў, сярод якіх селішчы, гарадзішчы, курганныя і бескурганныя могільнікі. Яго справаздачы аб палявых даследаваннях сталі асновай для складання археалагічных карт Гродзенскай і Брэсцкай абласцей [36, с. 332].

У 1966 годзе пачаў працу Верхненёманскі атрад Інстытута гісторыі АН БССР пад кіраўніцтвам Я.Г. Звяругі. Галоўнай мэтай было вывучэнне сярэднявечных гарадоў, селішчаў і курганных могільнікаў Панямоння [5, с. 12]. Вынікі шматгадовай працы Я.Г. Звяруга падсумаваў у манаграфіі «Верхнее Понеманье в IX–XIII вв.» [5], у якой паспрабаваў разгледзець старажытнасці балтаў і славян, прааналізаваць іх пахавальныя помнікі, гаспадарку, культуру і вераванні. Шэраг сваіх публікацый Я.Г. Звяруга прысвяціў Слоніму, які даследаваў у 1968 годзе [37; 38; 2]. У выніку археалагічных раскопак на тэрыторыі горада быў сабраны багаты археалагічны матэрыял, які з улікам працы, праведзенай раней Г.І. Пехам, дазволіў вывучыць рэшткі гарадской забудовы XII–XIII стагоддзяў і вырашыць пытанні планіроўкі дзядзінца старажытнага Слоніма.

З мэтай даследавання пластоў XIV–XVIII стагоддзяў у горадзе Слоніме былі праведзены раскопкі ў 1983 (кіраўнікі экспедыцыі Н. Здановіч, А. Краўцэвіч) і 1988 гадах (кіраўнікі І.У. Ганецкая, Н. Здановіч). Даследаванні паказалі, што познесярэднявечныя культурныя напластаванні існуюць у розных частках горада, акрамя таго, была пацверджана наяўнасць пасада XII–XIII стагоддзяў уздоўж левага берага ракі Шчары [27, с. 112; 39, с. 21–22].

З 1981 года даследаванне каменных могільнікаў, у тым ліку і на тэрыторыі басейна Шчары, пачынае А.В. Квяткоўская [14]. Даследчыца вывучала каменныя могільнікі, якія суадносіла з яцвяжскім і прускім насельніцтвам [40; 41]. Вынікі сваёй працы яна абагульніла ў манаграфіі «Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII в.) [42], у якой разгледзела пахавальны абрад, інвентар і храналогію могільнікаў, акрэсліла арэал іх распаўсюджвання. У 1982 годзе каля вёскі Клепачы, на беразе возера Бяздоннае, А.В. Квяткоўскай былі даследаваны адзін каменны курган і 66 каменных магіл (мал. 2: *6*) [14, с. 52, 54–56].

У 1990-х гадах даследаванні на тэрыторыі басейна ракі Шчары праводзіў С.А. Піваварчык. У 1995, 1997–1998 гадах з мэтай вывучэння абарончых канструкцый, удакладнення датыроўкі і функцыянальнага прызначэння ён даследаваў гарадзішча Збочна (мал. 2: *5*), на якое неаднаразова звярталі ўвагу Ф.Д. Гурэвіч, В.Р. Супрун, В.В. Сядоў, але грунтоўных раскопак не праводзілі [43; 44, с. 67–68].

Вынікам даследаванняў 1950–1980-х гадоў з’яўляецца таксама выхад шэрагу абагульняючых прац. Сярод іх археалагічныя карты і зборы помнікаў Ю.У. Кухарэнка [45], Г.В. Штыхава [46], Л.Д. Побаля [47], падрыхтаваны пры ўдзеле супрацоўнікаў аддзела археалогіі Інстытута гісторыі АН БССР «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» [48; 49], аглядныя працы па археалогіі [50; 51; 52 і інш.]. Аднак непасрэдна тэрыторыя басейна Шчары разглядаецца ў іх павярхоўна, як правіла, пры апісанні старажытнасцей Панямоння.

У апошнія дзесяцігоддзі басейн ракі Шчары амаль не вывучаецца археалагічна, але маюць месца тэарэтычныя даследаванні навукоўцаў, краязнаўцаў і супрацоўнікаў мясцовых музеяў. На базе Слонімскага раённага краязнаўчага музея праводзяцца навуковыя канферэнцыі. Па матэрыялах канферэнцыі 2002 года, прысвечанай 750-годдзю Слоніма, быў выдадзены зборнік навуковых артыкулаў [53].

Такім чынам, у гісторыі вывучэння тэрыторыі басейна ракі Шчары можна вылучыць некалькі этапаў:

1) канец XIX – пачатак XX стагоддзя. Пачатак этапа лагічна звязаць з часам падрыхтоўкі і правядзення IX археалагічнага з’езду ў Вільні. Ён характарызуецца высокім навукова-метадычным узроўнем

(распрацоўка адзінай сістэмы археалагічных даследаванняў) і павелічэннем аб'ёму палявых работ. У гэты час былі складзены археалагічныя карты, якія ахопліваюць амаль усё Панямонне. Даследаваліся пераважна пахавальныя помнікі. Даследаваннем менавіта тэрыторыі басейна ракі Шчары было нязначным;

2) 1920–40-я гады. У сувязі з тым, што Заходняя Беларусь да 1939 года знаходзілася ў складзе Польшчы, асаблівасцю другога этапа з'яўляецца вывучэнне разглядаемага рэгіёна толькі польскімі навукоўцамі. Як і ў папярэдні час, вывучаліся пераважна пахвальныя помнікі, разам з тым былі зроблены першыя спробы ў даследаванні гарадоў, у прыватнасці пошукі іх старажытных цэнтраў. Палявыя даследаванні на тэрыторыі басейна ракі Шчары, за невялікім выключэннем, не праводзіліся;

3) 1950–70-я гады. Трэці вылучаны этап адзначаны інтэнсіфікацыяй археалагічных даследаванняў у рэгіёне, якая звязана з даследчыцкай дзейнасцю Ф.Д. Гурэвіч, Г.І. Пеха, Я.Г. Звяругі, В.Р. Супруна. У гэты час разам з вывучэннем пахавальных помнікаў і гарадзішчаў пачалося шматбаковае даследаванне гарадоў і вясковых паселішчаў. Праводзілася абследаванне берагоў Шчары і яе прытокаў, але грунтоўныя раскопкі на мясцовых помніках, як і раней, заставаліся эпізадычнай з'явай;

4) 1980-я гады – пач. XX стагоддзя. Асаблівасцю чацвёртага этапа стала пашырэнне навуковых інтарэсаў: нараўне з вывучэннем раннесярэднявечных гарадоў, гарадзішчаў, селішчаў і курганоў пачынаецца мэтанакіраванае даследаванне матэрыялаў XIV–XVIII стагоддзяў. Сярод даследчыкаў гэтага часу трэба адзначыць А.В. Квяткоўскую, Н.І. Здановіч, І.У. Ганецкую, С.А. Піваварчыка.

На сённяшні дзень на тэрыторыі басейна ракі Шчары вядома каля 160 помнікаў археалогіі (гл. мал. 2), культурны слой якіх утрымлівае матэрыялы эпохі Сярэднявечча. Сярод іх прыкладна палову складаюць курганныя і бескурганныя могільнікі, другую палову – умацаваныя і неўмацаваныя паселішчы з суадносінамі апошніх 1:2 адпаведна. Раскопкамі была даследавана толькі невялікая частка з іх (табліца; мал. 2: *1–9*).

Помнікі басейна ракі Шчары, даследаваныя раскопкамі

№	Адміністрацыйная прыналежнасць	Тып помніка	Даследчык, час даследавання	Датыроўка помнікаў	Даследаваная плошча/раскапана пахаванняў
1	в. Васілевічы, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны могільнік	Ф.Д. Гурэвіч, 1955 г.	XVI (?) ст.	1 курган
2	в. Вішава, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны могільнік	М. Федароўскі, 1881 г.	XI – XII ст.	1 курган
3	в. Галынка, Зельвенскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны магільнік	Я. Фітцке, 1930-я гг.	?	3 курганы
4	в. Збочна, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны могільнік	Я. Міхайлоўскі, 1892 г.	XI – XII (?) ст.	1 курган
5	в. Збочна, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Гарадзішча	С.А. Піваварчык, 1995 г. С.А. Піваварчык, 1997 г.	XII – XIII ст.	прарэзка вала 36 $м^2$
6	в. Клепачы, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны і бескурганны могільнік	Ф.Д. Гурэвіч, 1955 г. А.В. Квяткоўская, 1982 г. А.В. Квяткоўская, 1982 г.	XVI ст. XIV – XVII ст. XII – XIII ст.	1 каменная магіла 66 каменных магіл 1 курган
7	в. Орлавічы, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны могільнік	Р. Якімовіч, 1927 г.	XI ст.	3 курганы
8	в. Паўлавічы, Слонімскі раён, Гродзенская вобл.	Курганны могільнік	Я. Міхайлоўскі, к. XIX ст. В. Сядоў, 1962 г.	?	1 курган 1 курган
9	г. Слонім	Горад	І.І. Стаброўскі, 1920–1930-я гг. Г.І. Пех, 1953 г. Г.І. Пех, 1959 г. Я.Г. Звяруга, 1968 г. Н. Здановіч, А. Краўцэвіч, 1983 г. І.У. Ганецкая, Н. Здановіч, 1988 г.	? XII – XVII ст. XI – XIII ст. XII – XIII ст. XII – XVII ст. XII – XVII ст.	? 8,4 $м^2$ 64 $м^2$ 168 $м^2$? ?

Заключэнне. Археалагічнае даследаванне басейна ракі Шчары вядзецца ўжо больш за сто год. За гэты час намаганнямі навукоўцаў і краязнаўцаў была выяўлена вялікая колькасць помнікаў, склалася пэўная крыніцазнаўчая база. Аналіз наяўнага матэрыялу дазволіў даследчыкам скласці шэраг меркаванняў аб эканамічным і культурным развіцці рэгіёна, этнічным складзе яго насельніцтва ў Сярэднявеччы. Але нягледзячы на праведзеную работу, вывучэнне археалагічных помнікаў басейна ракі Шчары застаецца актуальным. Прапанаваныя гіпотэзы патрабуюць праверкі і ўдакладнення, адказу чакаюць пытанні, якія датычацца забудовы і планіроўкі паселішчаў, а таксама агульнага характару сістэмы рассялення.

Для вырашэння акрэсленых праблем звычайнай апрацоўкі і сістэматызацыі наяўнага матэрыялу недастаткова. Патрабуецца распрацоўка і правядзенне дэтальнага археалагічнага даследавання рэгіёна, гэта значыць папярэднія даследаванні па ўсёй яго тэрыторыі з мэтай вызначэння межаў, удакладнення датыровак і культурна-храналагічнай ідэнтыфікацыі помнікаў, з далейшым правядзеннем стацыянарных раскопак на найбольш тыповых з іх, разам з прыцягненнем метадаў сумежных навук, такіх як гістарычная геаграфія і ландшафтазнаўства, глебазнаўства і палеаэкалогія.

ЛІТАРАТУРА

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – Т. 6. Кніга 1: Пузыны – Усая. – 591 с.
2. Звяруга, Я.Г. З гісторыі старажытнага Слоніма / Я.Г. Звяруга // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў / рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 28–38.
3. Чыгрын, С. Слонімскія падмуркі: гісторыка-краязнаўчыя і літаратуразнаўчыя артыкулы / С. Чыгрын. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 296 с.
4. Gloger, Z. Notatki archeologiczne Michała Fedorowskiego z okolic Slonima / Z. Gloger // Pameitnik fizyjograficzny. – Warszawa, 1882. – T. II. – S. 491–492.
5. Зверуго, Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я.Г. Зверуго; под ред. П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1989. – 208 с.
6. Звяруга, Я.Г. Насельніцтва Панямоння / Я.Г. Звяруга // Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: П.Ф. Лысенка (навук. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2000. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). – С. 84–108.
7. Поболь, Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л.Д. Поболь: под ред. Ю.В. Кухаренко. – Минск: Наука и техника, 1979. – 208 с.
8. Гуревич, Ф.Д. Древности Белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич; под ред. П.Н. Третьякова. – М.; Л.: АН СССР, 1962. – 222 с.
9. Вяргей, В. Археалагічнае вывучэнне Беларусі ў другой палове XIX ст. / В. Вяргей // Гістарычна-археалагічны зб. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 2006. – № 22. – С. 9–13.
10. Плавінскі, М.А. Пакроўскі Фёдар Васілевіч / М.А. Плавінскі // Археалогія Беларусі: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 163.
11. Покровский, Ф.В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф.В. Покровский. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1895. – 165 с.
12. Шулицкий, И.К. Археологические и историко-географические заметки / И.К. Шулицкий // Труды Виленского отделения Моск. предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1893. – Отдел I. – С. 60–65.
13. Михайловский, Е. Археологические очерки Слонимского уезда, Гродненской губернии / Е. Михайловский // Труды Виленского отделения Моск. предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1893. – Отдел II. – С. 165–187.
14. Квяткоўская, А.В. Пахавальныя помнікі пруса-яцвяжскага насельніцтва на Слонімшчыне / А.В. Квяткоўская // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў / рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 49–61.
15. Каханоўскі, Г.А. Шукевіч Вандалін Аляксандравіч / Г.А. Каханоўскі // Археалогія Беларусі: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 431.
16. Вольтер, Э.А. К вопросу о ятвягах / Э.А. Вольтер // Ежегодник русского антропологического общества при Императорском Санкт-Петербургском Университете; под ред. Б.Ф. Адлера. – СПб.: Тип. Э. Арнгольда, 1908. – Т. 3. – С. 1–9.
17. Вольтер, Э.А. Следы древних Прусов и их языка в Гродненской губернии / Э.А. Вольтер // Изв. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук / под ред. А.А. Шахматова. – СПб.: [б. и.], 1911. – Т. XVI. Кн. 4. – С. 151–160.
18. Труды Виленского отделения Моск. предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1893.

19. Труды IX Археологического съезда в Вильне / под ред. П.С. Уваровой [и др.]. – М.: [б. и.], 1895. – Т. 1. – 349 с.
20. Труды IX Археологического съезда в Вильне / под ред. П.С. Уваровой [и др.]. – М.: [б. и.], 1897. – Т. 2. – 328 с.
21. Плавінскі, М.А. Спіцын Аляксандр Андрэевіч / М.А. Плавінскі // Археалогія Беларусі: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 311.
22. Спицын, А.А. Гродненская губерния / А.А. Спицын // Записки Императорского Русского археологического общества. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. – Т. XI. Вып. 1–2: Труды отделения славянской и русской археологии. Кн. 4. – С. 294–297.
23. Спицын, А.А. Предполагаемые древности Черной Руси / А.А. Спицын // Записки Императорского Русского археологического общества. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1899. – Т. XI. Вып. 1–2: Труды Отделения славянской и русской археологии. Кн. 4. – С. 303–310.
24. Спицын, А.А. Литовские древности / А.А. Спицын // Tauta ir žodis. Kaunas: Valtybės Spaustuvė, 1925. – Kn. III: Epe Lituana. Lib. III. – С. 112–171.
25. Jakimowicz, R. Sprawozdanie z działalności Państwowego Muzeum Archeologicznego za rok 1927 / R. Jakimowicz // Wiadomości Archeologiczne. – W., 1935. – T. XIII.
26. Zabytki z okresu wpływow rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / pod red. A. Piotrowskiego. – W.: DEKA, 2005. – 264 s.
27. Ганецкая, І. Раскопкі старажытнага Слоніма / І. Ганецкая, Н. Здановіч // Гістарычна-археалагічны зб. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – № 10. – С. 112–128.
28. Гуревич, Ф.Д. Верхнее Понеманье в I тысячелетии и начале II тысячелетия нашей эры (по материалам Прибалтийской экспедиции 1955–1957 гг.) / Ф.Д. Гуревич // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии / АН СССР; редкол.: Т.С. Пассек (отв. ред.) [и др.]. – М., 1960. – Вып. 81. – С. 13–24.
29. Гуревич, Ф.Д. Древние города Понеманья и Южнорусские земли в конце X – XIII в. / Ф.Д. Гуревич // Средневековая Русь / АН СССР; редкол.: Д.С. Лихачев [и др.]. – М.: Наука, 1976. – С. 25–29.
30. Гуревич, Ф.Д. Древние города Белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич. – Минск: Полымя, 1982. – 48 с.
31. Гуревич, Ф.Д. О формировании городов Черной Руси по данным археологии / Ф.Д. Гуревич // Советская археология / АН СССР; редкол.: Б.А. Рыбаков (глав. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1983. – № 3. – С. 61–71.
32. Гуревич, Ф.Д. Внешние связи древнерусских городов Понеманья / Ф.Д. Гуревич // Краткие сообщения института археологии / АН СССР; редкол.: О.С. Гадзяцкая (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1982. – Вып. 171: Славяно-Русская археология. – С. 43–49.
33. Гуревич, Ф.Д. Связи древних городов Белоруссии с Причерноморьем и Средиземноморьем / Ф.Д. Гуревич // Древнерусское государство и славяне: материалы симпоз., посв. 1500-летию Киева / АН БССР; редкол.: Л.Д. Поболь [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 63–66.
34. Гуревич, Ф.Д. Жилые и хозяйственные постройки городов Черной Руси / Ф.Д. Гуревич // Краткие сообщения института археологии / АН СССР; редкол.: И.Т. Кругликова (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1989. – Вып. 195: Славяно-Русская археология. – С. 57–62.
35. Пех, Г.И. Раскопки древнего Слонима / Г.И. Пех // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий; под ред. В.Ф. Исаенко [и др.]. – Минск, 1966. – С. 276–279.
36. Вяргей, В.С. Супрун Васіль Рыгоравіч / В.С. Вяргей // Археалогія Беларусі: у 2-х т. – Мінск, 2011. – Т. 2. – С. 332.
37. Зверуго, Я.Г. Раскопки в Слониме / Я.Г. Зверуго // Археологические открытия 1968 года / АН СССР. – М.: Наука, 1969. – С. 350.
38. Зверуго, Я.Г. Археологические работы в Слониме / Я.Г. Зверуго // Беларускія старажытнасці: матэрыялы канф. па археалогіі БССР і сумежных тэрыторый; рэдкал.: Л.Д. Побаль [і інш.]. – Мінск, 1972. – С. 248–289.
39. Здановіч, Н.І. Раскопкі старажытнага Слоніма / Н.І. Здановіч // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 19–23.
40. Квятковская, А.В. Курганы ятвягов конца I – начала II тысячелетия н. э. (устройство и типология) / А.В. Квятковская // Гістарычна-археалагічны зборнік / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – № 10. – С. 58–61.
41. Квятковская, А.В. К вопросу о пруссах – переселенцах на территории Беларуси в средневековье / А.В. Квятковская // Гістарычна-археалагічны зб.; ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1997. – № 11. – С. 9–14.
42. Квятковская, А.В. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI – XVII в.) / А.В. Квятковская. – Vilnius: Diemedzio, 1998. – 327 с.

43. Пивоварчик, С.А. Домостроительство X–XIII вв. белорусского Понеманья (по материалам городищ) / С.А. Пивоварчик // Гістарычна-археалагічны зб. / ІГ НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – № 10. – С. 72–74.
44. Дабрыян, А.А. Гарадзішча Збочна – унікальны археалагічны помнік / А.А. Дабрыян, С.А. Піваварчык // Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Слонім, 2002. – С. 67–72.
45. Кухаренко, Ю.В. Средневековые памятники Полесья / Ю.В. Кухаренко // Свод археологических источников / АН СССР; под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1961. – 40 с. – (Е1-57).
46. Штыхов, Г.В. Археологическая карта Белоруссии / Г.В. Штыхов. – Минск: Полымя, 1971. – Вып. 2: Памятники железного века и эпохи феодализма. – 275 с.
47. Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л.Д. Поболь; под ред. М.А. Ткачева. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с.
48. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Брэсцкая вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1984. – 424 с.
49. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1986. – 371 с.
50. Очерки по археологии Белоруссии / АН БССР; под ред. Г.В. Штыхова [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1972. – Ч. II. – 248 с.
51. Белорусская археология: достижения археологов за годы Советской власти / В.Ф. Исаенко [и др.]; редкол.: Г.В. Штыхов (глав. ред.) [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1987. – 127 с.
52. Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: П.Ф. Лысенка (навук. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1997–2001. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я.Г. Звяруга [і інш.], 2000. – 554 с.
53. Слонімшчына вачыма навукоўцаў і краязнаўцаў: матэрыялы рэгіянальнай гісторыка-краязнаўчай канф., прысв. 750-годдзю горада Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краязнаўчага музея ім. І.І. Стаброўскага / склад. Д.С. Аляшкевіч; рэдкал.: І.П. Крэнь [і інш.]. – Слонім: Слонім. друк., 2002. – 392 с.

Пастуніў 06.05.2014

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS ON THE TERRITORY OF BASIN OF THE SHCHARA RIVER

A. MAKSIMOVICH

The article is devoted to the history of the research of Medieval archaeological monuments on the territory of basin of the Shchara river. Four stages in studying of the region are distinguished: 1) the end of XIX – the beginning of XX cent.; 2) 1920–1940s; 3) 1950–1970s; 4) 1980s – the beginning of XXI cent. Within the confines of each stage the activities of the leading researchers are reviewed (F.V. Pokrovskiy, F.D. Gurevich, J.G. Zverugo, V.G. Suprun, A.V. Kvyatkovskaya, etc.). The evaluation of the research state is given (availability of the source base, hypotheses about ethnic structure of the population, economic and cultural development of the region), the discovered monuments are mapped (about 160, 9 of them were investigated by excavations), actual problems (check and specification of the existing hypotheses, research of the settlement system) and its possible solutions are defined (archaeological research with attraction of the methods of interdisciplinary sciences).

УДК 392.1(476)“18/20”

ПАМІНАЛЬНАЯ АБРАДНАСЦЬ БЕЛАРУСАЎ ПАДЗВІННЯ Ў ВЕСНАВЫ ПЕРЫЯД (ПА ЭТНАГРАФІЧНЫХ МАТЭРЫЯЛАХ XIX – ПАЧАТКУ XXI СТАГОДДЗЯ)[1]

канд. гіст. навук У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

На аснове этнаграфічных матэрыялаў XIX – пачатку XXI стагоддзя разгледжана памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння ў веснавы перыяд. Прааналізаваны памінальныя традыцыі на Масленічныя і Вербныя Дзяды, велікодна-радаўніцкія і траецкія абрады ўшанавання продкаў. Дадзена характарыстыка варыянтам назваў абрадаў, выяўлены іх арэалы, разгледжаны парадак рытуальных дзеянняў, ахарактарызаваны сучасны стан абрадаў, выяўлены іх рэгіянальныя рысы і лакальныя адрозненні ў межах Падзвіння. Да этналагічнага вывучэння прыцягнуты новыя палявыя матэрыялы, частка якіх зафіксавана аўтарам. Вынікі даследавання будуць карыснымі як для вывучэння светапогляду і вераванняў беларусаў, так і для вырашэння праблем этнічнай гісторыі рэгіёна.

Уводзіны. Адной з важнейшых задач беларускай этналогіі з’яўляецца ўсебаковае вывучэнне рытуальных аспектаў жыццядзейнасці беларускага этнасу, у тым ліку пахавальна-памінальнай абраднасці. Яна з’яўляецца найбольш устойлівай і кансерватыўнай часткай культуры, а таму больш трывала захоўвае этнічную спецыфіку. Пахавальныя і памінальныя абрады надзвычай інфармацыйныя, вельмі важныя для вывучэння этнічных працэсаў. Яны дазваляюць выявіць узаемасувязі абрадавых комплексаў сямейнага і каляндарнага цыклаў на розных этапах развіцця этнасу. Даследаванне пахавальна-памінальнай абраднасці садзейнічае разуменню іншых праяў самабытнай духоўнай і матэрыяльнай культуры беларусаў.

Пахавальна-памінальная абраднасць беларусаў не з’яўляецца аднароднай на ўсёй тэрыторыі Беларусі. У розных рэгіёнах краіны гэта частка культуры мае свае асаблівасці, што робіць актуальным правядзенне спецыяльных арэальных этналагічных даследаванняў. Кожная лакальная традыцыя фарміруецца пад уздзеяннем шэрагу фактараў – прыродна-геаграфічных, гістарычных, дзяржаўна-палітычных, сацыяльна-эканамічных і інш. Немалаважную ролю сярод іх адыгрываюць уласна этнічныя працэсы. Вывучэнне лакальных комплексаў культуры і асобных яе кампанентаў дазваляе лепш зразумець асаблівасці этнічнай гісторыі ў канкрэтным рэгіёне. Улічваючы кансерватыўнасць пахавальна-памінальнай абраднасці, яна дае надзвычай важную інфармацыю для даследавання этнічных працэсаў на Падзвінні.

У артыкуле прадстаўлены аналіз памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ў веснавы перыяд, які з’яўляецца адным з найбольш адметных, багатых і разнастайных цыклаў народнага календара.

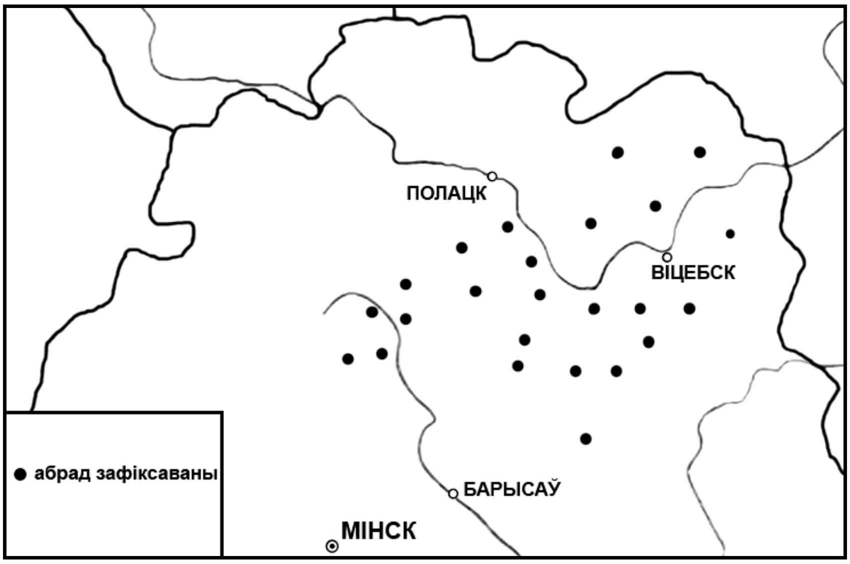
Асноўная частка. У даследчыкаў няма адзінага меркавання адносна пачатку і заканчэння веснавога цыкла каляндарных абрадаў у беларусаў. Найбольш аргументаванай выглядае версія А.С. Ліса, згодна з якой веснавы цыкл распачынаецца з Аўдакеі (Еўдакія), а заканчваецца Русальным тыднем. Пры гэтым даследчык адзначае, што абрадам веснавога цыкла папярэднічаў Масленічны тыдзень. Па сваёй скіраванасці Масленічная абраднасць можа быць аднесена да веснавога перыяду [1, с. 169, 170]. Версіі адносна суаднясення абрадаў на Масленіцу з веснавым цыклам прытрымліваюцца і іншыя даследчыкі [2, с. 11; 3, с. 70; 4, с. 24]. У такім выпадку памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння ў веснавы перыяд уключае Масленічныя Дзяды, велікодна-радаўніцкія і траецкія памінальныя абрады, а таксама традыцыі ўшанавання продкаў на Вербніцу.

Масленічныя Дзяды. Згодна з праваслаўным календаром, масленічнаму тыдню папярэднічае адна з «радзіцельскіх субот». У шэрагу частак Беларусі да яе прымеркавана спраўленне Дзядоў. Дадзеная памінальная традыцыя распаўсюджана на Падзвінні, Падняпроўі і Усходнім Палессі [5, с. 81, с. 82; 6, с. 179; 7, с. 65]. Яна спарадычна сустракаецца і на Міншчыне [8, с. 114]. На Брэсцкім Палессі і Панямонні Масленічныя Дзяды амаль не фіксуюцца [9, с. 82; 10, с. 27, 95]. На Падзвінні дадзеная памінальная традыцыя найбольш пашырана ва ўсходняй частцы рэгіёна (мал. 1). Яна спарадычна сустракаецца і ў цэнтральнай, вельмі рэдка на захадзе рэгіёна (за выключэннем Докшыччыны).

На Падзвінні Дзяды, якія адзначаюцца напярэдадні Масленіцы, маюць розныя назвы. Найбольш распаўсюджанымі з’яўляюцца назвы «*Масленічныя*», ці «*Масленыя*», Дзяды. У рэгіёне гэтыя Дзяды сустракаліся таксама пад назвай «*Мясаедныя*», а памінальная субота мела назву «*Тоўстай*» [11, с. 2; 7, с. 65]. Этнограф М. Анімеле адзначаў, што ў Лепельскім павеце гэтыя Дзяды былі вядомыя пад назвай «*Мясныя*»

[1] Артыкул падрыхтаваны ў ходзе працы па тэме «Традыцыйны культурна-моўны ландшафт беларуска-рускага (Віцебска-Смаленскага) памежжа XX – пачатку XXI ст: сімволіка фальклорных вобразаў, рытуальныя функцыі і іх камунікатыўныя рэпрэзентацыі» (Г14РП-003).

[45, с. 212]. У вёсцы Гняздзілава (сучасны Докшыцкі раён) яны мелі назву «*Мясніцы*» [12, с. 258]. Падобная назва і ў сучасны перыяд фіксуецца ў вёсцы Туркі Докшыцкага раёна: «*Дзяды тры разы: перад акцябарскімі – Дзмітраўскія, Асяніны, перад Велікодным постам Мясніцы і перад Тройцай*»[1].



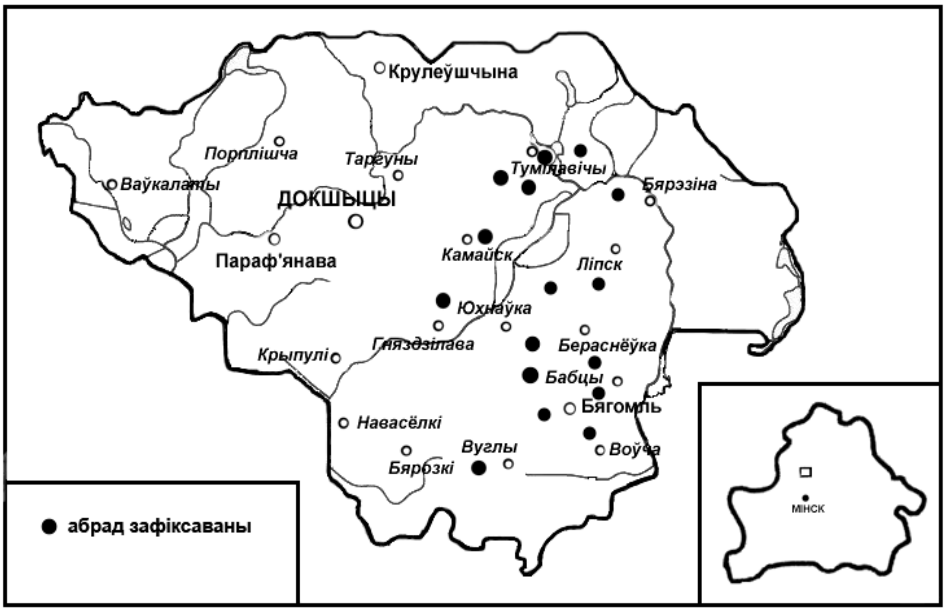
Мал. 1. Арэал абраду Масленічныя Дзяды на тэрыторыі Беларускага Падзвіння

Этнографы канца XIX – пачатку XX стагоддзя амаль не зафіксавалі на Падзвінні прынцыповых асаблівасцей у памінанні памерлых на Масленічныя Дзяды ў параўнанні з іншымі Дзядамі[2]. У вёсцы Гняздзілава (сучасны Докшыцкі раён) на гэта свята пасля вячэры ўся моладзь адпраўлялася ў шынкі на ігрышча [12, с. 258]. Спецыфічнай рысай Масленічных Дзядоў з'яўляецца прыгатаванне для памінальнай трапезы бліноў [7, с. 65]. Рэспандэнты паведамляюць таксама аб прыгатаванні «масленых» страў: «*Адзначалі Масляныя Дзяды – гатавалі ўсё масляное*»[3]. У шэрагу месцаў рэгіёна існавалі некаторыя асаблівасці ў асартыменце страў і парадку іх спажывання. Так, у вёсцы Рамашкава Талачынскага раёна быў наступны парадак: «*Масляныя, ці ня чэцьвера іх. Пякуць первы блін, эта ўсегда пакойніку. І такі канун робюць, мёду туды нямножка. А вечарам эты блін, што первы, нада ў гэту ваду пакрышыць. І браць ложкай. Первую ложку ўзяць і паліць пакойніку. На стол паліць і палажыць. Тады браць сабе ў рот. Тады апяць. На стол трошку і сабе ў рот. Тры разы так. – Не абязацельна так. Наша мама і звала: "Дзяды-прадзеды, хадзіця к нашаму столу, к нашаму паспеху, хлеба-солі прыяйце, нас ня скора ажыдайця". Возьмеш тарэлачку, паложаш яму на тарэлачку бліна, чаго яшчо і нясуць на кут пад іконы. А тады самі за стол садзімся. А тоя там стаіць. Усіх памянеш. Усе родненькія, хадзіця ... і завіця ўсіх, у каго німа. Усіх, усіх. Я і цяпер усіх памінаю, людцы добранькія, і сватоў, усіх, і па імю назаву, прыхадзіця ўсе*»[4]. У астатніх момантах памінальныя абрады на Масленічныя Дзяды, як сведчаць матэрыялы сучасных палявых даследаванняў, амаль не адрозніваюцца ад іншых Дзядоў.

У мясцовасці паблізу пасёлка Бягомль Докшыцкага раёна Дзяды напярэдадні Масленіцы атрымалі назву «*Буркаўскія*» [14, с. 55; 15, р. 29, 30–31, 36, 75–76 79]. На тэрыторыі мікрарэгіёна існуюць разыходжанні як у тлумачэнні тэрміна, так і адносна абрадавых дзеянняў падчас гэтых Дзядоў. У рэгіёне слова «буркаўкі» мае таксама значэнне свіных ножак, прыгатаваных для рытуальнага спажывання, выробленых з іх дзіцячых забавак, калі костачку надзявалі на нітку і расцягвалі, прычым утвараўся характэрны гук, зімовых вятроў і мяцеліцы або толькі каляднай завеі. Па інфармацыі мясцовага насельніцтва, гэтыя Дзяды спраўлялі амаль так, як і астатнія. Спецыфічнай абрадавай стравай на іх былі вараныя свіныя ногі [14, с. 55].

[1] Зап. Валодзінай Т.В., Гурскай Ю.А. у 2005 г. ад Міцько В.У., 1926 г. н., у в. Туркі Докшыцкага раёна.
[2] Падрабязны аналіз восеньскіх Дзядоў гл.: Аўсейчык, У.Я. Восеньскія Дзяды ў беларусаў Падзвіння: рэгіянальныя асаблівасці і лакальныя варыянты / У.Я. Аўсейчык // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманіт. навукі. – 2012. – № 9. – С. 35–44.
[3] Зап. экспедыцыяй ПДУ у 1996 г. ад Паўлоўскай В.Я., 1926 г. н., у в. Касмыры Чашніцкага раёна.
[4] Зап. Валодзінай Т.В. у 2007 г. ад Ляхновіч В.С., 1928 г. н., Масалковай Р.У., 1936 г. н., Владыка В.І., 1936 г.н., Васкрасенскай Ж., 1938 г. н., у в. Рамашкава Талочынскага раёна.

Вербныя Дзяды. У некаторых населеных пунктах Докшыцкага раёна зафіксавана традыцыя спраўлення Дзядоў напярэдадні Вербніцы (мал. 2). У жыхароў дадзенай мясцовасці гэтыя Дзяды лічыліся «поснымі», бо адбываліся ў час Вялікага посту (сямітыднёвы пост напярэдадні Вялікадня). Таму асартымент памінальных страў для абрадавай вячэры быў адпаведным: *«Вясной перад Пасхай за нядзелю Вербныя* [Дзяды – *У. А.*]. *Толькі посная ўсё варылі, з рыбы і з посным маслам»* (в. Краснікі Докшыцкага раёна) [15, р. 12]. На гэтыя Дзяды, як правіла, могілкі не наведвалі [15, р. 23].



Мал. 2. Арэал абраду Вербныя Дзяды на тэрыторыі Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці

На тэрыторыі распаўсюджання дадзенага абраду, а таксама ў некаторых іншых частках Падзвіння, зафіксавана спарадычнае наведванне могілак на Вербніцу [16, арк. 10; 17, арк. 20; 18, с. 77; 15, р. 23]. У некаторых месцах Падзвіння дадзеная традыцыя ўжо не сустракаецца, але пра яе яшчэ памятаюць рэспандэнты: *«Ну гэта раньшай насілі, раньшай і вербачку на кладбішча на первы дзень ішлі і вербачку насілі»*[1].У канцы XIX – пачатку XX стагоддзя традыцыя наведваць могілкі на Вербніцу і ўторкваць на магілах галінкі вярбы была распаўсюджана ў Віцебскім і Полацкім паветах. Гэта наведванне суправаджалася спецыяльнымі рытуальнымі дзеяннямі (тры разы сцябалі магілу вярбой і прамаўлялі характэрнае прывітанне) [11, с. 16–17]. Наведванне могілак з гэтай мэтай у Віцебскім павеце іншы раз адбывалася на Вялікдзень або Радаўніцу [19, с. 619]. Традыцыя адносіць галінкі вярбы на могілкі на Вербніцу зафіксавана і на Заходнім Палессі [20, с. 51, 52].

Велікодна-радаўніцкае памінанне памерлых. Сярод абрадаў ушанавання продкаў у веснавы перыяд асабліва важнае значэнне мае памінанне памерлых на Вялікдзень і Радаўніцу. Памінанне продкаў, з'яўляючыся неад'емным элементам веснавога сельскагаспадарчага культу ўсходніх славян, увайшло і ў масленічную абраднасць, але на Вялікдзень, асабліва ў наступную за велікодным тыднем, яно дасягнула сваёй кульмінацыі [2, с. 120]. Традыцыя наведвання могілак, прымеркаваная да Вялікадня, зафіксавана нават сярод беларускага каталіцкага насельніцтва рэгіёна [17, арк. 31; 21, арк. 6; 27, арк. 9; 23, арк. 13]. Праваслаўнае беларускае насельніцтва Падзвіння памінае продкаў у першы, радзей у другі, трэці і чацвёрты дні Вялікадня, а таксама на Радаўніцу, якая адзначаецца ў аўторак другога (Фаміногa) тыдня пасля яго. Памінанне памерлых у гэтыя святы (у адно або адначасова ў два) сярод праваслаўнага насельніцтва зафіксавана на ўсёй тэрыторыі Падзвіння.

У рэгіёне распаўсюджана памінанне памерлых на Вялікдзень. Нягледзячы на крайне негатыўнае стаўленне праваслаўнай царквы да памінання памерлых, прымеркаванае да Вялікадня, гэта традыцыя працягвае захоўвацца ў рэгіёне, што дадаткова сведчыць аб яе архаічных вытоках. На большай частцы Падзвіння памінаць памерлых прынята ў першы дзень Вялікадня. У залежнасці ад мясцовасці час памінання ў гэты дзень адрозніваўся. Так, у вёсцы Бабінавічы Лёзненскага раёна могілкі наведвалі адразу пасля ўсяночнай службы ў царкве, не заходзячыся дадому. У вёсцы Сялішча таго ж раёна на могілкі ад-

[1] Зап. аўтарам у 2009 г. ад Кавалевіч З.І., 1936 г. н., у в. Дзедзіна Докшыцкага раёна.

праўляліся ў першы дзень пасля разгавення [7, с. 99]. У вёсцы Баяры Докшыцкага раёна на могілкі ішлі таксама пасля ўсяночнай службы [15, р. 67], а ў вёсцы Дубраўка Докшыцкага раёна – пасля сняданку, у 10–11 гадзін раніцы [15, р. 143]. Падобныя разыходжанні ў часе наведвання могілак сустракаюцца ў розных частках Падзвіння. А як бачна з прыведзеных прыкладаў, яны характэрны нават для невялікіх тэрыторый.

Менш распаўсюджана на Падзвінні традыцыя памінаць памерлых на другі і трэці дзень Вялікадня. Памінанне памерлых у гэтыя дні спарадычна сустракаецца на тэрыторыі ўсяго рэгіёна. Даволі рэдкай для рэгіёна з'яўляецца традыцыя памінаць памерлых у чацвер Велікоднага тыдня, якая распаўсюджана на Палессі і Падняпроўі [24, с. 394; 6, с. 179; 10, с. 123]. У вёсцы Радзюкі Шаркаўшчынскага раёна ў гэты дзень могілкі наведвалі тыя, у каго памерлі родныя на працягу года, *«пасху ім неслі»* [7, с. 99]. Часам памінанне памерлых у гэты дзень не было звязана з наведваннем могілак. У сяле Махірова (сучасны Полацкі раён) памінальныя рытуалы спраўлялі ў чацвер Святога тыдня, які тут называўся «*Наўскім Скрысеннім*». У гэты дзень трэба было зварыць столькі белых яек, колькі ў сям'і было памерлых дзяцей, і з'есці іх на адкрытым месцы, каб дзеці з неба бачылі, што іх памятаюць [25, с. 244]. У сучасны перыяд памінанняў такога характару ў рэгіёне не выяўлена. У паўночнай частцы Падзвіння (Гарадоцкі, частка Верхнядзвінскага, Расонскі раён) памінанне памерлых, прымеркаванае да Вялікадня, не зафіксавана. У некаторых месцах яно нават лічыцца грахом [7, с. 99].

Наведванне могілак на Вялікдзень прадугледжвала «хрыстасаванне» з памерлымі, калі на магілу прыносілі фарбаванае велікоднае яйка, а таксама розныя стравы і гарэлку. На Падзвінні фіксуецца традыцыя, калі пасля пахавання яшчэ не прайшло году, то на магілу носяць не фарбаваныя, а белыя яйкі: *«А на Вялікання на магілкі хадзілі? – Хадзілі, закускі насілі, яйкі. – А якія яйкі? – Крашаныя. А ў каго памершы хто – белыя»*[1]. На Лёзненшчыне (вёскі Сялішча і Бабінавічы) да нашага часу захавалася даволі архаічная традыцыя «качаць» па магіле чырвоным велікодным яйкам [7, с. 99]. Пра існаванне такой асаблівасці ў Віцебскім і Барысаўскім паветах паведамляюць этнаграфічныя крыніцы канца XIX стагоддзя [19, с. 619, 622]. У сучасны перыяд на большай частцы рэгіёна дадзеная традыцыя сустракаецца вельмі рэдка. А выкананне такіх абрадавых дзеянняў для вяскоўцаў іншы раз служыць паказчыкам прыналежнасці да другой лакальнай традыцыі [15, р. 32]. У заходняй частцы рэгіёна на Вялікдзень распаўсюджана традыцыя спраўляць на могілках памінальныя трапезы. У некаторых месцах Докшыччыны такую трапезу ладзілі толькі ў тым выпадку, калі на працягу года ў сям'і быў нябожчык [26, арк. 45; 15, р. 132]. Звяртае на сябе ўвагу традыцыя засцілаць магілу спецыяльным абрусам ці ручніком у час велікоднага наведвання могілак: *«А вот што на кладбішчы? – Прыедзеш на кладбішча, ну як первы год памёр, тады засцелем скацер, закускі берыш і атліваеш, і прыглашаеш усіх саседзяў. – А яйкі ці нясуць на Вялікадня на кладбішча? – Нясуць. Кладуць»*[2]; *«Еслі первая Пасха, і родственнік умер, і первая Пасха, мы бяром і палаценца і пакрываем, і атліваем, і памінаем»*[3].

На Падзвінні распаўсюджана традыцыя памінаць памерлых на Радаўніцу. Пра гэта сведчаць этнаграфічныя крыніцы першай трэці XX стагоддзя і сучасныя палявыя матэрыялы. Шырокае распаўсюджанне ў рэгіёне радаўнічных памінанняў у немалой ступені абумоўлена афіцыйным памінальным статусам свята ў праваслаўнай царкве. У сучасны перыяд на Беларусі яе статус падмацоўваецца заканадаўча (Радаўніца – афіцыйны святочны дзень у краіне). Для ўсходняй і паўночнай частак Падзвіння радаўнічныя памінанні ў веснавы перыяд больш пашыраны, чым велікодныя. Радаўніца з'яўляецца галоўным веснавым памінальным абрадам на ўсёй усходняй частцы Беларусі [20, с. 86; 27, с. 77].

Згодна з традыцыяй наведванне могілак на Радаўніцу адбываецца ў сярэдзіне дня. Сярод беларусаў Падзвіння ў сучасны перыяд яшчэ бытуе прыказка адносна такога часу памінання памерлых: *«З раніцы пашуць, у абед плачуць, увечары пляшуць»*[4]. Для ўсходняй часткі Падзвіння ў гэты дзень характэрна спраўленне рытуальнай трапезы на могілках. Звесткі аб такой трапезе зафіксаваны ў Лёзненскім раёне [7, с. 100]. Памінальныя трапезы на могілках на Радаўніцу амаль адсутнічаюць на захадзе рэгіёна – у Пастаўскім, Мёрскім і Шаркаўшчынскім раёнах [7, с. 100], дзе яны прымеркаваны да Вялікадня. На Радаўніцу зафіксавана традыцыя прыносіць на могілкі велікодныя яйкі [7, с. 100]. Могілкі іншы раз наведваў святар і спраўляў там ліціі (малыя паніхіды) [19, с. 620].

Акрамя абрадавай трапезы на могілках, у этнаграфічных крыніцах спарадычна паведамляецца аб дамашніх памінальных застоллях, уключаных у комплекс абрадавых дзеянняў радаўнічнага памінання памерлых беларусамі Падзвіння. Аб гэтым сведчаць этнаграфічныя крыніцы XIX стагоддзя і су-

[1] Зап. аўтарам, Путронкам К., Шыпіла Н. у 2009 г. ад Падбярэзкі Л.М., 1934 г.н, Карніловіч К.І., 1933 г. н., у в. Дзедзіна Докшыцкага раёна.
[2] Зап. аўтарам у 2009 г. ад Плыгаўкі М.І., 1936 г. н., у в. Тумілавічы Докшыцкага раёна.
[3] Зап. экспедыцыяй ПДУ у 2009 ад Мікіневіч Л.М., 1926 г. н., у в. Дзедзіна Докшыцкага раёна.
[4] Зап. экспедыцыяй ПДУ ў 1996 г. ад Шыпулі Н.П., 1934 г. н., у в. Навасёлкі Бешанковіцкага раёна.

часныя матэрыялы. Пра такую памінальную трапезу на Радаўніцу згадваў М. Анімеле (*«снеданне па радзіцелях»*) [45, с. 214]. У Віцебскім павеце дома ладзілі памінальны абед на Радаўніцу, да якога гаспадыня гатавала юшку, клёцкі і куццю [19, с. 619]. У вёсцы Гняздзілава (сучасны Докшыцкі раён) на Радаўніцу па вяртанні дадому *«адбывалі Дзяды»*, як і ў Асяніны [12, с. 259]. На Пастаўшчыне (в. Васіліны) памінальная трапеза на Радаўніцу адбывалася ў хаце пасля наведвання могілак [28, с. 597]. Сучаснае вясковае насельніцтва Падзвіння таксама адзначае існаванне Дзядоў у гэты час: *«Дзяды на Тройцу бываюць, на Радаўніцу»* [15, р. 27]; *«Перад Тройцай Дзяды, перад Радаўніцай Дзяды, Дзядоў многа ёсць, не адны»* [15, р. 46]. У вёсцы Замасточча Докшыцкага раёна па вяртанні з могілак таксама адбывалася трапеза ў хаце, на якой, як і на Дзяды, «адкладалі» памерлым продкам: *«А ў Радаўніцу? – Гэткія сама Дзяды. Ідуць на кладбішча, А тады Дзяды правюць. Прыдзім з кладбішча, адкладаем дзядам»* [15, р. 29]. Аднак такія трапезы іншы раз адрозніваліся ад Дзядоў: «[на Дзяды – *У. А.*] *Стала не ўбіралі, і пакойнікам наліта стопачка. А на Радаўніцу стол убіралі, нічога на стале не астаўлялі»*[1]. Усё ж неабходна адзначыць, што традыцыя спраўляць Дзяды ў гэты перыяд не мае шырокага распаўсюджання. Больш пашыраным спосабам памінання на Вялікдзень і Радаўніцу з'яўляецца наведванне могілак, частаванне памерлых і ў некаторых лакальных варыянтах спраўленне там памінальнай трапезы. Пераважная большасць рэспандэнтаў усё ж не ўпамінае пра дадзеную традыцыю і нават супрацьпастаўляе рытуалы на Вялікдзень і Радаўніцу памінальным урачыстасцям на Дзяды: *«На Радуніцу дык гэта не адносіцца да дзядоў. А Радуніцу ідзеш на кладбішча к сваім пакойнікам. Нясуць, Богу молюцца»* [15, р. 43].

У рэгіёне зафіксавана наяўнасць на могілках у памінальныя дні веснавога перыяду (асабліва на Вялікдзень і Радаўніцу) старцаў (жабракоў). Уяўленне аб старцах-жабраках як медыятарах (пасрэдніках) паміж «гэтым» і «тым» светам (паміж жывымі і памерлымі) [46, с. 459] абумовіла іх уключэнне ў пахавальную і памінальную абраднасць беларусаў Падзвіння. Без жабракоў на Падзвінні не адбываліся ні адно пахаванне, ні адзін памінальны абрад. Традыцыя памінаць памерлых з удзелам старцаў была нават больш распаўсюджанай, чым памінанне ў храме [47, с. 87; 19, с. 507]. Да жабракоў звярталіся з просьбай памаліцца за памерлых, памянуць продкаў. За гэта іх адорвалі ежай, радзей – грашыма: *«Раньшэ хадзіла бабка, каторая ўмела маліцца. І яна вот прыходзіць, каждый от сваей магілачкі, завець к сваей, сваей і гэдак усё абходзіцца. І яна памалілася, забрала што там ей далі ад этага стала і ўсё»*[2]. Жабрачкі-жанчыны ўдзельнічалі ў адпяванні і пахаванні памерлых, некаторых з іх нават запрашалі апранаць нябожчыка і сядзець каля яго ноччу [47, с. 97]. Яшчэ ў першай палове XX стагоддзя на Падзвінні існавала традыцыя выпякаць да памінальных дзён невялічкія хлябцы (*«курцы», «курчыкі»*) па колькасці памерлых продкаў у сям'і і адорваць імі старцаў [41, арк. 37; 18, с. 77; 48, с. 118]. У другой палове XX стагоддзя ў сувязі з паляпшэннем дабрабыту насельніцтва гэтая сацыяльная група са сваёй спецыфічнай субкультурай знікае. У сувязі з гэтым знікае цэлы блок абрадавых дзеянняў і павер'яў, з імі звязаных. На магіле пакідалі таксама ежу і для іншай катэгорыі медыятараў са светам памерлых – птушкам: *«На магіле печэнне, канфеты ілі крупкі какіе пасыпаіш. – А крупкі можа для птіц? – Да. – А пачыму для птіц? – Ну, пцічка – эта штота неплахое, яна как бы памінаіць»*[3].

Траецкая памінальная абраднасць. Характэрнай асаблівасцю каляндарнай памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння з'яўляецца траецкі памінальны комплекс. У іншых частках краіны ён не такі распаўсюджаны. У сучасны перыяд памінкі, прымеркаваныя да гэтага свята, пашыраюцца на тэрыторыю ўсёй краіны, паколькі Тройца з'ўляецца афіцыйна дазволеным у праваслаўнай царкве днём памінання памерлых, а субота напярэдадні – адна з «усяленскіх радзіцельскіх субот». Нягледзячы на дадзены фактар, традыцыя спраўляць Дзяды напярэдадні Тройцы не стала такой распаўсюджанай, як траецкія наведванні могілак, і, у пераважнай ступені, захоўвае свой ранейшы арэал. Не маюць распаўсюджання Дзяды ў гэты перыяд на Міншчыне. У рэгіёне яны зафіксаваныя толькі ў некаторых раёнах [8, с. 165]. На Брэсцкім Палессі дадзеная традыцыя таксама не мела распаўсюджання [10, с. 142]. Амаль адсутнічае траецкае памінанне памерлых на Панямонні [9, с. 29]. Траецкія Дзяды спарадычна сустракаюцца на Усходнім Палессі [5, с. 82].

Дзяды ладзяцца ў суботу напярэдадні Тройцы. На Падзвінні існуе традыцыя перад Тройцай упрыгожваць хату *«маем»* – галінкамі дрэў, пераважна бярозавымі [7, с. 111; 15, р. 63, 76]. Напярэдадні траецкіх Дзядоў існавала таксама традыцыя мыцца ў лазні. У вёсцы Слабада Докшыцкага раёна было прынята мыцца ў лазні са «свежым» венікам: «*Ужо Радаўніца жывая ў панядзелак, а мёртвая аўторак. А тады ўжо да Траецкіх Дзядоў няма. Тут ужо свежым венікам з бярозы мыюцца*»[4].

На большай частцы Падзвіння наведванне могілак, прымеркаванае да Тройцы, традыцыйна адбывалася ў суботу напярэдадні свята [19, с. 628]. У Дынабургскім павеце толькі ў выпадку немагчымасці

---

[1] Зап. Валодзінай Т.В, Гурскай Ю.А. у 2005 г. ад Міцько В.У., 1926 г. н., у в. Туркі Докшыцкага раёна.
[2] Зап. экспедыцыяй ПДУ у 2009 г. ад Карніловіч В.В., 1950 г. н., у в. Дзедзіна Докшыцкага раёна.
[3] Зап. аўтарам, Чараўко В.У. у 2009 г. ад Кудрэц Н.М., 1936 г. н., у в. Луначарскае Верхнядзвінскага раёна.
[4] Зап. у 2006 г. ад Шпет Н.П., 1936 г. н., у в. Слабада Докшыцкага раёна.

наведаць аддаленыя магілы родных рабілі гэта ў тройцын дзень пасля абедні [19, с. 628]. Беларускае насельніцтва Расоншчыны ў сучасны перыяд наведвае могілкі ў першыя тры дні Тройцы [29, с. 544]. Варыятыўнасць, якая сустракаецца ў рэгіёне адносна часу наведвання могілак на Тройцу, у шэрагу выпадкаў абумоўлена часам іх наведвання святаром. Па прычыне немагчымасці аб'ехаць усе могілкі прыходу ў адзін дзень, святар рабіў гэта ў некалькі дзён. У гэтыя дні на могілкі прыходзілі і вяскоўцы. У сувязі з гэтым у вёсцы Тупічына Шумілінскага раёна на могілкі хадзілі на трэці дзень Тройцы [30, с. 205]. У вёсцы Васіліны Пастаўскага раёна па той жа прычыне могілкі наведвалі на трэці дзень Тройцы [28, с. 597].

Як сведчаць этнаграфічныя крыніцы, траецкія памінальныя абрады на могілках мала адрозніваліся ад радаўнічных [19, с. 628]. Асаблівасцю памінання на Тройцу з'яўляецца шырокае выкарыстанне ў рытуальных практыках зеляніны. Да свята імкнуліся ўпрыгожыць «маем» не толькі двары і хаты, але і магілы родных. У Дынабургскім павеце магілы родных прыбіралі не толькі «маем», але яшчэ аерам і кветкамі [19, с. 628]. У вёсцы Янкавічы Расонскага раёна ў час наведвання могілак на Тройцу існавалі даволі характэрныя абрадавыя дзеянні, звязаныя з бярозавымі галінамі: *«Прыходзіш на кладбішча і хрэсціш бярозай магілку, і гэту бярозку ўторкнеш на магілку»* [7, с. 110]. На Верхнядзвіншчыне жанчыны рабілі невялікія бярозавыя венікі і адпраўляліся прыбіраць імі могілкі на Тройцу [31, с. 301]. У вёсцы Сарокі Глыбоцкага раёна традыцыя прыносіць на магілу «май» была характэрна толькі на працягу першага года пасля смерці: *«А ці насілі на Сёмку бярозкі на магільнік? – Насілі, эта ў каго бліжы, тыя і занясуць. У хату насілі і на кладбішча, эта як хто свежа памёр. Яму насілі, а як старшыя магілы, то ўжо не»*[1].

У некаторых месцах Падзвіння на Тройцу ладзілі памінальную трапезу на могілках. Яна фіксуецца пераважна на поўначы рэгіёна, спарадычна сустракаецца і ў іншых яго частках. Для паўночнай часткі Падзвіння характэрнай асаблівасцю траецкага памінання на могілках з'яўляюцца яйкі, пафарбаваныя ў зялёны колер. На Тройцу гэтыя зялёныя «несвянцоныя» яйкі, у адрозненне ад велікодных, не качалі па магіле. Іх з'ядалі пасля малітвы і галашэння, за выключэннем аднаго, якое пакідалі на магіле для бедных [19, с. 628]. У Веліжскім павеце яйкі, пафарбаваныя ў зялёны колер, насілі на могілкі і ў іншыя памінальныя дні (асабліва ў «гадавіну» з дня смерці) [32, с. 222].

Сярод беларускага насельніцтва на Себежчыне зафіксавана традыцыя на Тройцу абмахваць (*«опахивать»*) магілы бярозавымі галінкамі. Для гэтага ламалі галіны бярозы і «сцябалі» імі магілы. У некаторых месцах Себежскага павета такі звычай называўся *«парыць старыкоў»* [33, с. 90]. Дадзеная традыцыя на Себежчыне захоўваецца і ў сучасны перыяд [34, с. 346].

У этнаграфічнай літаратуры Дзяды, якія спраўляюцца напярэдадні Тройцы, часам сустракаюцца пад назвай Стаўроўскія. Згодна з даследаваннямі аўтара і Ю.А. Гурскай абрад Стаўроўскія Дзяды ў сучасны перыяд на Докшыччыне (рэгіён распаўсюджання абраду) прымеркаваны не да Тройцы, а да Узвіжання (14/27.IX) [35, с. 118; 36, с. 76, 87].

Каляндарныя памінанні беларусаў каталіцкага веравызнання ў асноўным прымеркаваны да Дня Задушнага (2.XI). Аднак на Падзвінні зафіксаваны традыцыі памінаць памерлых таксама і ў веснавы перыяд. У католікаў Браслаўшчыны памінкі ладзяць таксама на Зялёныя Свёнткі (Сёмуху) [23, арк. 49; 272, с. 141]. На Пастаўшчыне і Глыбоччыне зафіксавана наведванне могілак на Вялікдзень [17, арк. 31; 21, арк. 6; 22, арк. 9]. Але трэба адзначыць, што ў найбольшай ступені традыцыя ўшанавання продкаў у веснавы перыяд уласцівая менавіта праваслаўнаму насельніцтву рэгіёна. Гэта тлумачыцца наяўнасцю «афіцыйных» (дазволеных царквой) памінальных дзён у структуры праваслаўнага календара, а таксама меншай рэгламентацыяй з боку праваслаўнай царквы.

Сучасны стан абраднасці. У структуры сучаснай памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння важнае месца па-ранейшаму займаюць каляндарныя памінкі ў веснавы перыяд. Асабліва гэта тычыцца памінання памерлых продкаў на Вялікдзень і Радаўніцу.

У заходняй і цэнтральнай частках Падзвіння распаўсюджана традыцыя ўшаноўваць памерлых продкаў на Вялікдзень. Неад'емным кампанентам памінальнай абраднасці ў гэты перыяд з'яўляецца наведванне могілак і «хрыстасаванне» з памерлымі, калі на магілу прыносяць велікоднае яйка [38, арк. 7; 16, арк. 19; 17, арк. 16].

Характэрнай рысай сучаснага стану велікоднай памінальнай абраднасці з'яўляецца спрашчэнне і рэдукцыя (знікненне шэрагу элементаў і абрадавых дзеянняў). У першую чаргу гэта тычыцца памінальнай трапезы, якую ладзілі ў час велікоднага наведвання могілак. Некаторыя яе элементы выпадаюць з абрадавых практык беларускага насельніцтва Падзвіння. Нават сама памінальная трапеза паступова знікае. На такую асаблівасць звяртаюць увагу рэспандэнты: *«Раньшэ неяк гэта была, як традыцыя, робілі. А цяпер ужо гэта робяць, еслі перад Пасхай памер родственнік наш, дык на первы дзень*

[1] Зап. Валодзінай Т.В. у 2007 г. ад Талкач А.С., 1933 г. н., Лаўцэвіч А.П., 1937 г. н., Карзевіч К.С., 1922 г. н., у в. Сарокі Глыбоцкага раёна.

на Пасху, патом накрываюць магілу, і патом ужо там бліжайшыя, хто жэлаець, падходзюць, адліваюць. А цяпер гэта ўжо так. Аджыло гэта»[1].

У сучасны перыяд на Падзвінні асаблівае распаўсюджанне ў веснавы перыяд набывае памінанне памерлых на Радаўніцу. Такая тэндэнцыя характэрна і для тых тэрыторый, дзе ў мінулым больш пашыраным было велікоднае памінанне. На гэта звяртаюць увагу самі рэспандэнты: «*Цяпер больш на Радаўніцу ходзяць, а раней не хадзілі. Гэта бацюшка ходзіць моліцца»*[2]. Дадзеная сітуацыя абумоўлена некалькімі фактарамі. Па-першае, з 1991 года ў Беларусі Радаўніца з'яўляецца непрацоўным днём. Таму ў гэты дзень памінаць продкаў на могілкі адпраўляюцца многія жыхары краіны, нават незалежна ад канфесіі [21, арк. 19; 39, с. 185]. Разам з тым наведванне могілак на Радаўніцу было ініцыявана праваслаўнай царквой. Памінанне памерлых у гэты дзень заахвочваецца праваслаўнымі святарамі з мэтай прадухіліць наведванне могілак на Вялікдзень. Пра такія захады распавядаюць рэспандэнты: «*Хадзіць перш хадзілі, а цяпер ня ходзім на Вялікання. На первы дзень. А цяпер свяшчэннік сказаў – не, не нада. Раньшы і па яйцу насілі»*[3].

У рэгіёне складваюцца розныя варыянты спалучэння велікодных і радаўнічных памінальных традыцый. У адным выпадку адбываецца своеасаблівы «падзел» памінальных рытуалаў паміж гэтымі святамі. Калі на Вялікдзень ушанаванне памерлых адбываецца ў адпаведнасці з ранейшай традыцыяй, то на Радаўніцу памінанне носіць пераважна царкоўны характар: «*На Радаўніцу ўжо едзем на кладбішча. Бацюшка запіскі чытаець у камніцы ў гэтай, і тады ідзець па ўсім кладбішчы і свінцаець усе магілкі. А яму хто сколькі можа падаець. <...> Цяпер ужо <...> і на Вялікадне не п'юць. А на Радаўніцу дык і саўсем нельзя. Толька бацюшка пасвінцаець, і тады едзеш дамоў*»[4]. У такім выпадку прыярытэт па-ранейшаму аддаецца велікоднаму памінанню памерлых: «*На Вялікадня людзей было, прама на магільніку – ну, цьма. На Радаўніцу ўжо лічаныя прыйдуць, тока ўжо каторыя захочуць пасвінцаць бацюшкам*»[5]. Пра гэта яскрава сведчыць і традыцыя адносіць пафарбаванае яйка менавіта на Вялікдзень, у той час як на Радаўніцу белае [40, арк. 28, арк. 53; 41, арк. 55]. Калі наведванне могілак адбывалася на Вялікдзень, то на Радаўніцу яйка ўвогуле не насілі: «*І ходзяць на Пасху і на Вялікання ходзяць. На Вялікання яйкі носяць, а на Радаўніцу ўжо не носяць*»[6]. На Падзвінні ў сучасны перыяд больш характэрная тэндэнцыя для другога варыянта – «пераносу» часткі (а часам і ўсіх) памінальных рытуалаў з Вялікадня на Радаўніцу [42, арк. 56; 43, арк. 21; 16, арк. 35].

Змены характэрны таксама для радаўнічнай памінальнай абраднасці. У наш час з яе знікаюць асобныя элементы і групы элементаў. У першую чаргу гэта тычыцца абрадавай трапезы на могілках [44, арк. 34]. У значнай ступені такая сітуацыя абумоўлена тым, што радаўнічная памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння знаходзіцца пад пільным кантролем праваслаўнай царквы. А таму на першым плане сярод памінальных абрадаў царкоўныя кампаненты (жалобная служба ў храме, наведванне могілак, асвячэнне магіл святаром).

У сучасны перыяд на Падзвінні пашырана памінанне памерлых на Тройцу. У рэгіёне адбываецца распаўсюджанне памінальных абрадаў у гэты час нават на той тэрыторыі, для якой у мінулым яны не былі характэрны. На такую тэндэнцыю звяртаюць увагу рэспандэнты: «*Я вам скажу. Гэта ціпер на Тройцу ходзяць на кладбішча, прыдумалі. <...> Гэта празнік быў. А на кладбішча ніхто не хадзіў*»[7]. Такая сітуацыя абумоўлена афіцыйным памінальным характарам гэтага свята ў праваслаўнай царкве. У мінулым наведванне могілак пераважна адбывалася ў суботу напярэдадні Тройцы (гл. вышэй). У канцы XX – пачатку XXI стагоддзя найбольш пашырана наведванне могілак у тройцын дзень [7, с. 110–111]. У паўночных раёнах Падзвіння наведванне могілак на Тройцу суправаджаецца памінальнай трапезай [7, с. 110]. У гэтай частцы рэгіёна захавалася традыцыя прыносіць на могілкі спецыяльныя яйкі, пафарбаваныя ў зялёны колер: «*Дык спецыяльна яйкі к Тройцэ красілі? – Красілі знаіця чым, бярозавым лісцем. Насабіраеш бярозавага лісця, яны такія зялёненькія тады*»[8].

Такім чынам, аналіз этнаграфічных матэрыялаў XIX – пачатку XXI стагоддзя дазваляе зрабіць наступныя **высновы:**

1) у комплекс веснавой памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння ўваходзяць Масленічныя Дзяды, траецкія і велікодна-радаўніцкія рытуалы, традыцыі ўшанавання продкаў, прымеркаваныя да Вербніцы;

---

[1] Зап. аўтарам у 2009 г. ад Патэза І.Ф., 1934 г. н., у в. Стараселле Докшыцкага раёна.
[2] Зап. аўтарам, Шыпіла Н., Путронакам К. у 2009 г. ад Карніловіч К.І., 1933 г. н., у в. Дзедзіна Докшыцкага раёна.
[3] Зап. Валодзінай Т.В. у 2007 г. ад Талкач А.С., 1933 г. н., Лаўцэвіч А.П., 1937 г. н., Карзевіч К.С., 1922 г. н., у в. Сарокі Глыбоцкага раёна.
[4] Зап. Філіпенкам У.С., Шаўчэнка Я. у 2009 г. ад Плыгаўкі М.І., 1936 г. н., у в. Тумілавічы Докшыцкага раёна.
[5] Зап. Філіпенкам У.С., Шаўчэнка Я. у 2009 г. ад Плыгаўкі М.І., 1936 г. н., у в. Тумілавічы Докшыцкага раёна.
[6] Зап. аўтарам, Шыпіла Н., Путронакам К. у 2009 г. ад Дранковіч Г.С. 1934 г. н., у в. Тумілавічы Докшыцкага раёна.
[7] Зап. аўтарам, Чараўко В.У. у 2009 г. ад Заяц А.А., 1936 г. н., у в. Шарагі Мёрскага раёна.
[8] Зап. Валодзінай Т.В., Лобачам У.А. у 2009 г. ад Машарскай Л.С., 1922 г. н., у в. Забор'е Расонскага раёна.

2) Масленічныя (Масляныя, Мясаедныя, Буркаўскія) Дзяды распаўсюджаны ва ўсходняй і цэнтральнай частках рэгіёна, а таксама на Докшыччыне. Іх спецыфічнай рысай, у параўнанне з іншымі Дзядамі, з’яўляецца асартымент памінальных страў (бліны, «масленыя» стравы, вараныя свіныя ногі і інш.);

3) на тэрыторыі Докшыцкага раёна існуюць Вербныя Дзяды, адметнасцю якіх быў посны памінальны стол. На Падзвінні спарадычна фіксуецца і традыцыя наведваць могілкі на Вербніцу;

4) у структуры веснавой памінальнай абраднасці беларусаў Падзвіння важнае значэнне маюць абрады ўшанавання продкаў на Вялікдзень і Радаўніцу. У заходняй і цэнтральнай частцы рэгіёна пашырана памінанне на Вялікдзень, а ў паўночнай і цэнтральнай – на Радаўніцу;

5) асаблівасцю каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння з’яўляецца разгорнуты траецкі памінальны комплекс. Ён уключае Дзяды (дамашняя памінальная трапеза) і абрады ўшанавання продкаў, якія адбываюцца на могілках (у паўночных раёнах суправаджаюцца памінальнай трапезай);

6) памінальныя абрады ў веснавы перыяд на Падзвінні праяўляюць рэгіянальныя асаблівасці. Найбольш яны прасочваюцца ў траецкім памінальным комплексе, велікоднай абраднасці, Масленічных Дзядах;

7) у межах рэгіёна памінальная абраднасць беларусаў у веснавы перыяд мае лакальныя адрозненні, якія характэрны як абрадам, так і асобным абрадавым дзеянням, іх семантыцы, уяўленням і прадпісанням, а таксама праяўляюцца ў назвах абрадаў, часе іх правядзення, наяўнасці ці адсутнасці ў канкрэтнай мясцовасці пэўных структурных частак абраду;

8) для сучаснай каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння характэрна захаванне асноўных памінальных рытуалаў веснавога цыклу (на Вялікдзень, Радаўніцу, Тройцу, у шэрагу месцаў Масленічных і Вербных Дзядоў). Асабліва важнае месца займаюць памінальныя абрады на Вялікдзень, Радаўніцу і Тройцу. Нягледзячы на захаванне даволі архаічных элементаў у памінальных абрадах, у сучасны перыяд адбываецца іх спрашчэнне і ўніфікацыя, выцясненне народных элементаў царкоўнымі.

ЛІТАРАТУРА

1. Ліс, А.С. Структура і семантыка абрадаў. Тыпалогія і паэтыка песень / А.С. Ліс // Каляндарна-абрадавая паэзія; навук. рэд. А.С. Фядосік. – Мінск, 2001. – С. 169–187.
2. Соколова, В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. / В.К. Соколова. – М.: Наука, 1979. – 288 с.
3. Беларуская народная вуснапаэтычная творчасць / рэдкал.: П.Ф. Глебка [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 392 с.
4. Можейко, З.Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования / З.Я. Можейко. – Минск: Наука и техника, 1985. – 247 с.
5. Толстая, С.М. Деды в полесском народном календаре / С.М. Толстая // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: тез. докл. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР; редкол.: Вяч.Вас. Иванов (отв. ред.), Л.Г. Невская. – М., 1985. – С. 81–83.
6. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай]. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – Т. 1: Магілёўскае Падняпроўе / Т.Б. Варфаламеева [і інш.]. – 797 с.
7. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай]. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – Т. 2: Віцебскае Падзвінне / Т.Б. Варфаламеева, А.М. Боганева, М.А. Козенка. – 910 с.
8. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай]. – Мінск: Выш. шк., 2010. – Т. 5: Цэнтральная Беларусь: у 2 кн. / В.І. Басько [і інш.]. – Кн. 1. – 847 с.
9. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай]. – Мінск: Выш. шк., 2006. – Т. 3: Гродзенскае Панямонне: у 2 кн. / В.І. Басько [і інш.]. – Кн. 1. – 608 с.
10. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. / [ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай]. – Мінск: Выш. шк., 2008. – Т. 4: Брэсцкае Палессе: у 2 кн. / В.І. Басько [і інш.]. – Кн. 1. – 559 с.
11. Никифоровский, Н.Я. Освященные предметы и отношение к ним простонародья Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Типо-Литограф. насл. М.Б. Неймана, [1903]. – [2], 26 с.
12. Троицкий, А. Уклад / А. Троицкий // Литов. епарх. ведомости. – 1875. – 27 июля. – С. 69–70.
13. Архіў гісторыка-філалагічнага факультэта УА «ПДУ» (АГФФ). – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Бешанковіцкі, Чашніцкі і Лепельскі раёны (ліпень 1996 г.). – Сш. 2. Запісы студэнтаў групы 95-Гіс Гаўрылава В., Далгова Д., Сакалова Ю., Яронька В., Зубровай А., Муляронак Н., Кірычык В., Вярцінскай А., Зайцавай А., Змітрачэнка А., Рублеўскай В.
14. Валодзіна, Т. Буркаўкі / Т. Валодзіна // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. – Мінск, 2011. – С. 55.
15. Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lieuvių tautosakos rankraštynas. – B. 7647. Tautosaka 2006 m. liepos mėnesį prie Neris ištakų surinkta Lietuvos ir Baltarusijos mokslininkų grupės, vadovaujamos Vykinto Vaitkevičiaus.

16. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 4. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Докшыцкі раён (ліпень 2011 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я.
17. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 5. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Пастаўскі раёны (4–18 ліпеня 2012 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я.
18. Лобач, У.А. Сімвалічны статус і рытуальныя функцыі могілак у беларускай народнай культуры вярхоўяў Бярэзіны і Віліі XX – пач. XXI ст. / У.А. Лобач // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманіт. навукі. – 2008. – № 1. – С. 71–82.
19. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – СПб.: Тип. имп. акад. наук, 1890. – Т. 1, ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белорусов в обрядах и песнях. – XXXIV, 712, [4] с.
20. Агапкина, Т.А. Очерки весенней обрядности Полесья / Т.А. Агапкина // Славянский и балканский фольклор: этнолингвистическое изучение Полесья. – М., 1995. – С. 21–107.
21. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 5. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Пастаўскі раёны (4–18 ліпеня 2012 г.). – Сш. 3. Запісы Аўсейчыка У.Я., Лобача У.А., Малюжанца П., Нікалаевай Г., Краснабаева С.
22. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 8. Палявыя этнаграфічныя запісы Аўсейчыка У.Я. (2005–2011 гг.). – Сш. 7. Матэрыялы этнаграфічнай экспедыцыі у в. Гайдукі Пастаўскага раёна (2008–2009 гг.).
23. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 11. Матэрыялы апытання па тэме: «Пахавальна-памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння» (2012–2013 гг.).
24. Васілевіч, У. Радаўніца / У. Васілевіч, Л. Дучыц, С. Санько // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. – Мінск, 2011. – С. 394–395.
25. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губерн. Типо-Литограф., 1897. – [2], X, 307, 30 с.
26. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Докшыцкі раён (ліпень 2009 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Лобача У.А., Зянько В., Шаўчэнка Я.
27. Ліцьвінка, В.Д. Святы і абрады беларусаў / В.Д. Ліцьвінка. – 3-е выд. – Мінск: Беларусь, 2001. – 190 с.
28. Гарошка, Т.Г. Народныя святы, абрады, звычаі / Т.Г. Гарошка // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна. – Мінск, 2001. – С. 593–599.
29. Сінкевіч, І.Л. Песенная спадчына Расоншчыны / І.Л. Сінкевіч // Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Расонскага раёна. – Мінск, 1994. – С. 542–546.
30. Полацкі этнаграфічны зборнік / Полац. дзярж. ун-т; [уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача]. – Наваполацк: ПДУ, 2011. – Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. Ч. 2. – 368 с.
31. Крук, І.І. Народныя абрады і звычаі Верхнядзвіншчыны / І.І. Крук // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна: у 2 кн. – Мінск, 2000. – Кн. 2. – С. 292–319.
32. Шлюбскі, А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны: у 2 ч. / А. Шлюбскі. – Мінск: Інбелкульт, 1928. – Ч. 2. – 259 с.
33. Серебренников, Ф. Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбе и похоронах / Ф. Серебренников // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб., 1865. – С. 75–90.
34. Листова, Т.А. Региональная специфика обрядовой культуры (на примере семейных обрядов) / Т.А. Листова // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование; отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. – М., 2005. – С. 235–348.
35. Аўсейчык, У.Я. Абрад Стаўроўскія Дзяды на Докшыччыне / У.Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красав. 2011 г.: у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк, 2011. – Ч. 2. – С. 111–123.
36. Гурская, Ю.А. Древние фамилии современного белорусского ареала на славянском и балтийском фоне / Ю.А. Гурская. – Минск: Белорус. гос. пед. ун-т, 2007. – 360 с.
37. Chodorowska, I. Świat żywych i umarłych (możliwości transgresji) / I. Chodorowska // Браслаўскія чытанні: матэрыялы 4-й навук.-краязн. канф., Браслаў, 24–25 красав. / Браслаўскае музейнае аб’яднанне, Браслаўскае краязнаўчае таварыства; рэдкал.: К. Шыдлоўскі [і інш.]. – Браслаў, 1997. – С. 133–145.
38. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 3. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 3. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А., Траццяковай А.
39. Верещагина, А.В. Праздники и таинства в жизни христиан Беларуси / А.В. Верещагина. – Минск: Белорус. наука, 2009. – 232 с.

40. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Докшыцкі раён (ліпень 2009 г.). – Сш. 3. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Высоцкага С., Шаўчэнка Я., Шыпіла Н., Путронка К.
41. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 4. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ў Докшыцкі раён (ліпень 2011 г.). – Сш. 2. Запісы Аўсейчыка У.Я.
42. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 2. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Докшыцкі раён (ліпень 2009 г.). – Сш. 6. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Радзюка А., Шаўчэнка Я., Высоцкага С., Шыпілы Н., Путронка К.
43. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 3. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 4. Запісы Аўсейчыка У.Я., Круткіна А., Шумілава Дз., Жахоўскага Б., Салаўёва С., Путронка К., Пятрова І., Траццяковай А.
44. АГФФ. – Фонд 1. – Воп. 3. – Спр. 3. Матэрыялы фальклорна-этнаграфічнай экспедыцыі ПДУ ў Глыбоцкі і Ушацкі раёны (5–22 ліпеня 2010 г.). – Сш. 1. Запісы Аўсейчыка У.Я., Філіпенкі У.С., Круткіна А.
45. Анимеле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимеле // Этнограф. сб. – 1854. – Вып. II. – С. 111–268.
46. Валодзіна, Т. Старац / Т. Валодзіна, У. Лобач // Міфалогія беларусаў: энцыкл. слоўн. – Мінск, 2011. – С. 459–460.
47. Никифоровский, Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии. Старцы / Н.Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 1. – С. 70–105.
48. Аўсейчык, У.Я. Абрад Стаўроўскія Дзяды на Докшыччыне / У.Я. Аўсейчык // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. прац міжнар. навук.-практ. канф., Полацк, 21–23 красав. 2011 г.: у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т; пад агул. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. – Наваполацк, 2011. – Ч. 2. – С. 111–123.

Паступіў 02.06.2014

FUNERAL RITES OF PADZVINNE BELARUSSIANS AT SPRING PERIOD (ON THE ETHNORGAPFICAL MATERIALS OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES)

U. AUSEICHYK

On the basic of the ethnographical materials of the 19th–20th centuries it is devoted the funeral rites of Padzvinne belarussians at spring period. The funeral traditions are analyzed at Maslianitsa and Verbnitsa Dziady, as the rites of consideration of forefathers at Easter, Radaunitsa and Holy Trinity. The characteristic of variants of rites names is given, their areas are determined, the order of ritual actions is considered, the modern position of the rites is characterized, their region particularities and local differences in Padzvinne are exposed. The new field materials are drawn to the ethnological studies, the part of them is fixed by the author. The results of research can be used for the learning of world outlook and religion beliefs as for solutions of problems in the ethnic history of the region.

УДК [39:636+636] (=161.3) (091) “18/19 4…”

СТАН І ДЫНАМІКА РАЗВІЦЦЯ ЖЫВЁЛАГАДОЎЛІ Ў БЕЛАРУСАЎ (канец XIX – 40-я гады XX ст.)

Л.П. СІВУРАВА
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, Мінск)

Аналізуецца значэнне жывёлагадоўлі ў гаспадарчым жыцці беларусаў у канцы XIX – 40-х гадах XX стагоддзя. Удакладняюцца яе асноўныя функцыі. Выяўляюцца прычыны змен у развіцці жывёлагадоўлі, якія адбываліся пад уплывам грамадска-палітычных падзей першай паловы XX стагоддзя. Паказана, што працэсы стабілізацыі жывёлагадоўчай гаспадаркі паскорыліся ў 1933–1940 гадах, калі з боку дзяржавы пачала аказвацца пэўная дапамога жыхарам вёскі ў набыцці свойскай жывёлы для прысядзібных гаспадарак, вялася работа па паляпшэнні парод гэтай жывёлы.

Уводзіны. Важнае месца ў гаспадарчай дзейнасці беларусаў мела жывёлагадоўля. Сяляне ўтрымлівалі кароў, коней, свіней, авечак, коз і інш. “Багацейшыя сяляне мелі па 2–3 кані, 3–4 каровы, 5–7 свіней, 8–10 і больш авечак, сераднякі – усяго гэтага напалову, а бяднейшыя па 1 каню, 1 карове альбо і зусім нічога не мелі” [1, с. 22–24]. Галоўнай галіной жывёлагадоўлі на большай частцы земляробчай тэрыторыі з’яўлялася гадоўля буйной рагатай жывёлы. Яе пагалоўе ў розныя гістарычныя перыяды вагалася і залежыла ад розных прычын (неўраджайныя перыяды, ваенныя дзеянні, міграцыя насельніцтва, моравыя хваробы і іншыя фактары). Колькасны склад свойскіх жывёл знаходзіўся ў залежнасці ад прыродна-кліматычных умоў, нацыянальна-культурнага складу насельніцтва, наяўнасці кармавой базы і іншых фактараў.

Бібліяграфію праблемы сладаюць матэрыялы дарэвалюцыйнага перыяду, у першую чаргу, “Памятныя кнігі” беларускіх губерняў, сельскагаспадарчая і перыядычная літаратура 20–30-х гадоў XX стагоддзя, крыніцы пасляваеннага часу, даследаванні беларускіх навукоўцаў апошняй чвэрці XX стагоддзя. У перыядычнай літаратуры 20–30-х гадоў XX стагоддзя, у прыватнасці часопісах “Наш край” (1926–1930), “Плуг” (1926–1929), змяшчаліся матэрыялы аб перадавых спосабах вядзення сялянскай жывёлагадоўлі, папярэджанні хвароб, ветэрынарнай дапамозе, паляпшэнні парод свойскіх жывёл, арганізацыі малочна-жывёлагадоўчых таварыстваў і развіцці малочнай кааперацыі, прыводзіліся звесткі аб якасці і колькасці свойскай жывёлы ў аднаасобных і калектыўных гаспадарках, спосабах яе догляду і кармлення. Аўтарамі артыкулаў былі ветэрынары, аграномы, пісьменныя сяляне і хутаране з розных рэгіёнаў Беларусі.

У 20-я – 30-я гады XX стагоддзя Сельгассектар Дзяржаўнага выдавецтва Беларусі выпусціў серыю матэрыялаў “Сялянская бібліятэка” з мэтай распаўсюджвання сельскагаспадарчых ведаў сярод насельніцтва. Калгаснікам і рабочым саўгасаў, а таксама сялянам, якія вялі аднаасобную гаспадарку, адрасаваліся папулярныя кніжкі, памяткі, дапаможнікі па доглядзе свойскай жывёлы Мітэцкага і Іваноўскага, М. Томэ і А. Дзіямідава, А. Юрмаліата і інш. [2–4].

Серыю папулярных матэрыялаў па тэме дапаўняюць кніжкі-дапаможнікі Дзяржаўнага ваеннага выдавецтва БССР, якія былі прысвечаны догляду коней і адрасаваліся чырвонаармейцам кавалерыйскіх дывізій. У сваёй “Памятцы чырвонаармейцу” М. Федасееў распавядаў пра ўтрыманне коней, службу абозаў, правілы догляду абознага каня і павозкі, там жа змяшчаліся звесткі пра запражку, выездку і з’ездку коней, патрабаванні да іх кармлення, паення, купання, чысткі памяшканняў, даваліся апісанні хвароб, тлумачыліся правілы аказання першай даветэрынарнай дапамогі жывёле “ў баявой абстаноўцы” [5].

Некаторыя даследчыкі разглядалі жывёлагадоўлю як галіну гаспадарчай дзейнасці. Аналіз яе статыстычных паказчыкаў у Літве і Заходняй Беларусі за 1811–1861 гады зрабіў М. Улашчык [6]. Этнагеаграфічныя асаблівасці развіцця жывёлагадоўлі на тэрыторыі Беларусі выдзеліў В.С. Цітоў у рабоце “Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов” (1993). Ён прыйшоў да высновы, што тэрытарыяльныя адметнасці жывёлагадоўлі на беларускіх землях праяўляліся ў ступені развітасці жывёлагадоўлі і яе ролі ў гаспадарчым жыцці мясцовага насельніцтва, яе ўнутранай структуры, працоўных навыках і звычаях, умовах утрымання жывёл, характары выкарыстання прадуктаў жывёлагадоўлі, у яе канкрэтнай сувязі з хлебаробствам і сялянскімі промысламі, якія ў комплексе характарызавалі гаспадарча-побытавы і этнакультурны ўклад жыцця беларусаў [7, с. 90−91].

Хаця пазначаныя крыніцы і раскрываюць многія аспекты развіцця жывёлагадоўлі, аднак яны ахопліваюць пэўныя храналагічныя рамкі. Жывёлагадоўчыя заняткі вельмі сцісла аналізаваліся з пункту гледжання этналогіі. Па-за ўвагай даследчыкаў засталіся працэсы развіцця жывёлагадоўлі як асобнай галіны сельскай гаспадаркі беларусаў у перыяд грамадска-палітычных пераўтварэнняў першай паловы XX стагоддзя. Мала ілюстраваліся колькасныя і якасныя паказчыкі развядзення пэўных відаў свойскай жывёлы (коней, валоў і інш.), не раскрыта абумоўленасць характару і форм жывёлагадоўлі ў гэты перыяд грамадска-палітычнымі працэсамі. Мэта дадзенай работы – прасачыць дынаміку развіцця жывёлагадоўлі, у першую чаргу развядзення буйной рагатай жывёлы і коней у сялянскіх гаспадарках беларусаў у канцы XIX – 40-я гады XX стагоддзя.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне. У беларускіх губернях, якія ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзя ўваходзілі ў склад царскай Расіі, жывёлагадоўля была развіта слаба. Сялянскія гаспадаркі мелі малапрадуктыўную беспародную жывёлу. Высокапрадуктыўную жывёлу культурных парод разводзілі толькі асобныя памешчыкі і кулакі. "Памятная книжка Виленской губернии на 1888 год" паведамляла: "У 1886 годзе на 1 267 375 чалавек насельніцтва свойскай жывёлы ўтрымлівалася 1 253 344 галавы, а менавіта: коней 205 530, рагатай жывёлы 387 545, авечак звычайных 341 315, танкарунных 10 087, свіней 271 888, коз 36 979" [8, с. 113]. У 1890 годзе свойскіх жывёл налічвалася 1 240 481 галоў, у тым ліку 219 798 коней, 417 151 буйной рагай жывёлы, авечак простых 325 153 і танкарунных 6 700, свіней 237 070, коз 34 608 [9, с. 10].

Статыстыка аб колькасці буйной рагатай жывёлы ў Віцебскай губерні, з іх ліку дойных кароў, і аб'ёме малакавытворчасці ў прыватных гаспадарках даецца ў "Справаздачы аб дзейнасці таварыства віцебскіх сельскіх гаспадароў за 1901 год" [10, с. 69].

Колькасць буйной рагатай жывёлы ў беларускіх губернях у 1901 годзе

Паказчыкі	Беларускія губерні			
	Віцебская	Мінская	Смаленская	Магілёўская
Колькасць буйной рагатай жывёлы на 100 душ	37	34	33	27
Колькасць дойных кароў на 100 душ	18	17	16	14
Колькасць малака ў вёдрах на жыхара ў год	11	10	10	8

Жывёлагадоўля мела важнае значэнне ў сельскай гаспадарцы Мінскай губерні. У 1909 годзе тут налічвалася 2 452 747 галоў свойскіх жывёл; у тым ліку 353 515 коней, 915 885 буйной рагатай жывёлы, простых авечак 597 472, тонкарунных 12 689, свіней 558 363 і коз 14 823. Коней утрымлівалі для выканання палявых і транспартных работ. Буйная рагатая жывёла патрабавалася для вырабу ўгнаення і малака пераважна для прыватнага спажывання. Транспартнай сельскагаспадарчай жывёлай былі валы. Насельніцтва займалася развядзеннем і адкормам свіней як для сваёй неабходнасці, так і на продаж. Коз разводзілі ў асноўным яўрэі, якія гатавалі стравы на казіным малацэ. Воўна і скура авечак ішла на вопратку, а мяса ўжывалі ў ежу [11, с. 62].

Насельніцтва Мінскай губерні для выканання палявых работ трымала коней. Яны таксама выкарыстоўваліся зімой на возцы лесу і дроў да берагоў сплаўных рэк і чыгуначных станцый. Простых авечак разводзілі ў губерні паўсюдна; шэрсць і скуру выкарыстоўвалі на вопратку, а мяса ішло ў ежу, рэдка патрапляла ў продаж. Ва ўсіх уездах, акрамя Барысаўскага і Рэчыцкага, разводзілі танкарунных авечак. Яны давалі гаспадарам воўну, якая збывалася на суконныя фабрыкі. Гандаль жывёламі адбываўся пераважна на гарадскіх рынках, а таксама ў мястэчках на базарах і ярмарках [11, с. 69].

Вялікае значэнне ў сельскай гаспадарцы мелі коні. З дапамогай коннай цягі выконвалі розныя сельскагаспадарчыя работы − узорванне глебы, перавозка грузаў. Коні давалі каштоўны гной, якім не толькі ўгнойвалі глебу, але таксама дадавалі ў корм свіней. На конях выконвалі транспартныя работы. Коней упрагалі ў калёсы, брычкі для перавозкі людзей і транспарціроўкі грузаў, выкарыстоўвалі ў паштовай і вайсковай справе.

У беларускіх губернях разводзілі коней мясцовай пароды. Хаця яны і не вызначаліся добрымі якасцямі, былі маларослыя і слабыя, аднак адрозніваліся вынослівасцю. Мелкія непатрабавальныя да ўмоў утрымання коні былі зручныя ў гаспадарцы. Аўтары Мітэцкі і Іваноўскі пісалі: "Найбольш пашыраны ў сельскага беларускага насельніцтва беспародзісты конь, або вырадак, сумесь розных парод. Гэты конь малога росту, мае малую жывую вагу, між тым ад росту і вагі залежыць і сіла каня. Просты сялянскі конь важыць у сярэднім 190–240 кг (12–15 пудоў) і вязе ў сярэднім 240–320 кг (15–20 пудоў). Такім канём нельга глыбока ўзараць зямлю, на ім шмат не павязеш, а таксама ён непрыгодны і для кавалерыі, і артылерыі" [2, с. 8–9]. "Коні на Магілёўшчыне трымаюцца выключна для абслугоўвання сваёй гаспадаркі, кормяцца дрэнна (сенам, а то і саломай). Парода дробная, ад 117 да 137 см ростам. Па гутарках сялян відаць, што буйны конь магілёўскага селяніна не задавальняе. Ён аддае перавагу каню малому, але каб ён быў моцны, рухавы, трывалы і не пераборлівы" [12, с. 30]. Глыбока даследаваў праблемы развядзення коней на тэрыторыі Беларусі В. Гладзенка. Ён таксама прыйшоў да высновы, што "коні абарыгенных парод вылучаліся сілай, рухомасцю і цалкам задавальнялі гаспадарчыя патрэбы большасці сялянскіх гаспадарак. Яны былі непатрабавальныя да кармоў і маглі доўгі час захоўваць свае працоўныя якасці нават пры скудным кармленні" [13, с. 16].

Паводле статыстычных дадзеных, у 1826–1836 гадах больш 28 % сялянскіх двароў коней не мелі. Гэта было абумоўлена як маёмасным статусам гаспадароў, так і традыцыямі вядзення жывёлагадоўчай гаспадаркі. У дарэвалюцыйнай Расіі паводле перапісу 1913 года на кожныя 100 сялянскіх гаспадарак прыпадала 30 гаспадарак, дзе коней не было. Лік гаспадарак, якія мелі па адным кані, у 1912 годзе складаў 43 %, гэта значыць амаль палавіну ўсяго сялянства [1, с. 3–7].

Конь шырока выкарыстоўваўся ў вайсковай справе. Ён быў важнай стратэгічнай баявой адзінкай у артылерыі і кавалерыі. Падчас ваенных дзеянняў конь выконваў наступныя работы: падвоз харчоў, фура-

жу, баяпрыпасаў, рознай тэхнічнай і інжынернай маёмасці, перавозка гарматаў, людзей (кавалерыя) ды інш. [2, с. 3–7]. "Падчас імперыялістычнай вайны (1914–1918) усе арміі мелі велізарныя конскія масы, роўныя мільёнам коней. Кожная армія мела за сабою вялікі абоз, транспарт. Руская армія мела ў франтавой арганізацыі на 1000 байцоў да 1400 коней. Ва ўзброеных сутычках ваяваўшых дзяржаў з боку рускай арміі прымала ўдзел 3 164 000 коней" [2, с. 6].

Можна прасачыць колькасную дынаміку конскага статка ў царскай Расіі. "Да вайны ў Расіі было 35 мільёнаў коней усіх парод. За гады імперыялістычнай і грамадзянскай войнаў гаспадарка панесла вялікія страты. Лік коней зменшыўся амаль удвая, у 1922 годзе іх засталося 18 мільёнаў. З 1923 года колькасць коней стала паступова павялічвацца. З пераходам на мірны стан савецкім урадам адразу былі зроблены захады для таго, каб наладзіць сельскую гаспадарку і, у паасобку, гадоўлю коней сялянамі. Усе завадскія і палепшаныя коні, а таксама і жарабяты былі перададзены з Чырвонай Арміі зямельным органам. Пачалі наладжвацца жывёлагадоўчыя выстаўкі; сялянам даваліся льготы па гадоўлі і палепшанні коней, і нарэшце, паложаны пачатак гадоўлі коней каапeрацыяй, якая з'яўляецца адным з лепшых сродкаў да хутчэйшага палепшання нашага сялянскага каня" [2, с. 9].

Статыстычныя паказчыкі ўтрымання коней у 1938–1940 гадах былі наступныя. Конны статак у Беларусі ў пазначаны перыяд складаў 630 301 і 614 807 галоў. У аднаасобных гаспадарках пагалоўе коней паступова змяншалася і складала адпаведна 55 500 і 23 649 [14].

Сталую традыцыю складала гадоўля і выкарыстанне беларускімі сялянамі валоў. Яны служылі асноўнай цяглавай сілай на Палессі, Панямонні і на большай тэрыторыі Цэнтральнай Беларусі да 20-х гадоў XX стагоддзя. У калектыўных гаспадарках у 30–40-я гады XX стагоддзя валы выкарыстоўваліся ў якасці транспартнай сілы нараўне з трактарамі і канямі: "Вол у гаспадарцы служыць неабходным дапаўненнем да трактарнага і коннага парадкаў" [15, с. 26]. Валы былі добра адаптаваныя да прыродна-кліматычных умоў, больш вынослівыя за коней і менш патрабавальныя да корму. Валоў з належнай эфектыўнасцю выкарыстоўвалі на работах, дзе патрабавалася пастаяннае раўнамернае напружанне: пры пад'ёме цаліны, перавозцы цяжкіх грузаў на кароткія адлегласці па прамому шляху, для работы на механічных млынах, малацілках, сукнавальнях, лесапілках і інш. У зімовы перыяд і на паваротных шляхах валы працавалі неэфектыўна. Лепшы за коней вынік яны давалі пры яздзе па няроўных дарогах, а таксама пры рабоце на пясчаных і балоцістых глебах. У калгаснай сельгасвытворчасці раілася выкарыстоўваць валоў у рабоце па падцягванню копаў сена да стагоў, на стагі, па перавозцы паліва, па падвозцы сена і на іншых цяжкіх транспартных работах. Пры адсутнасці альбо недахопе трактароў валоў накіроўвалі на глыбокае ворыва, веснавое ўзворванне, на жніво збожжа і іншыя работы, а коней – на работы па баранаванні, сенакашэнні, на работу ў сеялцы і г.д. Валы былі вынослівымі і працаздольнымі жывёламі. Работа трох валоў прыраўнівалася да работы двух коней. Пры належным доглядзе і ўтрыманні яны маглі працаваць па 10–12 гадзін у дзень. Пара валоў здольна за 10-гадзінны рабочы дзень прайсці адлегласць у 20 км з грузам у 1 тону [15, с. 24–26]. Валы разглядаліся таксама ў якасці крыніцы таннага мяса для выканання дзяржаўных мясапаставак. Адкормлены вол па якасці мяса замяняў 2–3 кароў або 6–8 галоў маладняка (ва ўзросце 12 месяцаў) [15, с. 6].

У 1928 годзе ў БССР колькасць валоў складала 86,2 тыс. галоў, альбо 4,0 % ад агульнага пагалоўя буйной рагатай жывёлы. Раёнамі масавай валагадоўлі былі Жыткавіцкі, Тураўскі, Лельчыцкі, Петрыкаўскі, Глускі, Парыцкі, Мазырскі, Ельскі, Нараўлянскі, Камарынскі, Хойніцкі, Рэчыцкі, Лоеўскі, Плешчаніцкі Палескай вобласці. У пачатку 1934 года ў у калгаснікаў і аднаасобнікаў засталося 11,7 тыс. валоў (0,9 %). Гэта значыць, што за адно пяцігоддзе пагалоўе валоў паменшылася больш, чым у сем разоў. Да 1934 года вышэйпералічаныя раёны захавалі валоў у статку буйной рагатай жывёлы ў наступнай колькасці: Плешчаніцкі, Глускі, Рэчыцкі, Парыцкі, Хойніцкі і Лоеўскі – ад 0,3 да 1 %. Толькі Лельчыцкі (3 018 валоў – 16,9 %), Тураўскі (758 – 7,6 %), Петрыкаўскі (2 239 – 6,4 %) і Ельскі (1 818 – 9,4 %) раёны захавалі значны працэнт валоў у статку буйной рагатай жывёлы [15, с. 3–4]. Статыстычныя паказчыкі ўтрымання валоў (старэй за 2 гады) у дынаміцы 1938–1940 гадоў сведчаць, што па колькасці ўтрымання валоў лідзіравала Палеская вобласць (29 230). Самая меншая колькасць гэтай жывёлы налічвалася ў Віцебскай вобласці (1 401). У суадносінах з агульнай колькасцю буйной рагатай жывёлы па БССР валы складалі 1,9 % у 1938 годзе і 2,57 % у 1940-м [14, с. 5, 6, 18, 29, 42, 55].

Гэты від буйной рагатай жывёлы пэўны час захоўваўся ў БССР як у аднаасобных, так і ў калектыўных гаспадарках. Жывёлавод па доглядзе валоў у калектыўнай гаспадарцы называўся "валавік", памяшканне для ўтрымання валоў – "валоўня". Старшы валавік адказваў за стан жывога цягла і яго падрыхтоўку да работы. Яму падпарадкоўваліся асобныя работнікі, якія замацоўваліся за валамі. Яны павінны былі чысціць жывёл, карміць і паіць. Валоў прывучалі да работы з 2–3-гадовага ўзросту, рабочую прадуктыўнасць яны набывалі ў 4–5-гадовым узросце. Пры добрым доглядзе, правільным кармленні і выкарыстанні валы маглі працаваць да 10–12 гадоў. Пры дрэнных умовах догляду і ўтрымання тэрмін рабочай службы скарачаўся да 7–8 гадоў [15, с. 17–18, 29–30].

Скарачэнне пагалоўя валоў было выклікана рознымі прычынамі. Адной з іх называюць супраціўленне аднаасобнікаў абагульненню свойскай жывёлы і масавае знішчэнне валоў. Разам са знішчэннем да-

рослых валоў бязлітасна забіваўся маладняк буйной рагатай жывёлы, "каб знішчыць дарослую жывёлу і той рэзерв, з якога яна магла расшырацца і рамантавацца". Палітыку па ліквідацыі валоў праводзілі таксама паслядоўнікі прышчэпаўскай палітыкі, якія пераконвалі насельніцтва ў тым, што вол у калгасах не патрэбен, ён можа быць толькі ва ўмовах адсталай гаспадаркі [15, с. 4–5]. Рэзкае скарачэнне маштабаў і наступнае поўнае згортванне волагадоўлі на тэрыторыі Савецкай Беларусі было выклікана ў першую чаргу сацыяльна-палітычнымі і эканамічнымі працэсамі, сярод якіх стварэнне буйных сельскагаспадарчых прадпрыемстваў (кааператываў, калгасаў, саўгасаў) з механізаванай вытворчасцю, выкананне планаў мясанарыхтовак, ваеннымі дзеяннямі на тэрыторыі Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны і інш.

Стабільнае развіццё жывёлагадоўлі ў сялянскіх і памешчыцкіх гаспадарках назіралася да 1916 года [6, с. 139–172]. Вышэйпазначаная сітуацыя захоўвалася да пачатку імперыялістычнай і грамадзянскай вайны (1914–1922) [16, с. 5]. "Больш як шасцігадовыя ваенныя дзеянні ў спалучэнні з рэвалюцыйнымі падыходамі савецкай улады да вырашэння сацыяльна-эканамічных задач давялі гаспадарку да катастрафічнага стану. Сельгасвытворчасць да 1921 года ў параўнанні з даваенным узроўнем зменшылася прыкладна ўдвая. Адчувальныя страты панесла жывёлагадоўля, пагалоўе ўсіх відаў скаціны зменшылася" [17, с. 138].

У 1928–1929 гадах адбылося аднаўленне і нават павышэнне колькасці пагалоўя ўсіх відаў жывёлы (акрамя коней) у параўнанні з 1916 годам. Аднак дробныя сялянскія гаспадаркі не задавальнялі патрэбы насельніцтва гарадоў і прамысловых цэнтраў, якія хутка развіваліся, прадуктамі жывёлагадоўлі. Большая частка прадуктаў земляробства і жывёлагадоўлі спажывалася ў саміх сялянскіх гаспадарках, таварнасць іх была невысокай [16, с. 5].

У 1930–1932 гады ў СССР была праведзена масавая калектывізацыя сялянскіх гаспадарак. У гады сацыялістычнай рэканструкцыі сельскай гаспадаркі ў калгасах былі створаны жывёлагадоўчыя фермы, арганізавана шырокая сетка жывёлагадоўчых саўгасаў і калгасаў, перад якімі ставіліся задачы павелічэння вытворчасці прадуктаў жывёлагадоўлі [16, с. 5]. Падводзячы вынікі першай пяцігодкі (1930–1934) у сельскай гаспадарцы Савецкага Саюза, М. Томэ і А. Дзіямідаў пісалі: "Тысячы дробных гаспадарак аб'яднаны ў буйныя калектыўныя гаспадаркі. Арганізаваны спецыяльныя фермы і соўгасы па малочнай і мясной жывёлагадоўлі, свінагадоўлі, трусаводству, птушкаводству. <…> За пяцігодку ў 4 гады колькасць жывёлы ў соцыялістычным сектары ўзрасла ў дзесяткі разоў. За гэты ж час павялічыліся пасевы траў для жывёлы, развілося сіласаванне кармоў, былі пабудаваны занава тысячы жывёламесц, многія соўгасы і калгасы механізавалі жывёлагадоўлю даільнымі машынамі і іншымі спецыяльнымі апаратамі. Соўгасы і калгасы сталі асноўнымі вытворцамі жывёлагадоўчай таварнай прадукцыі для пролетарскай дзяржавы" [3, с. 3].

Вялікі ўдар па развіцці жывёлагадоўлі нанесла палітыка раскулачвання. Найбольш заможныя сяляне, якія апрацоўвалі вялікія ўчасткі зямлі і ўтрымлівалі значна большы за беднякоў жывёльны статак (мелі па трое і больш коней, чатырох і больш кароў), былі аднесены да ліку кулакоў. Прыналежная ім жывёла была канфіскавана і перададзена ў калгасы. Так, да канца 1930 года было раскулачана 15 629 сялянскіх гаспадарак [17, с. 156–157].

Каб забяспечыць насельніцтва жывёлагадоўчай прадукцыяй, партыя і ўрад імкнуліся стварыць магутную грамадскую жывёлагадоўлю ў калгасах і саўгасах, забяспечыць на гэтай аснове агульны ўздым жывёлагадоўлі ў краіне. Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны ў СССР было значна павялічана пагалоўе жывёлы і яе прадуктыўнасць, асабліва ў калгасах і саўгасах, хоць вытворчасць прадуктаў жывёлагадоўлі далека не ў поўнай меры забяспечвала патрэбы ў іх насельніцтва нашай краіны [16, с. 5].

У 30-х гадах ажыццяўляліся захады па арганізацыі жывёлагадоўлі ў асабістым карыстанні калгаснікаў. Ставіліся задачы павышэння якасці жывёлагадоўлі, пароднасці, скараспеласці, павелічэння яе прыбытковасці ў гаспадарках – павелічэння ўдойлівасці, выхаду парасят, выхаду мяса ад кожнай забітай жывёлы, настрыгу воўны, вагі і добраякаснай скуры. Уздымалася пытанне аб неабходнасці правядзення даследаванняў, якая парода найбольш адпавядае мясцовым умовам і запатрабаванням і якія ёсць магчымасці для развіцця малочнай гаспадаркі і беконнай свінагадоўлі [3, с. 4; 18, с. 15].

Перад калгаснікамі, рабочымі саўгасаў і аднаасобнікамі ставілася задача "стварэння высокамалочнага статка і ліквідацыі бескароўнасці" [3, с. 7]. Саветам народных камісараў СССР і Цэнтральным камітэтам Камуністычнай партыі былі прыняты адпаведныя Пастановы (1933) і ажыццяўляліся мерапрыемствы па дапамозе бескароўным калгаснікам у набыцці кароў і паляпшэнні якасці малочнага статка: пакрыццё малочных кароў племянным бугаём на злучных пунктах і вырошчванне ад іх цёлак, абмен бычкоў на цёлак, абмен старых і маламалочных кароў у часе мясанарыхтовак на больш маладых і іншыя мерапрыемствы [3, с. 5; 17, с. 156–157].

Высновы:

1) асноўнымі функцыямі жывёлагадоўлі з'яўляліся: харчовая – забеспячэнне сялянскай сям'і харчовымі прадуктамі (малочнымі, мяснымі, тлушчам); сыравінная – скуры, воўна служылі сыравінай для вырабу адзення, гаспадарчых прадметаў; транспартная – коней выкарыстоўвалі для пасажырскай язды (верхавой і вупражнай у калёсах, брычках), у паштовай справе; дапаможная ў сельгасвытворчасці (коні і валы ў якасці цяглавай сілы для транспарціроўкі грузаў, прывядзення ў рух сельгаспрыстасаванняў); забеспячэнне раслінаводства ўгнаеннем; ваярская (кавалерыя, артылерыя);

2) стабільнае развіццё жывёлагадоўлі ў сялянскіх гаспадарках назіралася да 1916 года. У першай палове XX стагоддзя імклівымі тэмпамі адбываліся пераўтварэнні ў гаспадарча-эканамічным і грамадска-культурным укладзе жыцця беларусаў. Яны былі выкліканы грамадска-палітычнымі падзеямі (імперыялістычная, грамадзянская войны (1914–1922 гг., польская акупацыя земляў Заходняй Беларусі, Вялікай Айчынная вайна і інш.);

3) рэзкія змены жывёлагадоўля перацярпела пры пераходзе ад аднаасобнай да калектыўнай гаспадаркі, які распачаўся ў 1927–1928 гадах. Значная колькасць коней, кароў, валоў былі абагульнены ў сельгаспадарчыя кааператывы і калектыўныя гаспадаркі. У аднаасобных гаспадарках значна зменшылася колькасць кароў, скараціўся конскі статак, зменшылася колькасць валоў. Вялікі ўдар па развіцці жывёлагадоўлі нанесла палітыка раскулачвання найбольш заможных сялян;

4) працэсы стабілізацыі жывёлагадоўчай гаспадаркі паскорыліся ў 1933–1940 гадах, калі з боку дзяржавы аказвалася пэўная дапамога жыхарам вёскі ў набыцці свойскай жывёлы для прысядзібных гаспадарак, вялася работа па паляпшэнні парод.

ЛІТАРАТУРА

1. Пратасевіч, П. Якую маюць скаціну сяляне вёскі Тушкова Аршанскае акругі і як яе даглядаюць / П. Пратасевіч // Плуг. – 1927. – № 8.
2. Мітэцкі, Іваноўскі. Конь у сельскай гаспадарцы і арміі / Мітэцкі, Іваноўскі. – Менск: БДВ, 1930. – 72 с.
3. Томэ, М.Ф. Асновы жывёлагадоўлі: пер. з рус. / М.Ф. Томэ, А.М. Дзіямідаў. – Мінск: ДВБ. Сельгассектар, 1934. – 556 с.
4. Юрмалиат, А.П. Выращивание молодняка крупного рогатого скота / А.П. Юрмалиат. – М.: Сельхозиздат, 1961. – 152 с.
5. Федасееў, Н. Памятка чырвонаармейцу павозачнаму / Н. Федасееў. – Менск: Дзярж. ваеннае выд-ва БССР, 1932. – 66 с.
6. Улащик, Н.Н. Скотоводство в Литве и Западной Белоруссии (1811–1861) / Н.Н. Улащик // Материалы по истории сельского хозяйства у крестьянства СССР: сб. / Н.Н. Улащик. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 139−172.
7. Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX − начало XX в. / В.С. Титов. – Минск: Наука и техника, 1983. – 152 с.
8. Памятная книжка Виленской губернии на 1888 год. – Вильно: Виленская губ. тип., 1887. – 164 с.
9. Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. Изд. Виленского губерн. стат. комитета. – Вильно: Виленская губернская типография, 1891. – 188 с.
10. Отчет о действиях общества витебских сельских хозяев за 1901 год. – Витебск, 1905. – 18 с.
11. Памятная книжка Минской тубернии на 1911 год. – Мінск: Губерн. Тип., 1910. – 362 с.
12. Дыяконенка, С. Жывёлагадоўля Магілёўшчыны / С. Дыяконенка // Плуг. – 1927. – № 11.
13. Гладенко, В.К. Белорусская лошадь / В.К. Гладенко. – Мінск: Ураджай, 1976. – 105 с.
14. Численность скота в БССР на 1 января 1940 г. (предварительные итоги). – Минск: Изд. УНХУ БССР, 1940. – 64 с.
15. Фёдараў, А.М. Догляд за рабочым валом / А.М. Фёдараў. – Мінск: ДВБ. Сельгассектар, 1925. – 48 с.
16. Есаулаў, П.А. Асновы жывёлагадоўлі: вучэб. дапамож. для вучняў IX класаў сельскіх школ / П.А. Есаулаў, С.С. Шаін. – выд. трэцяе з чацвёртага рускага. – Мінск: Дзярж. вуч.-пед. выд. М-ва асветы БССР, 1961. – 194 с.
17. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экоперспектива, 2007. – 613 с.
18. Самцэвіч, В. Праблема павышэння ўраджайнасці і краязнаўства / В. Самцэвіч // Наш край. – 1929. – № 3. – С. 15.

Паступіў 21.05.2014

THE STATE AND THE DEVELOPMENT OF STOCK-RAISING IN BELARUS (END OF XIX – 40 YEARS OF THE TWENTIETH CENTURY)

L. SIVURAVA

The importance of stock-raising in economic activity of Byelorussians is analyzed in this article. The basic functions are defined more exactly. The author detects the reasons of the changes in the development of stock-raising which happened in the result of social and political events in the 1 half of XX century.

УДК 94(474/476)+355.48(474/476)

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЗЕМЛЯХ В 1831 ГОДУ

В.Е. ЗАЙЦЕВ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Дана общая характеристика использованных в ходе исследования источников и литературы. Рассматриваются основные предпосылки начала восстания 1830–1831 годов в Королевстве Польском и землях Великого Княжества Литовского, подготовка к вооруженному выступлению в Виленской губернии, его начало в марте 1831 года, ответные мероприятия российского командования. Анализируется ход военных действий в белорусско-литовских землях в апреле – августе, в том числе действия польского отряда барона Дезидерия Хлаповского, корпуса генерала Антония Гелгуда. Описан штурм Вильно в июне 1831 года, поражение и отступление повстанцев из белорусско-литовских земель. Автор выделяет причины поражения восстания на рассматриваемой территории и приводит некоторую информацию о численности его участников и потерях с их стороны, дает оценку деятельности генералов А. Гелгуда и Г. Дембинского, а также подчеркивает значимость событий 1830–1831 годов в белорусской истории.

Введение. Восстание 1830–1831 годов оставило значительный след в истории Беларуси. Однако в настоящее время в отечественной историографии не все вопросы этой темы исследованы сполна, среди них и такой важный вопрос, как вооруженная борьба белорусских и литовских повстанцев с российской армией. Поэтому представляемое исследование посвящается именно этому аспекту.

По рассматриваемой теме существует большое количество источников и литературы. В работе были использованы мемуары современников тех событий: российского генерала Д.В. Давыдова [1]; польского генерала, активного участника повстанческой борьбы, – Дезидерия Хлаповского [2]; дневник воспоминаний белорусского повстанца Игнатия Клюковского [3]. Помимо этих данных, автор приводит письма Николая I главнокомандующему резервной армией графу, генералу П.А. Толстому [4]. Среди вызывающих интерес источников по военной истории XIX века полковые истории [5].

Интересующая нас тема затрагивалась в ряде исследований, опубликованных в дореволюционный период. В первую очередь, следует назвать работу А.К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 года» [6]. Этот труд описывает ход военных действий, содержит большое количество подробных таблиц (о состоянии войск, их передвижениях, потерях), хотя и несет на себе идеологический отпечаток той эпохи. Репрессивные меры российских властей при подавлении освободительной борьбы 1831 года на рассматриваемой территории описаны в работе Д.А. Кропотова «Жизнь графа М.Н. Муравьева» [7]. Политическое положение Королевства Польского, а также белорусско-литовских земель перед восстанием анализируются в книге Ш. Аскенази [8]. Сведения биографического характера о многих участниках описанных в представляемой работе событий приведены в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцева [9–11]. Большое внимание теме восстания уделено в польской историографии: [12–15].

В наши дни немало белорусских историков в той или иной степени успешно занимаются изучением вопросов восстания 1830–1831 годов в Беларуси [16–22].

Основная часть. После присоединения к Российской империи территорий бывшей Речи Посполитой перед Санкт-Петербургом возникла новая глобальная проблема, так называемый «польский вопрос». В начале XIX века проблема восстановления государственности на землях бывшей Речи Посполитой стала одной из центральных в европейской политике. В ходе Наполеоновских войн (1799–1815 гг.), в 1807 году было создано Княжество Варшавское. По решению Венского конгресса (1814–1815 гг.) большая его часть отошла к Российской империи, и в 1815 году на этих землях было образовано Королевство Польское, получившее от императора Александра I автономию и либеральную конституцию [8, с. 2; 6, с. 2]. Вместе с тем земли бывшего Великого Княжества Литовского не были присоединены к Царству Польскому. Таким образом, нарушалось длительное единство этих народов. Политика, проводимая по отношению к их населению не в лучшую сторону, отличалась от политики в отношении жителей Польского королевства и вела к значительному ухудшению положения народа. Эти обстоятельства вызывали недовольство у широких слоев польской общественности, а также и у передовой части граждан бывшего ВКЛ (шляхты, духовенства, студенчества), и наряду с постоянными нарушениями «либеральной конституции» российского императора Александра I стали серьезными предпосылками для начала освободительной борьбы. В любом случае, народ Речи Посполитой не мог смириться с тем, что его Отечество захвачено и разделено [19, с. 39; 15, с. 24; 16, с. 20; 8, с. 90].

В конечном итоге 29 ноября 1830 года в Варшаве началось национально-освободительное восстание. В тот день, вечером, группа из 18-ти человек совершила неудачное покушение на наместника императора в Королевстве Польском цесаревича Константина Павловича. Петр Высоцкий поднял на восста-

ние школу подпрапорщиков – отряд из 160-ти лиц направился в казармы русских и польских полков. Однако высшие польские офицеры первоначально не поддержали восставших. И только младшее офицерство вывело на улицы столицы свои роты, чем спасло восстание. К ним присоединились горожане, а затем и полки войск, генералитет, аристократия [16, с. 45].

Спустя некоторое время наместник императора сдал повстанцам все крепости, военные арсеналы и покинул пределы Королевства. Польские земли охватила революция [6, с. 8]. Оценка действий Константина сегодня – дискуссионный вопрос. Ведь, как полагали многие очевидцы Варшавских событий, у цесаревича имелись возможности подавить мятеж в «зародыше» [1, с. 27; 5, с. 173].

Известие о начале вооруженного выступления в Варшаве поступило в Санкт-Петербург в первых числах декабря 1831 года. Российское командование незамедлительно приняло меры по мобилизации своей армии и сосредоточило ее в одном месте. Главнокомандующим действующей армией был назначен граф, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский. С целью нераспространения крамолы 13 декабря 1830 года в Минской, Гродненской, Виленской губерниях, Белостокской области, а также Волынской и Подольской губерниях вводилось военное положение. Эти территории передавались в подчинение графу И.И. Дибичу-Забалканскому. Таким образом, их население попадало под юрисдикцию военно-полевых законов [19, с. 43].

В последующем русским, вопреки расчетам, вследствие серьезного отпора противника не удалось разгромить польскую армию «одним ударом», в результате война приняла затяжной характер [6, с. 133].

Жесткие полицейские меры, принятые царским правлением для предотвращения распространения восстания, не смогли помешать революционному порыву многих патриотов. При поддержке эмиссаров из Варшавы для подготовки и руководства восстанием в белорусско-литовских землях в январе 1831 года был создан Виленский Центральный комитет. В различные районы направились его представители, в том числе в Минщину и Витебщину. В феврале Центральный комитет принял решение начать выступление в Виленской губернии, поскольку эта область слабо охранялась российской армией. В то время ее основные силы находились в Белостоке, Гродно, Минске и Слониме. Однако время шло, а Комитет в Вильно приказа о начале военных действий не отдавал [19, с. 44; 16, с. 62].

Тяготы русско-польской войны, возложенные российским военным командованием на население белорусско-литовских земель, вызывали у него все большее недовольство. В особенности угнетались крестьяне. Наряду с многочисленными реквизициями, наблюдались и факты злоупотреблений полномочиями со стороны военных. К примеру, в марте 1831 года в районе Слонима татарский полк нанес серьезный вред крестьянским хозяйствам, в то же время в Слонимском уезде полному опустошению подверглось усадьба помещика Н. Михайловского (имение Льняники). Подобный случай был зафиксирован и в Свислочи, где ограбили местного священника [19, с. 45]. Непростая ситуация сложилась в Жмуди [14, с. 221].

Наконец, 26 марта 1831 года повстанческие отряды, состоящие из крестьян и шляхты, напали на город Россиены Виленской губернии. Они обезоружили небольшую российскую команду и овладели населенным пунктом. Захваченная территория включалась в состав возрождавшегося Королевства Польского. Населению гарантировались свобода и равенство, зафиксированные в Статуте ВКЛ 1588 года [16, с. 63].

Это событие стало своего рода сигналом к всеобщему выступлению. За считанные дни восстание охватило Виленщину [6, с. 261]. Патриоты под предводительством Кароля Залусского всерьез начали готовиться к штурму недостаточно защищенного губернского центра. Однако захват Вильно по ряду обстоятельств, и в первую очередь из-за недостаточной военной подготовки, не был осуществлен [13, с. 19; 3, с. 62; 6, с. 263]. В то же время отрезанный от театра военных действий Виленский комитет не смог руководить ходом восстания, повстанцы каждого уезда действовали обособленно [19, с. 46]. Организующей силой выступала шляхта, она же и составляла основной костяк формирований [20, с. 192]. Среди шляхты находилось немало бывших офицеров времен наполеоновских войн [19, с. 45].

В Ворнах был устроен оружейный завод. Помощь свинцом и порохом оказывали пруссаки [6, с. 138].

Освободительная борьба затронула и Гродненскую губернию. Подготовка к восстанию здесь велась с января 1831 года. Тайная координирующая организация была основана в губернском городе. Концентрация в этом крае имперских войск не позволяла развернуть широкую борьбу за освобождение, подобно той, которая развернулась в Виленской губернии [16, с. 84].

Вооруженное выступление в Виленской губернии явилось большой проблемой для действующей российской армии, которая в результате оказалась практически неспособной вести военные действия с противником в Королевстве Польском. Фельдмаршалу И. Дибичу-Забалканскому пришлось бросить в «Литву» крупные формирования. С целью локализации опасных очагов и скорейшего подавления восстания в апреле 1831 года была создана многотысячная резервная армия под командованием генерала от инфантерии Петра Александровича Толстого с подчинением ему Витебской, Могилевской и Минской губерний, а в июне – Виленской, Гродненской губернии и Белостокской области [7, с. 277].

Первым крупным поражением повстанцев стал Ошмянский бой, который произошел 16 апреля. В этот день казаки полковника Верзилина, направленного с отрядом в 1500 человек и 4-мя орудиями для

действий против ошмянских «инсургентов», откинули небольшой отдел защитников Ошмян, ворвались в этот город и учинили жестокую расправу над населением. Итогом «кровавых» событий стали жертвы более чем 350 человек [19, с. 48; 3, с. 50]. В 20-х числах того же месяца специальные карательные отряды под руководством опытных царских военачальников (Я. Отрощенко, Н. Сулимы, С. Хилкова и др.) поочередно приступили к подавлению восстания. К концу мая 1831 года Виленщина вместе со всеми важнейшими дорогами находилась под контролем российских войск, подчиненных незадолго графу П.А. Толстому [6, с. 270]. Освободительное движение потерпело серьезный удар, повстанцы лишились оружейного завода, поставок из Пруссии, немало из них погибло в боях. Но даже после этого многие патриоты продолжали вести партизанскую войну, и в будущем примкнули к польским регулярным войскам [13, с. 22].

В то время как на территории упомянутой губернии восстание пошло на спад, его новые серьезные очаги возникли в Дисненском уезде Минской губернии. К середине мая 1831 года в этом месте сосредоточились крупные силы из различных уездов, примерно 6 тысяч человек. В конечном итоге, после ряда неудачных боев, 16 мая повстанцы объединились в Лужках. Ввиду подхода значительных российских войск они приняли решение об отступлении. В целях отвлечения внимания военного противника, провели удачный маневр (в Лепельский уезд выступил отряд в 1200 человек, который впоследствии был разбит), что позволило их значительной части (2000 чел.) успешно отступить в Виленскую губернию [16, с. 82; 6, с. 271].

Непростая для россиян ситуация сложилась в Беловежской пуще. Эта местность стала основной базой и убежищем для восставших Гродненщины. В середине апреля в пущу перебрались члены тайного комитета. Военным руководителем избрали капитана Яна Жилинского, гражданская власть закрепилась за Каролем Немцевичем [16, с. 85]. Формирования повстанцев оставались немногочисленными, также не хватало опытных предводителей, вооружения. В мае патриоты перешли к активной партизанской войне, нападали на небольшие отряды и транспорты, почты и т.п. Российскому командованию, вопреки предпринимаемым серьезным попыткам, не удавалось ликвидировать противника [14, с. 225; 6, с. 273].

До момента создания специальных следственных комиссий, жестокие расправы над белорусскими и литовскими бунтовщиками осуществляли военно-полевые суды [16, с. 157; 18, с. 112; 22, с. 122].

На начальном этапе освободительной борьбы, руководство восставшей «Польши» не оказывало военной поддержки «литвинам» (жителям ВКЛ). Некоторые шаги навстречу «занеманским братьям» начали делаться с февраля месяца, а с апреля Национальное правительство осуществляло попытки направить в «Литву» армейские части. Изначально, в силу ряда причин, осуществить задуманное не удавалось. Впоследствии это сумел сделать талантливый генерал, бывший адъютант Наполеона, Дезидерий Хлаповский [19, с. 53], который 23 мая во главе 100 офицеров и унтер-офицеров военных инструкторов, 100 стрельцов и 1 уланского полка, при 2 конных орудиях вступил в Беловежскую пущу, а вскоре – в Гродненщину. Задачей польского командира было пересечь границу Королевства Польского и оказать помощь повстанцам Виленской губернии [12, с. 357].

Барон Д. Хлаповский 27 мая вошел на территорию Волковысского уезда. По пути ему удалось перехватить посыльного, следовавшего из Слонима в Белосток. Командир сделал довольно необычный для военного времени поступок – он направил гонца обратно с письмом, в котором предлагал находившейся в то время в Белостоке вместе с супругом Константином Павловичем княгине Жанетте Ловицкой (сестра жены Дезидерия) встречу. По вполне понятным причинам эта встреча в конечном итоге не состоялась, и в ближайшем времени цесаревич вместе со своей больной холерой супругой спешно покинули город [16, с. 88]. Судьба великого князя Константина, наместника императора Николая I в Королевстве Польском и негласно на землях бывшего ВКЛ, талантливого военачальника, закончилась трагически. В середине июня 1831 года он мучительно умер от холеры в Витебске [9, с. 155].

Весной – летом 1831 года эта страшная болезнь свирепствовала в России. Она унесла многие людские жизни. От холеры скончался и российский генерал-фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский [10, с. 353].

Генерал Д. Хлаповский продолжал продвигаться вглубь белорусских земель, проявляя свой блестящий полководческий талант, постоянно вводя в заблуждение противника относительно своего дальнейшего маршрута следования, активно распространяя неверные слухи о том, что якобы его отряд является всего лишь арьергардом польского корпуса. На своем пути он брал в плен российских солдат и офицеров, присоединял к себе новые силы повстанцев, пополнял запасы оружия и трофеев [6, с. 275; 19, с. 54]. После победного боя 31 мая с российским Виленским пехотным полком под Лидой армия полководца насчитывала уже порядка 5000 тыс. человек и 6 орудий. В этот день его отдел разделился: одна часть – 2 тыс. повстанцев и 4 орудия (в основном кавалерия) – направилась через Радунь на Вильно, другая – 3 тыс. повстанцев и 2 орудия – на Мосты [16, с. 91]. В планы повстанческого генерала входила организация выступления в районе Припяти, то есть в далеком тылу российской армии [13, с. 42].

Подход польских регулярных войск способствовал активизации боевых действий повстанцев Беловежской пущи. Русские бросили в эту местность значительные военные части, которым, несмотря на упорное сопротивление, в первых числах июня удалось разбить неприятеля [6, с. 286].

В начале июня 1831 года генерал Дезидерий Хлаповский получил приказ присоединиться к прибывшему в Виленщину для поддержки «литвинов» 12-ти тысячному корпусу генералов Антония Гелгуда и Генрика Дембинского. В результате состоявшегося 10 июня объединения А. Гелгуд принял на себя командование всеми польскими войсками в белорусско-литовских землях [17, с. 105]. На следующий день было создано Временное повстанческое правительство, его полномочия распространялись на территорию бывшей Виленской губернии. Согласно инструкции, полученной из Варшавы, началось формирование «посполитого рушання». Мобилизация проходила быстрыми темпами [16, с. 91].

Недостаточно опытный главнокомандующий Антоний Гелгуд не получил конкретных инструкций к действиям от вышестоящего военного командования и обязался следовать советам генерала Г. Дембинского [12, с. 361]. Под влиянием различных мнений генералов своего корпуса он действовал нерешительно, рассредоточивал силы и не воспользовался благоприятной обстановкой для захвата слабо защищенного Вильно, вопреки убедительным советам барона Д. Хлаповского, у которого в середине июня в руках даже оказалась карта с диспозициями российских войск после оставления города. Занятие этой твердыни имел бы огромное стратегическое и политическое значение [13, с. 62; 6, с. 310]. Как свидетельствуют исторические описания, царские войска, оборонявшие столицу ВКЛ, сильно опасались своего противника [6, с. 311; 12, с. 365; 13, с. 62]. В доказательство можно привести и тот факт, что никто из их командующих не решался взять руководство обороной губернского центра на себя. Впоследствии это важное дело было доверено французскому инженеру генералу Теннеру, служившему в свое время при Наполеоне [2, с. 77]. Генерал Антоний Гелгуд также не осуществил и других стратегически важных на то время действий, обрекая повстанческое войско на неудачу. Тем временем российской армии удалось стянуть для обороны Вильно значительные подкрепления и укрепиться на подступах к городу, в частности на ключевой позиции – Понарских высотах. Предпринятый 19 июня штурм был запоздалым. В тот день, накануне военных действий, соотношение сил было следующим: 24 тыс. человек и 72 орудия удалось собрать русским у Вильно, из них противостояли Гелгуду 17 тыс. при 58 орудиях; их противник собрал в окрестностях города 20 тыс. повстанцев и более 30 орудий. Однако в бою приняло участие лишь немного более половины из них и около 30 орудий [12, с. 367].

В ходе боя повстанцы неправильно повели атаку, из-за рельефа местности не имели возможности эффективно использовать артиллерию, начали преждевременно отступать и потерпели поражение. В этом сражении негативным образом сказалось некомпетентное руководство командующего А. Гелгуда [6, с. 315]. Вместе с тем поляки, литовцы и белорусы шли в атаку с позитивным настроем, сражались мужественно и храбро. Это подтверждают описания события как польскими, так и российскими историками [12; 13; 6]. Потери союзных войск в жестоком бою у Понарских высот составили 2000 человек убитыми ранеными, пленными и дезертировавшими, к тому же в рядах начал наблюдаться упадок духа. В то же время у защитников города выбыло из строя не менее 400 человек [12, с. 370].

Как отмечал полковник В. Крестовский, поражение под Вильно, по сути, предрешило дальнейший ход восстания в белорусско-литовских землях [5, с. 221]. В течение нескольких дней командованию русской резервной армии удалось сосредоточить к городу крупные силы, тем самым обеспечив себе многократное превосходство над неприятелем, и начать масштабное наступление.

Не следует полагать, что после неудачного боя под столицей ВКЛ повстанцы потерпели полное поражение. Их генералы попытались овладеть стратегической инициативой – закрепиться за линией Ковно – Вилькомир и вербовать за ней новые значительные силы из местных уроженцев, и таким путем предполагалось перейти к позиционной войне. Этот смелый план был сорван частями русской резервной армии. Неудачной была и попытка командующего Антония Гелгуда осуществить общее отступление в Королевство Польское [12, с. 372]. Благодаря значительному численному превосходству, россиянам удавалось постоянно теснить отступавшего неприятеля, хотя окружить так и не удалось [11, с. 76].

В конечном итоге большая часть повстанцев перешла границу Пруссии и там сложила оружие. При переходе польским капитаном Стефаном Скульским выстрелом в грудь был убит генерал Антоний Гелгуд. Так этому изначально непримечательному офицеру удалось навсегда войти в историю [6, с. 327].

Тем временем польский генерал Генрик Дембинский вместе с отрядом в 4000 человек при 6 орудиях принял решение отступать в Королевство Польское. Командир хорошо осознавал всю сложность этого предприятия, так как в то время весь край был обложен царскими войсками. Осуществляя отступление, он рассчитывал на поддержку местного населения, и не ошибся. При подходе славного генерала, патриоты Гродненщины активизировали свою деятельность, многие из них примкнули к его отряду. В конечном итоге Г. Дембинский смог выполнить поставленную задачу – пересечь границу Царства, и в начале августа вступить в Варшаву [19, с. 57].

После отступления из белорусских уездов польской армии восстание на землях бывшего ВКЛ пошло на спад. В связи с его подавлением в августе была упразднена резервная армия графа П. А. Толстого [11, с. 76]. Отдельные очаги выступлений, продолжавшиеся до осени, уже не могли изменить общую ситуацию [16, с. 102].

В мае – июне 1831 года повстанческое движение распространилось и на некоторые южные уезды Минской губернии: Мозырский, Речицкий и Пинский. Однако здесь оно было менее масштабным, нежели в других районах, всего в этих районах действовали примерно 1300 чел. Отличился отряд из Пинского уезда под руководством поручика Тита Пусловского. В начале августа в его рядах насчитывалось около 1000 повстанцев. Формирование комплектовалась выходцами из Пинского, Слонимского, Кобринского и Новогрудского уездов. Тем не менее вооруженную борьбу патриотов в трех южных белорусских уездах жестко подавила царская армия [16, с. 100]. Некоторые повстанцы-белорусы вместе с отступившей польской армией оказались в Королевстве Польском. Часть из них приняла участие в работе общепольского сейма и Литовского комитета [16, с. 107]. Однако в то время ход истории было уже не изменить, 8 сентября 1831 года под упорным натиском превосходящих российских войск пала Варшава. Последние польские войска перешли границу Пруссии в начале октября; 21-го числа того же месяца русским сдалась последняя крепость Замостье [21, с. 28].

Заключение. Восстание 1830–1831 годов по своему характеру определяется как национально-освободительное. Этот эпизод белорусской истории – борьба сынов за вольность и веру – заслуживает уважения. Передавая часть граждан бывшей Речи Посполитой, в том числе и белорусов, с оружием в руках поднялась против большой несправедливости, обращенной против них, – унизительного захвата и раздела Отечества.

Причин поражения освободительной борьбы 1831 года в белорусско-литовских землях достаточно много. На начальном этапе – это недостаточное оказание поляками поддержки, отсутствие у повстанцев общего руководства, лидера, несогласованность их действий. Серьезным фактором стало военное превосходство царских войск.

Подход отряда генерала Дезидерия Хлаповского в 20-х числах мая способствовал активизации повстанческого движения. После вступления в «Литву» польского корпуса главной причиной военных неудач стала некомпетентность главнокомандующего Антония Гелгуда. Но оценивая его деятельность, напомним, что, будучи назначенным на эту должность, он не получил конкретных инструкций к действиям, и в то же время обязался следовать воле генерала Г. Дембинского, который в свою очередь не проявил себя как достойный и опытный командующий.

Существенным недостатком по большому счету была неспособность повстанческих предводителей привлечь на свою сторону крестьян, составлявших на то время абсолютное большинство населения Российской империи.

В свою очередь, для более опытной и подготовленной российской регулярной армии эта война не была простой. По этому поводу, анализируя письма Николая I к командующему резервной армией генералу П.А. Толстому, можно заметить обеспокоенность Государя. «Инсургенты», в противоположность россиянам, хорошо знали местность, имели повсюду информаторов и пользовались этим как значительным преимуществом.

Всего за весь период рассматриваемого восстания в нем приняло участие тем или иным способом в Королевстве Польском 140 тыс. человек, а вместе с землями бывшего ВКЛ общая цифра достигает 200 тыс.

Сложно подсчитать людские потери в ходе военных действий в белорусско-литовских землях. Со стороны повстанцев их количество предположительно исчисляется более чем несколькими тысячами. Значительно меньше российских солдат и офицеров погибли на полях боя, вместе с тем серьезный урон нанесла холера.

Национально-освободительное восстание 1830–1831 годов является составной частью в контексте общеевропейской истории. Те проблемы, которые впервые встали во время восстаний 1794 и 1830–1831 годов, оказали прямое влияние на дальнейшее развитие освободительного движения в Беларуси. Поэтому данная тема нуждается в глубоком исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов, Д.В. Записки партизана: воспоминания о польской войне 1831 года / Д.В. Давыдов // Рус. старина. – 1872. – Т. 6, № 7. – С. 1–38; Т. 6, № 10. – С. 309–390.
2. Chłapowski, D. Pamiętniki: [w 2 cz.] / D. Chłapowski. – Poznań: Nakładem synów, 1899. – Cz II: Wojna roku 1830–1831. – 126 s.
3. За вольнасць і веру: Ігнацій Клюкоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830–1831 гадоў / уклад., пер. на беларус. мову, уступ. арт., камент., паказ. В.В. Гарбачовай. – Мінск: Лімарыус, 2007. – 117 с.
4. Николай Павлович, имп. Письма к гр. П.А. Толстому, 1828–1831 гг. / имп. Николай Павлович // Рус. старина. – 1881. – Т. 31, № 8. – С. 547–568.
5. Крестовский, В. История Лейб-гвардии уланского его Величества полка / В. Крестовский. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – [10], 354, 176, X с.

6. Пузыревский, А.К. Польско-русская война 1831 г. / А.К. Пузыревский. – СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1886. – [2], XIII, 446, CCXVII с.
7. Кропотов, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк / Д.А. Кропотов. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1874. – 549 с.
8. Аскенази, Ш. Царство Польское, 1815–1830 гг. / Ш. Аскенази; пер. с пол. В. Высоцкого. – М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. – 167 с.
9. Русский биографический словарь: в 25 т. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. – 1995. – 708 с.
10. Русский биографический словарь: в 25 т. – Репр. воспр. – М.: Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 6: Дабелов – Дядьковский, 1996. – 748 с.
11. Русский биографический словарь: неопубл. материалы: в 8 т. / подгот. под наблюдением М.П. Лепехина. – М.: Аспект Пресс, 1997. – Т. 5: Тобизен – Тургенев. – 1999. – 303 с.
12. Tokarz, W. Wojna polsko-rosyjska, 1830 i 1831 / W. Tokarz. – Warszawa: Volumen, 1993. – 588 s.
13. A.Z. Wojna na Litwie w roku 1831 / A.Z. – Kraków: Skł. gł. w księg. G. Gebethnera i Spółki, 1913. – 124 s. Сосна, У.А.
14. Sokołowski, A. Dzieje powstania listopadowego, 1830–1831 / A. Sokołowski. – Repr. – wieden: Nakl. Fr. Bondego, 1997. – Poznan: Kurpisz, 2002. – 318 s.
15. Zajewski, W. Powstanie listopadowe, 1830–1831: polityka – wojna – dyplomacja / W. Zajewski. – Torun: Marszalek, 2002. – 333 s.
16. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2001. – 184 с.
17. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гадоў на Беларусі: біябліягр. слоўн. / В.В. Гарбачова. – Мінск: Беларус. дзярж. ун-т, 2004. – 398 с.
18. Радзюк, А. Дзейнасць гарадзенскай следчай камісіі 1831–1834 гг. / А. Радзюк // Гіст. альм. – 2008. – Т. 14. – С. 112–130.
19. Радзюк, А. Паўстанне 1830–1831 гг. на Гродзеншчыне: ход, задушэнне, наступствы / А. Радзюк // Беларус. гіст. зб. = Białorus. zeszyty hist. – 2010. – № 34. – С. 39–71.
20. «Польскае» паўстанне 1830–1831 гг. і беларускае сялянства / У.А. Сосна // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 191–197.
21. Лаўрэш, Л. Паўстанне 1830–1831 гг.: да 180-х угодкаў / Л. Лаўрэш // Лід. летапісец. – 2011. – № 4. – С. 18–28.
22. Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск: Гос. ин-т упр. и соц. технологий Белорус. гос. ун-та, 2009. – 351 с.

Поступила 28.06.2014

MILITARY ACTIONS IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN LANDS IN 1831

V. ZAITSEV

In the given article, its general characteristics used in their preparation of sources and literature. Discusses the basic premises of the beginning of the uprising of 1830–1831 in the Polish Kingdom and on the lands of the Grand Duchy of Lithuania, the preparation for an armed intervention in Vilno province, its beginning in March 1831, the response of the russian command. Considered the course of the military actions in the Belarusian-Lithuanian lands in April-August, including actions of the Russian reserve army P.A. Tolstogo, polish detachment of baron Desiderius Chlapowskiego, corps general Anthony Gelguda. Described the storming of Vilno in June 1831, defeat and retreat of the rebels of the belarusian and lithuanian lands. The author points out the reasons for the defeat of the uprising in the area under consideration, and provides some information on the number of its participants and losses on their part, gives an assessment of the activities of generals A. Gelguda and, G. Dembinskiego, and also emphasizes the importance of events 1830–1831, in Belarusian history.

УДК 27:303.446.4

АДАМ КИРКОР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХРИСТИАНСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

В.И. ТУБЕЛЕВИЧ
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

Анализируются взгляды белорусского историка Адама Киркора на положение христианских конфессий Великого Княжества Литовского. Предпринята попытка комплексного изучения данной проблематики в творчестве ученого, который, работая в различных государственных учреждениях, оставил значительный след в изучении конфессий христианства Княжества Литовского. К изучению вопросов по христианству Великого Княжества Литовского А.К. Киркор старался подходить объективно, при этом писал свои труды на польском и русском языках, что выгодно отличало его от других местных исследователей по данной проблематике. Творчество Киркора вызывало интерес как у историков белорусских губерний, так и центральных районов Российской империи. Рассматривается влияние деятельности исследователя на развитие научной мысли в 30–50-е годы XIX века.

Введение. В 30–50-е годы XIX века на территории белорусских и литовских земель происходили различные исторические события: восстание 1830–1831 годов, вызвавшее «разбор шляхты», закрытие Виленского университета в 1832 году, ликвидация брестской церковной унии в 1839 году. Все это негативно повлияло на развитие исторической науки белорусских и литовских земель.

Несмотря на данные обстоятельства, местные ученые продолжали заниматься изучением исторического прошлого своего отечества. Одной из изучаемых тем была история христианских конфессий Великого Княжества Литовского, так как религия сыграла большую роль в формировании и развитии этого государства. Центром научной и общественной жизни западных губерний был город Вильно, в котором жили и работали многие отечественные ученые того времени.

Одним из таких деятелей, внесших свой вклад в изучение отечественной истории, был Адам Карлович Киркор (1812–1886). Он родился в Могилевской губернии в небогатой шляхетской семье татарского происхождения [1, с. 228], учился в Могилевской гимназии, затем продолжил обучение во Второй Виленской гимназии. В Вильно он жил до 1868 года, где занимался историей, этнографией, археологией, а также издавал книги и работал в различных государственных и общественных учреждениях.

Научные работы Киркора по истории Великого Княжества Литовского в 40–50-е годы XIX века были связаны с его общественной и государственной деятельностью. В дальнейшем Адам Карлович жил за пределами белорусских и литовских земель, однако его научные интересы по-прежнему были связаны с изучением исторического прошлого данных территорий. Вершиной творчества А. Киркора стал фундаментальный труд об этнографии, истории и о культуре Литовского Полесья, включающий современные ему Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губернии, изданный в третьем томе «Живописная Россия» в 1882 году. Творческое наследие Адама Киркора вызвало немалый интерес в исторической науке, однако она его рассматривала в первую очередь как этнографа.

Основная часть. В данной работе анализируется такая малоизученная проблематика, как исследования Адама Карловича Киркора по истории христианских конфессий Великого Княжества Литовского. Для этого необходимо выяснить причины, побудившие обратиться его к этой теме, источники, которые он использовал в своих трудах, новые концепции, выдвинутые А. Киркором, и их аргументацию.

Российские исследователи творчества А.К. Киркора (Э. Вольтер и Н. Янчук) высказывали противоречивое мнение о его деятельности: «Как журналист и политик, подвергался сильным нападениям крайних партий польских и русских; как археолог-этнограф, он останется незабвенным в истории национального возрождения литовско-белорусского края» [2, с. 127].

Современные белорусские ученые (Д.В. Карев, Г.В. Киселев и другие) признают большие заслуги Киркора в изучении культуры Беларуси и формировании исторического сознания ее интеллигенции [3, с. 154].

В 1849–1854 годах А.К. Киркор работал секретарем Виленского губернского статистического комитета, целью которого являлся сбор информации о прошлом и настоящем хозяйства, населения и историко-бытовых особенностей Виленской губернии [3, с. 120]. В данном государственном учреждении Адам Карлович официально отвечал за историческое описание губернии и ее городов, но фактически занимался всеми его делами. С 1850 по 1854 год при непосредственном участии Адама Киркора статистический

комитет выпускал губернские «Памятные книжки», в которых размещались «богатые материалы по истории и статистике Виленщины, в том числе ее белорусских поветов» [1, с. 229].

В 1854 году Виленский губернский статистический комитет выпустил книгу «Черты из истории и жизни литовского народа» [4], в которой Адам Карлович поместил свои статьи «Литовские древности» [4, с. 7–20] и «Великий князь Витовт» [4, с. 21–53].

Во второй работе Киркор дал яркую и подробную характеристику деятельности одного из самых знаменитых правителей Великого Княжества Литовского. Исследователь считал, что князь Витовт уделял большое внимание вопросам христианства. Витовт с рождения был язычником, однако для достижения своих целей несколько раз крестился. Так, «у рыцарей он принял католическую веру из угождения, чтобы ближе сойтись с ними и заставить их действовать в свою пользу; затем принял православие, чтобы привлечь к себе подданных своего русского удела» [4, с. 27].

Третий раз он принял католичество в Кракове в 1386 году вместе с Ягайло, в надежде стать великим князем ВКЛ. Историк утверждал, что князь Витовт одинаково относился к католикам и православным, но занимался больше делами православной конфессии, так как представители католического вероисповедания составляли лишь незначительную часть населения Великого Княжества Литовского. Именно из-за стремления укрепить свое государство, по мнению А.К. Киркора, Витовт пошел на открытый конфликт с Московским митрополитом Фотием, образовав отдельную митрополию в Киеве.

Адам Киркор, характеризуя взаимоотношения между представителями различных конфессий, доказывал, что «католики с православными живут дружно, православные женятся на католичках, католички выходят за православных. Между ними братство, дружба; они и знать не хотят о законе Ягайлы, заставлявшем православных принимать католическую веру при вступлении в брак с католиками» [4, с. 48].

Киркор неоднократно подчеркивал, что религия была частью политики великого князя, который, желая расширить и укрепить Великое Княжество Литовское, поддерживал в нем толерантность и веротерпимость. В целом статья «Великий князь Витовт» была написана в восторженных тонах, историк явно идеализировал образ великого князя, не упоминая его недостатки. Однако эта работа вызвала сильную критику со стороны царских властей, так как в статье были такие «мысли и выражения, которых вообще нельзя признать уместными и приличными, особенно в книге, изданной, учрежденной от правительства местом и с разрешения начальства» [5, л. 1]. Было организовано целое расследование по данному делу, в результате которого Адам Карлович Киркор был уволен с занимаемой должности.

Несмотря на такие обстоятельства, его знания и организаторские умения в дальнейшем снова оказались востребованы. В 1855 году А.К. Киркор стал членом Виленской археологической комиссии, в которую вошли такие знаменитые историки, как Иосиф Крашевский, Михаил Балинский, Теодор Нарбут, Евстафий Тышкевич и другие. Также был создан музей древностей, в фонд которого Адам Карлович пожертвовал личную коллекцию предметов, добытых в результате археологических раскопок [6, s. 475].

Как и в Виленском губернском статистическом комитете, Киркор в археологической комиссии занимался многими важными делами. В 1858 году в честь приезда российского императора Александра II, была выпущена книга «В память пребывания государя императора Александра II в Вильно 6–7 сентября 1858 года» [7]. Основное место в ней отводилось разделу «Историко-статистические очерки города Вильно», который составил сам Адам Карлович Киркор. Материалы к этому разделу ученый взял из книг Михаила Балинского и Иосифа Крашевского. Это отчетливо прослеживается в описании положения христианских конфессий в Вильно. Историк подчеркнул, что Гедимин и Ольгерд в Вильно покровительствовали христианам. Во времена Ягайло значительная часть населения столицы ВКЛ уже исповедовала христианскую веру, поэтому «обращение язычников в христианскую веру не могло представлять Ягайле особенным препятствием, ибо – язычники в Вильне свыклись уже с христианством и их обрядами, свободно совершавшимися со времен Гедимина» [7, с. 25].

Особое внимание А.К. Киркор уделил распространению протестантизма во время правления Сигизмунда Августа. Адам Киркор соглашался с Иосифом Крашевским в том, что реформаторское учение распространялось среди высшей знати Княжества Литовского, в доказательство этому исследователь приводил такие знаменитые магнатские фамилии, как Радзивилы, Сапеги, Ходкевичи, Глебовичи и другие. Если во время правления Сигизмунда I предпринимались попытки ограничить проникновение протестантизма на территорию ВКЛ, то его сын Сигизмунд Август отличался особой терпимостью в вопросах веры, поэтому отказывался преследовать протестантов, несмотря на просьбы высшего духовенства католической церкви. Историк указал, что великий князь своею жалованною грамотою в 1563 году уравнял права православного дворянства с католическим. В результате исследователь сделал вывод о том, что во времена Сигизмунда Августа «верховная терпимость всех исповеданий сближала, упрочивала

связи и отношения. Умер Сигизмунд Август и все изменилось: братство заменилось враждою; терпимость – преследованиями, благоденствие – бедствиями» [7, с. 35].

Адам Киркор отметил, что при правлении Стефана Батория на территории Великого Княжества Литовского появился орден иезуитов, который сыграл неоднозначную роль в дальнейшей истории христианских конфессий ВКЛ. Историк считал, что религиозные распри во времена Сигизмунда III усилились, одной из важнейших причин этому стало подписание в 1596 году Брестской церковной унии, которая расколола православную конфессию на ее сторонников и противников. Позже Владислав IV предпринимал попытки уравнять в правах православных с католиками и униатами: «четырьмя конституциями 1635, 1638, 1641 и 1647 годов, даровал православным права и преимущества, равные с католиками и униатами» [7, с. 37], но, по мнению А.К. Киркора, религиозные противоречия в государстве не прекратились.

Работа «В память пребывания государя императора Александра II в Вильно 6–7 сентября 1858 года» была написана в хвалебных тонах по отношению к царю, что вызвало неоднозначную оценку среди местной интеллигенции. Следует отметить, что Киркор писал свои работы не только на польском, как большинство историков белорусских и литовских земель, но и на русском языке.

При написании своих трудов А.К. Киркор использовал разнообразные источники, он ссылался как на работы отечественных исследователей И. Даниловича, Т. Нарбута, М. Балинского, так и российских, среди которых следует отметить Н. Карамзина. В отличие от других местных ученых, он был более лоялен к царскому правительству и стремился идти на компромисс с российскими властями, что вызывало негативную реакцию со стороны виленского ученого общества.

Основной же сферой деятельности А.К. Киркора были археология и статистика, в более позднее время Киркор занялся этнографическими исследованиями. Его научные работы по археологии и этнографии представляли собой «капитальный труд; это труд черный, но в высшей степени полезный и необходимый, потому что на таком труде зиждется последующая наука» [8, с. 28].

Творчество данного исследователя сыграло значительную роль в общественной жизни белорусских и литовских земель в 30–40-е годы XIX века, а также повлияло на развитие исторической науки в Российской империи.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что Адам Карлович Киркор не писал специальных работ по истории христианства Великого Княжества Литовского, однако неоднократно обращался к данной тематике. Следовательно, по этому аспекту можно сделать ряд выводов:

1) Адам Киркор придерживался мнения большинства местных исследователей (Теодора Нарбута, Иосифа Крашевского, Михаила Балинского), которые отрицали межконфессиональные конфликты на территории Великого Княжества Литовского вплоть до конца правления Сигизмунда II, затем, не без участия новых правителей ВКЛ, в княжестве начались различные религиозные распри. Историю христианских конфессий Великого Княжества ученый рассматривал сквозь призму отношений светской власти к духовной. Киркор считал, что веротерпимость и толерантность были основой религиозной политики всех великих князей до правления Сигизмунда Августа;

2) межконфессиональные противоречия историк начал описывать лишь с правления Стефана Батория, когда на территории ВКЛ появился орден иезуитов, который активно стал вмешиваться в духовную жизнь общества, активно распространяя идеи католичества, а также после подписания Брестской церковной унии в 1596 году, в результате которой возникла новая конфессия – униатство. Приверженцы данной христианской конфессии впоследствии также способствовали распространению религиозных конфликтов. Однако Адам Киркор не считал, что конфликты на религиозной почве стали основной причиной упадка Великого Княжества Литовского, что пытались доказать такие российские историки, как Н.Г. Устрялов и М.О. Коялович. Следовательно, он не был сторонником идеи противостояния католической церкви в лице западноевропейской цивилизации с православной, то есть восточным миром.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кісялеў, Г.В. Кіркор / Г.В. Кісялеў // Асветнікі зямлі. Беларускай: Энцыкл. даведнік; рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 228–230.
2. Вольтер, Э. Киркор / Э. Вольтер // Энциклопедический словарь: в 82 т.; под ред. И.Е. Андреевского [и др.]. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. – Т. 29: Кекросин – Коайе. – С. 127.

3. Карев, Д.В. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х годов XX века в процессе генезиса и развития национально-исторического сознания блорусов и украинцев / Д.В. Карев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 312 с.
4. Черты из истории и жизни литовского народа / сост. Виленским губернским статистическим комитетом. – Вильно: Тип. Осипа Завадского, 1854. – 150 с.
5. Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). – Фонд 1290. – Оп. 1. – Д. 201. О привлечении к ответственности членов Виленского губернского статистического комитета за издание сборника «Черты из истории литовского народа», содержащего антикрепостнические и антирусские материалы.
6. Fainhauz, D. Kirkor Adam Honory / D. Fainhauz // Polski slównik biograficzny: w 62 t. / pod red. W. Konopczynskiego [i inn.]. – Wroclaw – Warszawa – Krakow: Nakl. Polskiej Akademii Nauk. – T. 12. – 1966–1967. – S. 475–478.
7. В память пребывания Государя Императора Александра II в Вильно 6–7 сентября 1858 г. / Изд. Виленской Археологической комиссией. – Вильно: Тип. Осипа Завадского, 1858. – 181 с.
8. Янчук, Н.А. А. К. Киркор. Краткий очерк жизни и деятельности / Н.А. Янчук. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. – 29 с.

Поступила 18.03.2014

ADAM KIRKOR AS AN EXPLORER OF CHRISTIANITY IN GRAND DUCHY OF ITHUANIA

V. TUBELEVICH

This article analyses the views of a native historian, Adam Karlovich Kirkor, on the position of Christian confessions of Grand Duchy of Lithuania. There has been made a complex study attempt of this range of problems in the scientist's creativity, who worked in various public offices and left a significant mark in exploring issues about Christianity confessions of Grand Duchy of Lithuania. Adam Kirkor tried to have an objective approach to the study of Christianity questions in Grand Duchy of Lithuania, but at the same time he wrote his works in both Polish and Russian language that made him compared favourably with other local researches on the issue. Consequently, the creativity of Adam Karlovich allowed to study not only among historians of Belorussian provinces, but also among scientists in central areas of Russian Empire. The paper also considers the influence of explorer's activity on development of scientific idea in 30s – 50s of the 19th century.

УДК 94(476)«1906/1918»

ТРУДОВИКИ И НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БЕЛАРУСИ 1906–1918 ГОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.С. МЕЛЬНИКОВА
(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Рассматривается историография общероссийских политических организаций – Трудовой группы, Народно-социалистической партии и возникшей на их основе Трудовой народно-социалистической партии – в региональном аспекте. Выделены основные этапы изучения деятельности трудовиков и народных социалистов в исторической науке. Особое внимание уделено исследованиям, в которых содержится анализ концептуальных основ политической практики Трудовой группы, Народно-социалистической партии и Трудовой народно-социалистической партии в общественно-политических процессах Беларуси в 1906–1918 годах. Показано, что, несмотря на наличие ряда работ, в которых рассматривается история трудовиков и народных социалистов, к настоящему времени не имеется комплексных исследований, посвященных их региональной деятельности, в том числе и на территории Беларуси. В связи с этим данная проблема является перспективной для научного изучения.

Введение. Динамика процессов модернизации и демократизации общественно-политической жизни современной Беларуси охватывает и партийную систему. Политические партии страны стремятся расширить масштаб и повысить уровень своей деятельности, укрепить позиции в качестве неотъемлемого атрибута демократического строя. С учетом сложности процесса формирования политических партий и длительного отсутствия практики многопартийности в советский период особое значение приобретает изучение опыта партийного строительства, имевшего место в России на рубеже XIX–XX веков, в состав которой входили и белорусские земли. Формирование многопартийной системы в начале прошлого столетия, как и становление политических партий современности, сопровождалось поиском долгосрочной стратегии государственного развития. В связи с этим целесообразным является изучение моделей политических и социально-экономических преобразований и путей их практической реализации, предлагавшихся политическими партиями того периода. Однако в Беларуси исследования по данной проблематике немногочисленны. Малоизученной является политическая практика в белорусских губерниях Трудовой группы (трудовики), Народно-социалистической партии (НСП, народные социалисты, энесы) и возникшей на их основе Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). Между тем историческое, философское и политико-правовое осмысление сохранившегося теоретико-практического наследия данных политических организаций показывает, что ряд их программных установок, поведенческая парадигма имеют право на признание и развитие в современных общественных реалиях Республики Беларусь.

Основная часть. В историографии Трудовой группы, НСП и ТНСП следует выделить три основных этапа: дореволюционный период (1906–1917 гг.); советский период (1917–1980-е гг.) и постсоветский (90-е гг. XX – начало XXI в.).

Одной из первых попыток осмысления политической истории страны в период первой российской революции явился пятитомник «Общественное движение в России в начале XX века», опубликованный в 1909–1914 годах [1]. В третьем томе сборника, посвященном анализу идеологии, стратегии и тактики главных российских политических партий и организаций, социал-демократ С.Н. Маслов (П. Маслов) попытался дать критическую оценку трудовикам и народным социалистам. В частности, автор затронул проблему их региональной деятельности в вышеобозначенный период, сделав вывод о том, что Трудовая группа упустила возможность «организации населения» в период работы I Государственной думы, а народные социалисты стали партией «без народа» по причине «узкого доктринерства» и «политической неопытности» [1, с. 146, 152].

В дореволюционный период была написана работа В.И. Ленина «Опыт классификации русских политических партий». Его оценка по отношению к трудовикам и энесам как «мелкобуржуазным» и «политически неустойчивым» политическим организациям стала впоследствии определяющей в советской историографии [2].

Несколько десятилетий после Октябрьской революции 1917 года основное внимание историков акцентировалось на доказательстве преимущества идеологии и тактики РСДРП(б) по сравнению с мелкобуржуазными партиями и организациями, которые в итоге потерпели политическое поражение. Под таким углом зрения рассматривалась деятельность трудовиков и народных социалистов в трудах В.В. Воровского, Е.А. Мороховца, Н.Н. Попова, С.Г. Томсинского [3].

В 60–70-х годах прошлого столетия были опубликованы работы, в которых исследователи, несмотря на сохранение идеологизированных подходов, проявляли интерес к истории Трудовой группы и НСП. К ним следует отнести труды В.В. Комина и Л.М. Спирина [4]. Данные авторы расширили границы истории трудовиков и народных социалистов до событий Октябрьской революции 1917 года, однако сделанные ими выводы об ошибочности политической идеологии и тактики трудовиков и энесов, которые привели в конечном итоге к кризису данных политических организаций, не были принципиально новыми для историографии того периода.

С конца 70-х годов XX века стали появляться отдельные исследования, посвященные истории трудовиков и народных социалистов. Данные труды представляют большой научный интерес, так как были написаны на основе ценных архивных и публицистических источников, а многие оценки, сделанные авторами, сохраняют актуальность и по сей день. Так, в 1979 году была издана монография Н.Д. Ерофеева «Народные социалисты в первой российской революции» – первый обстоятельный труд по деятельности НСП [5]. Основное внимание исследователя было сосредоточено на вопросах организационного оформления партии энесов, выработки ее программных установок, стратегии и тактики, взаимодействия с другими политическими организациями, в частности с Трудовой группой.

Значимый вклад в изучение истории Трудовой группы внесен историком Д.А. Колесниченко. На основе значительного комплекса источников исследователем впервые в советской историографии был всесторонне рассмотрен процесс создания и развития данной политической организации в период первой российской революции. Однако Д.А. Колесниченко не ставила задачей подробное освещение региональной практики Трудовой группы, поэтому сведения о деятельности трудовиков на местах, в том числе и на территории Беларуси, приводятся в ее работах лишь фрагментарно. Ученому принадлежит заслуга составления сводной таблицы о составе Трудовой группы в Государственной думе первого и второго созывов, в рамках биографических сведений о депутатах-трудовиках которой содержится информация о представителях Беларуси. Помимо этого, Д.А. Колесниченко исследованы вопросы, связанные с отдельными аспектами деятельности ТНСП, образованной в результате слияния трудовиков и энесов в июне 1917 г., и историографией трудовиков и народных социалистов [6].

В 1984 году вышел коллективный труд «Непролетарские партии России: Урок истории» под общей редакцией И.И. Минца [7], в котором среди прочих политических организаций было уделено внимание Трудовой группе и НСП. Издание расширяло представление о деятельности трудовиков и народных социалистов после первой российской революции, её рамками ограничивалось большинство исследований по данной проблеме.

Для изучения истории трудовиков и народных социалистов важны исследования, в которых уделяется внимание отдельным аспектам их программных установок. Национальному вопросу в идеологии и практической деятельности политических партий, в том числе трудовиков и народных социалистов, посвящена монография Т.Ю. Бурмистровой и В.С. Гусаковой. Историки пришли к выводу о том, что требования Трудовой группы и НСП по национальному вопросу принципиально не отличались от эсеровской национальной программы, представляя собой «эклектическое смешение принципов федерации и автономии» [8, с. 29].

Аграрные проекты Трудовой группы и НСП и меры по их реализации были рассмотрены в работах историков В.Н. Гинева, Е.В. Иллерицкой и В.И. Кострикина [9]. Данные исследователи внесли весомый вклад в разработку концепции о близости аграрных программ трудовиков и народных социалистов, несмотря на явную политизированность сделанных ими выводов.

Не вышли за рамки общепринятой в советской историографии трактовки истории непролетарских партий и авторы кандидатских диссертаций, посвященных истории ТНСП после февральских событий 1917 года, А.В. Лосева и В.Г. Смирнов. Концептуальную основу данных работ составила теория о кризисе или, по тогдашней терминологии, банкротстве партии к осени 1917 года, явившемся, по мнению исследователей, следствием несостоятельности ее идейно-политической доктрины, антидемократической сущности практической политической деятельности и изоляции от масс [10].

Следует отметить, что проблема деятельности общероссийских политических партий и организаций не была широко представлена в отечественной историографии в вышеуказанный период. В связи с этим даже фрагментарные сведения, содержащиеся в работах белорусских историков по данной теме, имеют большую значимость.

Изучением законотворческой и внедумской деятельности белорусских депутатов-трудовиков занимался К.И. Шабуня (монография «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг.»). Определив на основе богатого архивного материала и других источников степень участия представителей Трудовой группы от Беларуси в решении аграрного вопроса, автор оценил трудовиков как выразителей интересов мелкобуржуазной массы, «вынужденной условиями жизни стать на решительную борьбу против помещичьего землевладения и старой государственной власти» [11, с. 357]. Особо следует выделить монографию М.А. Мартюховой, в которой на фоне общественно-политической жизни Белару-

си в период избирательной кампании и работы Государственной думы первого созыва показана думская деятельность белорусских депутатов-трудовиков [12].

Сведения об участии народных социалистов в работе уездных и губернских крестьянских съездов на территории белорусских губерний после Февральской революции 1917 года содержатся в монографическом исследовании И.М. Игнатенко «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии» [13]. Отрывочно останавливаясь на позициях энесов по насущным вопросам, в том числе и аграрному, автор констатировал отсутствие у партии поддержки со стороны крестьянского населения Беларуси.

Участию трудовиков и народных социалистов в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси фрагментарно уделено внимание в монографии П.К. Башко [14].

В целом можно отметить, что в 70–80-е годы XX века границы изучения истории Трудовой группы и НСП существенно расширились.

Постсоветский период ознаменовался пересмотром ранее существовавших подходов к оценке деятельности политических партий и организаций России начала XX века, что значительно повысило интерес исследователей к данной проблематике. При этом следует отметить, что основная роль в изучении различных аспектов идеологии, стратегии и тактики трудовиков и народных социалистов на различных исторических этапах до сегодняшнего дня принадлежит российским ученым.

Попыткой переосмысления истории народных социалистов явились статьи Г.С. Аноприевой и Н.Д. Ерофеева, Л.Г. Протасова и О.Л. Протасовой, кандидатская диссертация А.А. Панюкова. Исследователи пришли к выводу о том, что народные социалисты не являлись псевдосоциалистами, как было принято считать в советской науке. Продолжил исследовательскую работу по проблеме партии народных социалистов Н.Д. Ерофеев. В коллективном труде «Политическая история России в партиях и лицах» представлен переосмысленный подход ученого к истории НСП [15]. Вывод Н.Д. Ерофеева о том, что энесы были наиболее умеренной общероссийской социалистической партией, прочно закрепился в современной историографии.

Плодотворно в области изучения НСП работает российский историк А.В. Сыпченко, который уделяет внимание и региональным аспектам партийной деятельности [16].

Идеология и политическая практика трудовиков на общегосударственном и региональном уровнях изучаются Е.В. Белоглазовым, О.Л. Кияшко, В.В. Мельниковым [17].

Нельзя также не отметить работы, в которых история трудовиков и народных социалистов рассматривается опосредованно на фоне изучения значимых исторических событий начала прошлого столетия. Так, деятельность Трудовой группы и партии народных социалистов затрагивается в работах, посвященных исследованию феномена российского парламентаризма. К их числу относятся монографии И.К. Кирьянова, В.А. Козбаненко, В.Г. Кошкидько, Р.А. Циунчука [18]. При этом в работе Р.А. Циунчука «Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения» рассматриваются некоторые аспекты думской деятельности белорусских представителей Трудовой группы.

Тактика политических партий и организаций, в том числе народных социалистов, в период подготовки и проведения выборов во Всероссийское Учредительное собрание, а также их результаты в столице и провинции освещены в монографии Л.Г. Протасова. Важный вклад в изучение проблемы участия ТНСП в избирательной кампании на территории Беларуси внесли историки А.А. Урбанович, А.А. Воробьев [19].

Специфика общественно-политической борьбы в белорусских губерниях в ходе избирательных кампаний и деятельности Государственной думы раскрыта в исследовании Н.М. Забавского. Ученым уточнено представительство депутатов от Беларуси в думских фракциях, в том числе и Трудовой группе, проанализированы их позиции по ряду вопросов, рассматриваемых в Думе. Отдельную статью Н.М. Забавский посвятил трудовикам в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [20].

Некоторое внимание Трудовой группе и участию в ее деятельности депутатов от белорусских губерний в Государственной думе уделено в трехтомном сборнике «Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзен». Авторами отмечается значительная популярность Трудовой группы среди белорусского крестьянства, воспринимавшейся «борцом» за крестьянские интересы, но при этом подчеркивается непоследовательность трудовиков в вопросах программы и тактики [21, с. 349, 360].

Актуализации научно-исследовательского интереса к истории НСП способствует публикация В.К. Коршуком ее программы с вступительным комментарием ученого [22].

Отдельные аспекты программы и тактики трудовиков и народных социалистов рассматриваются в монографии П.И. Бригадина, посвященной обстоятельному изучению деятельности эсеровской партии на территории Беларуси с конца XIX века до февраля 1917 года. Историк отмечает участие эсеровской партии в разработке аграрной программы Трудовой группы, акцентируя внимание на разногласиях эсеров и трудовиков по вопросу об условиях наделения крестьян землей [23, с. 108].

Изучению национального вопроса в программах и деятельности неонароднических партий посвящена монография В.Е. Козлякова «Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX века – конец 20-х годов (На материалах России, Беларуси, Украины)». В рамках исследования автор остановил-

ся на трактовке национальных проблем в программных воззрениях Трудовой группы и НСП, выявив наличие разногласий в данном вопросе между двумя партиями накануне объединения. Изучение позиций лидеров объединенной ТНСП по национальному вопросу привело историка к выводу о том, что в целом их подход был близок к кадетскому [24, с. 89].

В исследовании Н.Е. Семенчика рассматривается деятельность политических партий и организаций на территории Беларуси в 1917 году, в том числе трудовиков и энесов [25].

Отдельные представители ТНСП уделили значительное внимание вопросу политического самоопределения Беларуси в условиях Октябрьской революции 1917 года, выразив свой концептуальный подход к его решению в декларациях и деятельности БОК. В связи с этим важное значение для изучения проблемы представляют исследования Н.С. Сташкевича, И.М. Игнатенко, В.Ф. Ладысева, П.И. Бригадина, В.В. Скалабана, С.С. Рудовича, В.А. Круталевича, В.Ф. Гигина, В.К. Коршука, Р.П. Платонова, И.Ф. Романовского, Е.Г. Богданович, посвященные проблеме становления белорусской государственности [26].

Труды зарубежных историков Р. Пайпса, Э. Карра, Дж. Боффа по истории революционных событий и преобразований российской общественно-политической и экономической жизни начала XX века помогают расширить концептуальные рамки исследования, глубже осмыслить роль в них политических партий, в том числе трудовиков и энесов [27].

Заключение. Обзор историографии Трудовой группы, НСП и ТНСП показывает, что, несмотря на существование ряда работ, в которых рассматривается история данных политических организаций, к настоящему времени не имеется комплексных исследований, посвященных их региональной деятельности, в том числе и на территории Беларуси.

Таким образом, данная проблема представляет особый интерес для современных историков, так как всестороннее изучение деятельности политических партий и организаций России начала прошлого столетия на общегосударственном и региональном уровнях позволяет не только глубже понять сущность общественно-политической жизни данного периода, установить истоки и значение партийного строительства, но также использовать накопленный опыт в условиях современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общественное движение в России в начале XX века: в 5 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1909–1914. – Т. 3. Кн. 5: Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. – 643 с.
2. Ленин, В.И. Опыт классификации русских политических партий / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1960. – Т. 14. – С. 21–27.
3. Воровский, В.В. Избранные произведения о первой русской революции / В.В. Воровский. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. – 399 с.; Мороховец, Е.А. Аграрные программы российских политических партий в 1917 г. / Е.А. Мороховец. – Л.: Прибой, 1929. – 168 с.; Попов, Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии / Н.Н. Попов. – М.: Изд-во «Красная новь», 1924. – 120 с.; Томсинский, С.Г. Борьба классов и партий в 1-й Государственной думе / С.Г. Томсинский. – Ростов н/Д: Изд-во «Буревестник», 1924. – 103 с.
4. Комин, В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России: факульт. курс лекций для студентов ист. ф-та пед. ин-та / В.В. Комин. – Калинин: Калинин. гос. пед. ин-т, 1970. – Ч. 1: (1900 – июнь 1917 гг.). – 277 с.; Спирин, Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1977. – 366 с.
5. Ерофеев, Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции / Н.Д. Ерофеев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 192 с.
6. Колесниченко, Д.А. Возникновение и деятельность «Трудовой группы» / Д.А. Колесниченко // История СССР. – 1967. – № 4. – С. 76–89; Колесниченко, Д.А. К вопросу о политической эволюции трудовиков в 1906 г. / Д.А. Колесниченко; гл. ред. А.М. Самсонов; Ин-т ист. АН СССР // Исторические записки. – М.: Наука, 1973. – Т. 92. – С. 84–108; Колесниченко, Д.А. Народные социалисты и Трудовая группа в освещении советской историографии 70-х годов / Д.А. Колесниченко // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конф.; под общ. ред. И.И. Минца. – М.: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1982. – С. 174–181; Колесниченко, Д.А. Трудовая народно-социалистическая партия: Некоторые вопросы программы и тактики / Д.А. Колесниченко // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы Гражданской войны: материалы науч. симпоз.; под общ. ред. И.И. Минца; АН СССР. – М.: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1980. – С. 116–124; Колесниченко, Д.А. Трудовики в период первой российской революции / Д.А. Колесниченко; отв. ред. С.В. Тютюкин. – М.: Наука, 1985. – 320 с.; Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: сводная таблица членов фракции / авт.-сост. Д.А. Колесниченко; отв. ред. В.В. Шелохаев; АН СССР, Ин-т ист. СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1988. – 123 с.

7. Непролетарские партии России: урок истории / под общ. ред. И.И. Минца. – М.: Мысль, 1984. – 566 с.
8. Бурмистрова, Т.Ю. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России (1905–1917 гг.) / Т.Ю. Бурмистрова, В.С. Гусакова. – М.: Мысль, 1976. – 262 с.
9. Гинев, В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: к истории банкротства неонародничества / В.Н. Гинев; под ред. Р.Ш. Ганелина; АН СССР; Ин-т истории. – Л.: Наука, 1977. – 295 с.; Гинев, В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902–1914 гг. / В.Н. Гинев; под ред. Р.Ш. Ганелина; АН СССР; Ин-т ист. СССР. – Л.: Наука, 1983. – 335 с.; Иллерицкая, Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России / Е.В. Иллерицкая; под ред. И.И. Минца; АН СССР; Ин-т ист. – М.: Наука, 1981. – 166 с.; Кострикин, В.И. Земельные комитеты в 1917 г. / В.И. Кострикин; АН СССР. – М.: Наука, 1975. – 336 с.
10. Лосева, А.В. Банкротство Трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917–1922 г.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Лосева. – М., 1979. – 229 с.; Смирнов, В.Г. Борьба большевиков против партии народных социалистов в 1917 г.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.01 / В.Г. Смирнов; Ленингр. высш. парт. шк. – Л., 1981. – 19 с.
11. Шабуня, К.И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К.И. Шабуня; под ред. Т.С. Горбунова. – Минск: Изд-во М-ва высш., средн. спец. и проф. образов. БССР, 1962. – 435 с.
12. Мартюхова, М.А. На переломе революции: общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / М.А. Мартюхова; под ред. Т.Е. Солодкова; АН БССР; Ин-т ист. – Минск: Наука и техника, 1986. – 141 с.
13. Игнатенко, И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И.М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1986. – 344 с.
14. Башко, П.К. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Белоруссии (март – октябрь 1917 г.) / П.К. Башко; под ред. И.М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1987. – 253 с.
15. Аноприева, Г.С. Народные социалисты / Г.С. Аноприева // Кентавр. – 1995. – № 1. – С. 20–34; Протасов, Л. Народные социалисты / Л. Протасов, О. Протасова // Родина. – 1994. – № 10. – С. 76–81; Панюков, А.А. Народно-социалистическая партия России и её роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Панюков. – Орёл, 1999. – 211 с.; Ерофеев, Н.Д. Народные социалисты / Н.Д. Ерофеев // Политическая история России в партиях и лицах / сост. В.В. Шелохаев [и др.]. – М., 1994. – С. 74–92.
16. Сыпченко, А.В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. / А.В. Сыпченко. – М.: РОССПЭН, 1999. – 247 с.; Сыпченко, А.В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика / А.В. Сыпченко. – Самара: Изд-во СГПУ, 2004. – 516 с.
17. Белоглазов, Е.В. Трудовая группа и её деятельность в условиях Февральской революции в России: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Белоглазов. – М., 1994. – 207 с.; Кияшко, О.Л. Трудовая группа в Государственной думе (1906–1917): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Л. Кияшко; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 1999. – 20 с.; Мельников, В.В. Партия эсеров и трудовики на этапе буржуазно-демократических революций 1905–1907 и 1917 гг. в Ставропольской губернии и Терской области: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Мельников; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь, 1999. – 19 с.
18. Кирьянов, И.К. Российский парламентаризм начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве / И.К. Кирьянов. – Пермь: Пермское книж. изд-во, 2006. – 368 с.; Козбаненко, В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России, 1906–1907 / В.А. Козбаненко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – 238, [1] с.; Кошкидько, В.Г. Представительная власть в России: Формирование и функционирование (1905–1907 гг.) / В.Г. Кошкидько; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М. Изд-во «Университетский гуманит. лицей», 2000. – 232 с.; Циунчук, Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения / Р.А. Циунчук. – Казань: Фэн, 2004. – 416 с.
19. Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели / Л.Г. Протасов. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 368 с.; Урбанович, А.А. Тактика политических партий Белоруссии в период подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание (март 1917 – январь 1918 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Урбанович. – Минск, 1993. – 245 с.; Воробьев, А.А. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Беларуси и соседних российских губерний / А.А. Воробьев. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 208 с.
20. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лёсах Беларусі (1906–1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск: БДПУ, 2008. – 267 с.; Забаўскі, М. Трудавікі / М. Забаўскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск, 2001. – Т. 6, кн. 1. – С. 523–524.

21. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абезгаўз [і інш.]; пад рэд. В.П. Панюціча. – 552 с.
22. Программа Трудовой (народно-социалистической) партии / подгот. к печ. В.К. Коршук; авт. предисл. В.К. Коршук // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 1993. – № 2. – С. 59–63.
23. Бригадин, П.И. Эсеры в Беларуси (конец XIX в. – февраль 1917 г.) / П.И. Бригадин. – Минск: «Згода», 1994. – 152 с.
24. Козляков, В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины) / В.Е. Козляков. – Минск: БГТУ, 2001. – 246 с.
25. Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М.Я. Сяменчык. – Мінск: Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, 2001. – Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – 199 с.; Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. / М.Я. Сяменчык. – Мінск: Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, 2001. – Ч. 2: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – 158 с.
26. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925 гг.) / Н.С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.; Игнатенко, И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии / И.М. Игнатенко; АН РБ; Ин-т ист. – Минск: Наука и техника, 1992. – 254 с.; Ладысеў, У.Ф. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У.Ф. Ладысеў, П.І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 2003. – 307 с.; Скалабан, В. «Хай ведаюць патомкі…». Алесь Гарун – дэлегат і гісторык Усебеларускага з' езда 1917 г. / Віталь Скалабан // Роднае слова. – 1997. – № 8. – С. 195–207; Рудовіч, С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск: Тэхналогія, 2001. – 201 с.; Круталевич, В.А. Рождение Белорусской Советской Республики. (На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 – декабрь 1918 г.) / В.А. Круталевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 336 с.; Гигин, В. Могла ли состояться БССР в 1917 году? / В. Гигин // Беларус. думка. – 2009. – № 12. – С. 62–71; Государственность Беларуси: Проблемы формирования в программах политических партий / В.К. Коршук [и др.]; под общ. ред. В.К. Коршука. – Минск: БГУ, 1999. – 188 с.
27. Пайпс, Р. Русская революция: в 3 т. / Р. Пайпс; пер. с англ. Н.Д. Тименчика. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. – Т. 1: Агония старого режима. – 399 с.; Карр, Э. История Советской России: в 14 т. / Э. Карр; пер. с англ. З.П. Вольской, О.В. Захарова, Н.Н. Кольцова; предисл. А.П. Ненарокова. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1, т. 1, 2: Большевистская революция. 1917–1923. – 768 с.; Боффа, Дж. История Советского Союза: в 2 т. / Дж. Боффа. – М.: Междунар. отношения, 1994. – Т. 1: От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941. – 700 с.

Поступила 12.05.2014

THE TRUDOVIKI AND NATIONAL SOCIALISTS IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF BELARUS (1906–1918): HISTORIOGRAPHY ASPECT

A. MELNIKOVA

In the article the historiography of the all-Russian political organizations – the Labour group, the National socialist party and arisen on their basis the Labor national socialist party – in regional aspect is examined. The author highlights the main stages in studying the activityof the Labournationalsocialists in historic science. Special attention is paid to the research works which contain the analysis of the conceptual basis of the Labour group, the National socialist party and the Labour national socialist party practicein the political processes of Belarus in 1906–1918. In conclusion, the author notes that, despite the existence of a number of works in which the history of the trudoviki and national socialists is examined, so far there are no complex researches devoted to their regional activity, including the territory of Belarus. In this regard, the problem has prospects of scientific studying.

УДК 94(476)«1914/1917»

ОТНОШЕНИЕ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ К ВЛАСТИ В 1914–1917 ГОДАХ

Е.В. КУЛАБУХОВА
(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Рассматриваются вопросы, связанные с отношением священнослужителей белорусских губерний к власти на протяжении второго десятилетия XX века. Анализируются изменения во взаимоотношениях белорусского православного духовенства с правительством на протяжении нескольких лет, начиная с 1914 и заканчивая 1917 годом. Обоснованно делается вывод о том, что до февральских событий 1917 года белорусские православные священно- и церковнослужители поддерживали существующий государственный строй и выступали в защиту самодержавия. Однако религиозный вопрос в общественной жизни государства оставался нерешенным. После прихода к власти Временного правительства престиж Российской православной церкви стремительно падал, а после прихода к власти большевиков и вовсе на территории белорусских губерний начался процесс расцерквления и секуляризации.

Введение. Российская империя вступила в XX век с рядом нерешенных проблем, которые стали причиной нарастающего кризиса в обществе. В начале XX века Российская православная церковь (далее – РПЦ) оставалась частью государственного механизма и представляла собой многочисленную и разветвленную организацию. Духовенство было полностью интегрировано в самодержавную систему власти. Белорусские православные священно- и церковнослужители, как и прежде, несмотря на некоторые разногласия с правительством, во всем поддерживали Николая II вплоть до последнего дня его царствования.

Основная часть. В годы Первой мировой войны, когда после недолгого затишья в стране обстановка вновь накалилась, служители церкви напомнили народу о том, что нельзя терять веру в царя и в Бога. Они с самого начала пытались оправдать войну авторитетом религии, проповедуя о том, что война – наказание божье за грехи, за «шатание умов, за неуважение к вере, за отход от религии», что в войне совершается суд божий над народами мира. По словам православного духовенства, война является грозой, очищающей русскую землю и воспитывающей в народе «величие духа». В церквах совершались всенародные моления «о даровании победы российским воинам». Рабочим и крестьянам предлагалось оставить «взаимные несогласия» и сплотиться вокруг царского престола и церкви [1, с. 151, 152]. Подобная тенденция проявилась в это время и в действиях белорусских православных священнослужителей.

Особенно усилилась церковная пропаганда в связи с неудачами на фронте и затяжным характером войны. Оправдывая царское правительство, не подготовившееся к войне, священники проповедовали, что успех в войне зависит не от оружия и боеприпасов, а лишь от «божьей помощи» [1, с. 156].

С начала войны значительно активизировалась деятельность военного духовенства, основная обязанность которого заключалась в том, чтобы «возвышать дух армии». В воинских частях читались проповеди об обязанностях солдат во время войны, давались советы, как, не щадя своей жизни, служить «верой и правдой» царю [1, с. 154–155]. Защищая царское правительство и оправдывая мировую войну, представители церкви вели также систематическую борьбу с «внутренним врагом» – революционной социал-демократией [1, с. 153]. Отношение православных священнослужителей на территории белорусских земель к большевистской партии в последующем становилось все более негативным по причине атеистической политики, проводимой большевиками [2, с. 77].

После свержения в России абсолютной монархии власть в стране перешла в руки Временного правительства. Революционные события февраля–марта 1917 года иерархи РПЦ встретили неоднозначно. С момента обнародования Высочайших «Актов» Николая II и вел. кн. Михаила Александровича (2 и 3 марта) до появления 6 марта первой официальной реакции Св. Синода на революционные события большинство архиереев не спешило выявлять свои политические симпатии [3, с. 109]. В начале священнослужители различных конфессий выжидали, пытаясь понять, сможет или нет вернуться Россия к монархии. Когда же убедились, что этот возврат невозможен, попытались определиться в своем отношении к новой власти. Быстрее с этим вопросом разобрались представители православия, которых отречение Николая II от престола освободило от необходимости хранить верность монарху. Представители РПЦ совершали молебны по поводу решения Временного правительства вести Первую мировую войну до победного конца, а также по поводу других действий новой власти.

Эта же тенденция нашла свое выражение и в Северо-Западном крае. Факты свидетельствуют о том, что православное духовенство оказывало сильное воздействие на население белорусских губерний. Так, крестьяне Столинской, Теребежовской и Плотницкой волостей Пинского уезда Минской губернии горячо приветствовали Временное правительство и молили Бога о даровании побед русской армии. Крестьяне Жу-

ховичской волости Новогрудского уезда той же губернии единодушно подчинились Временному правительству и уже 15 марта 1917 года пожертвовали на победу в войне одну тысячу рублей [2, с. 76].

В определении № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.» Синод 6 марта 1917 года распорядился отслужить во всех церквах молебны возглашением многолетия «богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея»: «Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви, выслушав состоявшийся 2 марта 1917 года акт об отречении Государя императора Николая II за себя и сына от престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной власти и состоявшийся 3 марта 1917 года акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия Верховной власти впредь до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского, ПРИКАЗАЛИ: Означенные акты принять к сведению и исполнению и объявить во всех православных храмах, в городских – в первый по получению текста сих актов день, а в сельских – в первый воскресный или праздничный день, после Божественной литургии, с совершением молебствия Господу Богу об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой Державе Российской и Благовременному Правительству ее» [4, л. 2а; 5, с. 14].

Временное правительство в проповедях и воззваниях иерархов объявлялось как «Богом данное», правящее «с Божией всесильной помощью». Показательно содержание молитвы, составленной по инициативе епископа Витебского Кириона (Садзегелли) в первой половине марта для чтения во всех церквах Полоцкой епархии. Он призвал свою паству молиться с помощи Божией в «созидательной работе нового, облегченного доверием народа правительства», для «увенчания успехом» трудов новой власти. Причем в проповеди Кириона, прозвучавшей в кафедральном соборе Витебска, содержались едва ли не восторженные чувства о произведенном государственном перевороте, а Государственной думе объявлялась «честь и слава» за то, что та взяла власть в стране в свои руки. Его проповедническое обращение завершалось следующими словами: «Провозглашаю от чистого сердца: «Да здравствует Временное Правительство!» [3, с. 110, 114].

Из речи епископа Полоцкого и Витебского Кириона (Садзегелли) в кафедральном соборе Витебска 5 марта 1917 г.: «…Христолюбивое воинство, пастыри церкви и граждане… Сплотимся в один великий союз около Временного правительства, исполняя для блага нашей священной родины все его распоряжения. Да поможет нам сам Бог Своею всесильною благодатию в это тяжелое время исполнить верно святую свою обязанность. Помолимся же усердно о мире всего мира и о благосостоянии всех учреждений государственных; да поможет Он Временному правительству увенчать успехом свои труды. Провозглашаю от чистого сердца: «Да здравствует Временное Правительство» [5, с. 11].

Приветствия, молитвенные пожелания успехов и благополучия были высказаны Временному правительству в телеграммах, посланных 3–6 марта на имя председателя правительства князя Г.Е. Львова, председателя Государственной думы М.В. Родзянко и обер-прокурора Св. Синода в. Н. Львова от архиереев нескольких епархий, в частности Полоцкой и Могилевской [3, с. 111]. Телеграмма Родзянко, посланная епископом Полоцким и Витебским Кирионом (Садзегелли) от 5 марта 1917 г.: «5 марта отслужена литургия и молебен о даровании Временному правительству силы к скорейшему восстановлению государственного общественного порядка в дорогой отчизне. Да здравствует Временное правительство» [5, с. 126; 6, л. 8]. Из речи архиепископа Могилевского и Мстиславского Константина (Булычева) в кафедральном соборе Могилева от 8 марта 1917 г.: «…Власть перешла теперь в руки нового правительства. Новые правители высказывают теперь желания и обещания приложить все силы на служение благу народному. Да благословит Господь их труды и да даст им силы вывести наше дорогое отечество на путь славы, счастья и благоденствия. …каждый из нас должен исполнять обязанности того звания и служения, которое он носит, честно: не за страх, а за совесть, памятуя об ответе перед Богом и долге перед Родиной… Вознесем же усердную молитву ко Господе, да укрепит Он силы нового правительства и всех граждан в их трудах для возвеличения дорогой всем нами России…» [5, с. 24].

Таким образом, к 9 марта революция уже оценивалась Св. Синодом как «свершившаяся воля Божия», что подтверждается словами из послания Синода «К верным чадам Православной Российской Церкви» от 9 марта 1917 г.: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути… Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устроения» [5, с. 27–28; 7, л. 75–75 об.].

Политическая позиция епископата в период Февральской революции послужила одним из важных факторов, решивших судьбу монархии. Как видим из всего вышеизложенного, весной 1917 года епископат активно способствовал признанию новой власти в центре и на местах, призывая к этому и духовенство своих епархий, которое в свою очередь влияло на сознание многомиллионной паствы. Призывы к признанию Временного правительства, спокойствию и созидательному труду побуждали народ к повиновению новой власти, способствовали формированию у него положительного отношения к свержению династии Романовых, что обусловливало их политическую переориентацию [3, с. 112, 119; 8, с. 88].

Признание епископатом новой власти происходило на фоне и под влиянием массового революционного настроя, охватившего с первых чисел марта 1917 года население страны. В те дни монархические идеи были крайне непопулярны, и государственный переворот воспринимался как насущная необходимость для спасения Российской империи. В проповедях епископата весной 1917 года часто звучали слова о том, что Церковь не связана неразрывно с определенной формой государственного правления, и что для церковной молитвы безразлична форма государственного строя, поскольку «нет власти не от Бога: существующие же власти от Бога установлены». Отсюда иногда делалось заключение едва ли не о богоустановленности Временного правительства, а осуществленный политический переворот получал церковную санкцию. За этим стояло стремление иерархов разъяснить духовенству и пастве, что царская власть лишь внешне связана с церковной и не имеет к ней прямого отношения. Подтверждением тому является факт, что ни в одном из известных официальных документов Церкви, выпущенных весной и летом 1917 года, ни Николай II, ни кто-либо из российских императоров не именовались помазанниками Божиими. В качестве основных факторов, которые привели Российскую империю к Февральской революции и перемене государственного строя, иерархи выдвигали «неисповедимый Промысел Божий», проявление «Божественной воли» или свершившийся «суд Божий» за «порабощение» Церкви императорской властью и препятствия к восстановлению патриаршества [3, с. 110, 113].

В целом проповедь российского епископата весной и летом 1917 года была направлена на умиротворение народа: звучали призывы к братолюбию, к установлению государственного и общественного порядка, к подчинению Временному правительству как законной власти. В проповедях едва ли не всех архиереев говорилось о необходимости мобилизации всех граждан страны для победы над внешним врагом – Германией. Проповеди перекликались с содержанием общих и частных обращений и воззваний, выпущенных Временным правительством весной 1917 года: к армии и флоту, к офицерам и солдатам, к жителям деревни, к помещикам, земледельцам и проч. В них содержались призывы всемерно поддерживать фронт, строго соблюдать рабочую и воинскую дисциплину, говорилось о необходимости сплочения всего общества вокруг правительства с целью доведения войны до победы. Отстаивание рубежей России отождествлялось с защитой гражданских свобод и нового строя государственной жизни, а поражение на фронте – с возвратом к прежнему старому порядку. Таким образом, в главных положениях обращения к народу духовных властей и светского правительства совпадали [3, с. 114, 115].

Факт, свидетельствующий о том, что в подавляющем большинстве церковные иерархи занимали умеренную позицию к свержению самодержавия, подтверждается тем, что епископат принимал участие в своеобразных заменителях народных восстаний против старого режима, именуемых «праздниками революции» и проходивших в марте 1917 года по всей стране. Во многих городах, в частности в Минске, Витебске, службы в честь «праздника освобождения России» возглавляли местные архиереи. Эти службы проходили в кафедральных соборах и на городских площадях. Зачастую во время «праздников революции» граждане присягали на верность государству Российскому и новой власти с участием духовенства (так, служители алтаря подавали православной пастве для целования крест и Евангелие) [3, с. 116; 8, с. 71]. То, что светские власти отводили православному духовенству заметную роль в революционных праздниках, подтверждается признанием властью значительного влияния духовенства на массовое сознание населения, а также поддержкой этой власти самими священнослужителями. Проведение в эти дни торжественных публичных богослужений с участием архиереев и многочисленных священно- и церковнослужителей свидетельствует не только о наличии определенной политизации весной 1917 года церковной жизни, но и о стремлении духовенства занять достойное для себя место в новой социально-политической обстановке [3, с. 117; 8, с. 77].

Быстрый переход духовенства на сторону новой власти (совершившийся буквально в первых числах марта 1917 г.), участие священнослужителей в торжествах по поводу свержения монархии и их «опьянение» свободой историки объясняют четырьмя факторами. Первый – это недовольство архиереев своим «порабощенным» положением в стране: духовенство с начала XX века постепенно становилось в оппозицию к царской власти, стремясь освободиться от государственного надзора и опеки, желая получить возможность самоуправления. Это освобождение связывалось со свержением царской власти, о чем весной и летом 1917 года духовенство признавалось как в устных проповедях, так и в церковной периодической печати. В частности, утверждалось, что демократическая форма правления в отличие от самодержавной дает более благоприятные условия развития церковной жизни. Второй фактор – желание духовенства подчеркнуть свое единство с паствой с целью усилить свои позиции в будущей политической системе государства. В третью очередь влияло вполне искреннее чувство радости по поводу наступления долгожданных церковных и гражданских «свобод», декларированных Временным правительством. И наконец, четвертый – страх перед возможными преследованиями: объявление кем-либо своей оппозиционности могло иметь следствием отстранение священника от прихода, а архиерея – от кафедры. К тому же на политическую переориентацию отдельных представителей епископата в течение первых дней и недель весны 1917 года влиял и страх перед революционными событиями [3, с. 118; 8, с. 87].

Во внутрицерковной жизни весной и летом резко обозначился кризис. Высшая иерархия стремительно теряла власть над священниками. Святой Синод получил от епархиальных архиереев множество жалоб на падение на местах церковной дисциплины. Епископы докладывали, что приходские священнослужители прекратили сдавать в консисторские кассы деньги, необходимые на епархиальные нужды. Соответственно, резко снизились и перечисления средств Синоду. Падение церковной дисциплины проявилось и в том, что в рассматриваемый промежуток времени местные епархиальные съезды духовенства нередко низлагали или предпринимали попытки низложить своих правящих архиереев. Во многих областях среди духовенства организовывались различные обновленческие союзы, в своих программах ставившие целью не только либерализацию религиозной жизни и проведение коренных преобразований церковного строя, но и захват власти в епархиях. Вследствие этого иерархи стали переходить в оппозицию революции. Они начали связывать свои надежды на восстановление внутрицерковной дисциплины, если не с сильной властью в стране, то с установлением «церковного монархизма» – патриаршества [3, с. 119; 8, с. 88–89].

Революционные иллюзии духовенства стали рассеиваться вместе с наступлением общего разочарования граждан Российской империи в политике Временного правительства. В июле – августе 1917 года в проповедях епархиальных архиереев зазвучали тревожные ноты о грядущих судьбах Российской империи, ее народа и православной церкви. К этому периоду стала очевидна неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы и удерживать страну от нарастающей анархии и хаоса [3, с. 119; 8, с. 88]. В связи с этим усилилась контрреволюционная агитация духовенства, особенно во время корниловского мятежа. Не остались в стороне от контрреволюционного заговора Корнилова и церковные деятели. В июле 1917 года после долгожданного определения Св. Синода, утвердившего «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви», начал работу Поместный собор, участники которого в дни подготовки и проведения корниловского мятежа обратились к широким массам с воззванием о поддержке контрреволюции. «Не время колебаться, – писали они в своем обращении к народу, – преступно всякое малодушие и колебание» [1, с. 167]. Однако вопреки ожиданиям белорусских православных священно- и церковнослужителей, Собор не выдвинул вперед религиозный вопрос в общественной жизни, не отвлек народные массы от революции, от решения назревших социально-экономических и политических вопросов. Ни предотвратить, ни отсрочить новую революцию Собор был не в состоянии, хотя и стал одним из центров сплочения ее противников [9, с. 430]. Необходимо отметить, что в августе – октябре 1917 года в адрес Поместного собора поступило несколько писем, в которых отразилось смятение в умах мирян, вызванное отречением Николая II. Они выражали страх гнева Божьего за свержение монархии, фактическое отвержение православными помазанника Божия и предлагали объявить личность Николая II неприкосновенной, вступиться за находящегося в заточении государя и его семью, соблюдать грамоту Земского собора 1613 года о верности народа династии Романовых. Авторы писем осуждали пастырей за их фактическое предательство царя в февральско-мартовские дни и за приветствование различных «свобод», приведших Россию к анархии. Священнослужителей РПЦ они призывали к покаянию за оказанную поддержку свержения монархии. Некоторые обращения содержали просьбы освободить народ от прежней присяги[1] на верность императору. От этого, по мнению авторов писем, над народом Российской империи тяготел грех клятвопреступления. Православные просили церковную власть снять со своей совести этот грех. Но несмотря на продолжительное время своей работы, Собор не отозвался на эти письма: протоколы его заседаний никаких сведений об этом не содержат [10, с. 53].

Накануне победы большевиков престиж РПЦ был особенно низким. Этому способствовал ряд факторов: шла неудачная кровавая война, особенно тяжким бременем ложившаяся на деревню; простые солдаты оставались в неведении смысла войны и не понимали, почему духовенство поддерживает войну. Кроме этого, Временное правительство, стремясь создать из волостных и земельных комитетов опорные пункты борьбы с революционной деревней, содействовало избранию в них помимо помещиков и кулаков представителей духовенства. На это часто жаловались в письмах в местные Советы крестьяне, а также рабочие и солдаты, сохранившие связь с деревней. Так, солдаты 301-го Бобруйского полка М. Тимошенко и П. Незнайко писали о контрреволюционной агитации духовенства в селе Люшевская-Салтановская Могилевской губернии: «Тяжело, дорогие товарищи, читать письма из деревни, народ весь темный, а священники этим пользуются. Выбранные состоят исключительно из помещиков и их сыновей, всех их поставил священник и волостной старшина, а народ их вовсе не выбирал. Некоторые крестьяне просят всю эту буржуазию сместить, а на их место поставить солдат» [1, с. 165–166]. Поэтому вместе с антивоенными росли и антицерковные настроения. Падению авторитета Церкви способствовала и антигосударственная и антицерковная пропаганда левых партий [11, с. 215]. На территории белорусских губерний процесс расцерквления, секуляризации социальной жизни усугублялся тем, что значительная часть местного дворянства была полонизирована и поэтому враждебно настроена к РПЦ [12, с. 9].

[1] В марте 1917 года Синод распорядился приводить паству к присяге Временному правительству без освобождения паствы от присяги, принесенной ранее императору

Заключение. Белорусские православные священно- и церковнослужители до прихода к власти Временного правительства весной 1917 года поддерживали существующий государственный строй и выступали в защиту самодержавия, призывая сплотиться «вокруг царского престола и церкви». Однако после революционных событий февраля – марта 1917 года, убедившись в невозможности возврата Российской империи к монархии, белорусское православное духовенство поддержало Временное правительство, объявив его в проповедях и воззваниях как «Богом данное», оказав тем самым сильное воздействие в пользу нового правительства на население белорусских губерний. Когда стала очевидна неспособность Временного правительства проводить необходимые реформы в стране, усилилась контрреволюционная агитация духовенства. И несмотря на то, что в июле 1917 года был созван Поместный собор, религиозный вопрос в общественной жизни государства остался нерешенным. Накануне победы большевиков, доверие к РПЦ было подорвано, что явилось одной из причин процесса расцерквления и секуляризации на территории белорусских губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грекулов, Е.Ф. Церковь, самодержавие, народ (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е.Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1969. – 184 с.
2. Воробьев, А.А. Отношение священнослужителей белорусских губерний к власти в 1917 г. / А.А. Воробьев, В.Н. Афанасьев // Религия и общество-3: сб. науч. тр. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. – С. 76–78.
3. Бабкин, М.А. Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (весна, 1917 год) / М.А. Бабкин // Отечественная история. – 2005. – № 3. – С. 109–124.
4. Российский государственный архив (РГИА). – Фонд 796. – Канцелярия Святейшего Синода. – Оп. 209. – Д. 2832. Определение Св. синода № 1207 «Об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.». 6 марта 1917 г.
5. Бабкин, М.А. Русская православная церковь и Февральская революция 1917 года. Политический архив XX века / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2004. – № 2. – С. 3–28.
6. РГИА. – Фонд 1278. – Государственная дума. – Оп. 5. – Д. 1292. Телеграмма Родзянко, посланная епископом Полоцким и Витебским Кирионом (Садзегелли). 5 марта 1917 г.
7. РГИА. – Фонд 796. – Канцелярия Святейшего Синода. – Оп. 209. – Д. 2832. Из послания Св. синода РПЦ «К верным чадам Православной Российской Церкви». 9 марта 1917 г.
8. Бабкин, М.А. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России (Участие духовенства в революционных торжествах) / М.А. Бабкин // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. – 2006. – № 1. – С. 70–90.
9. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
10. Бабкин, М.А. Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы / М.А. Бабкин // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 52–61.
11. Поспеловский, Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д.В. Поспеловский. – М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 408 с.
12. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы по истории Минской епархии (1917–1939 годы). – Минск: МФЦП. – 2007. – 240 с.

Поступила 14.04.2014

ATTITUDE BELARUSIAN PROVINCES CLERICS TO POWER DURING 1914–1917

E. KULABUHOVA

This article discusses issues related to the attitude of the clergy Belarusian provinces to power for the second decade of the XX century. Analyzed changes in the relationships of the Belarusian Orthodox clergy with the government for several years, starting from 1914 and ending with the year 1917. Author rightly concludes that before the events of February 1917 the Belarusian Orthodox clergymen and church supported the existing state system and advocated autocracy. However, the religious question in the public life of the state remained unresolved. After coming to power of the Provisional Government of the Russian Orthodox Church's prestige plummeted, and after the Bolsheviks came to power, and all the territory of Belarusian provinces began the process of secularization.

УДК 94 (476.5)«1914/1918»

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИТЕБСКОГО КОМИТЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ГОРОДОВ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ (1914 – НАЧАЛО 1918 ГОДА)

В.В. ВАСИЛЕНКО
(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

Исследуется деятельность Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в белорусских губерниях Российской империи в период Первой мировой войны. На примере Витебской губернии на основе новых, ранее не публикуемых документальных источников рассматриваются основные направления деятельности губернского комитета Союза городов в 1914 – начале 1918 года. Впервые приводятся сведения о составе губернского комитета. Рассматриваются и характеризуются основные санитарно-медицинские мероприятия, проводимые комитетом в Витебске и губернии. Приводятся данные о количестве оборудованных коек в медицинских учреждениях, созданных комитетом, о деятельности врачебно-питательного пункта для воинов в Витебске. В представленном материале также рассматривается работа по оказанию помощи беженцам. Кроме этого уделяется внимание деятельности комитета по организации помощи воинам инвалидам и русским военнопленным.

Введение. С началом Первой мировой войны общественные силы Российской империи приняли активное участие в организации всесторонней помощи действующей армии на фронте и в тылу. Важными направлениями работы были: оказание помощи больным и раненым воинам, организация санитарно-медицинских учреждений, снабжение армии всем необходимым, помощь семьям призванных на войну и погибших, всестороннее оказание помощи беженцам.

В первую очередь эти вопросы на местах пришлось решать городским органам самоуправления. Масштабы предстоящей работы были огромны. Для эффективной организации работы, координации своих действий городским самоуправлениям необходимо было объединить свои усилия. Идея объединения работы городов России была высказана 18 июля 1914 года на чрезвычайном собрании Московской Городской Думы. Здесь была создана специальная комиссия для выработки плана по объединению работы городов России. От её имени были посланы в городские управления запросы, в каких формах те предполагают принять участие в оказании помощи больным и раненым воинам. Затем последовало предложение объединиться городам России в общую организацию. Многие городские управления это поддержали. Решено было созвать съезд городских голов, на котором создать союз городов России. Съезд состоялся 8–9 августа 1914 года в Москве, на который прибыли 76 человек. На съезде было оформлено создание Всероссийского союза городов (ВСГ). Съезд выработал общую систему организации союза, избрал Временный комитет с главноуполномоченным. Следующий съезд решено было созвать в сентябре. Он проходил 14–15 сентября 1914 года [1, с. 3–5, 7, 9–10].

Официально деятельность союза была разрешена после доклада министра МВД и разрешения Николая II [2, л. 102–об. 102].

На съезде городских голов 14–15 сентября союз был оформлен организационно. Были избраны его руководящие и исполнительные органы. Исполнительными органами были: Главноуполномоченный, которым был избран М.В. Челноков, его заместитель, Главный комитет (ГК), Исполнительное бюро, областные комитеты. В Главном комитете создавались отделы по направлениям деятельности союза: врачебно-санитарный, эвакуации, справочный, хирургии и бактериологии, по заготовке медикаментов и перевязочных средств, по заготовке материалов и белья, санитарно-технический, санитарных поездов, питательных пунктов и другие. Всего 21 отдел [1, с. 34–41]. В губерниях создавались губернские комитеты ВСГ.

В программе союза были намечены основные задачи:

1) содействие городам по оборудованию и содержанию недостающего числа кроватей;
2) расселение (размещение) по округам и создание областных организаций и осведомительных бюро;
3) оборудование собственных санитарных поездов;
4) устройство разборочных платформ и распределительных пунктов;
5) устройство питательных пунктов;
6) устройство центральных складов перевязочных средств, медикаментов и медицинских инструментов, а также белья и тёплых вещей (полушубков, валенок и шапок), устройство отдельных центральных складов и распределительных пунктов;
7) снабжение городов медицинским персоналом;
8) устройство сборов пожертвований в кассу общегородского фонда (уличных однодневных сборов и прочее), устройство спектаклей, концертов и лекций в городах в пользу общегородского фонда и в связи с этим организации артистического бюро при союзе [3, л. 5а].

Основная часть. Создание Всероссийского союза городов было поддержано белорусскими городами. Одним из первых откликнулся Витебск. 16 августа 1914 года от Главноуполномоченного в адрес городского головы Витебска было послано уведомление о создании союза. В нём он просил уведомить ГК о присоединении или неприсоединении Витебска к союзу. Если город выражал согласие, то необходимо было провести съезд губернских городов и местечек для согласования деятельности. Также следовало наладить и согласовать свою работу с земством губернии [3, л. об. 13].

На заседании городской думы 27 августа гласные приняли решение о присоединении к Союзу городов. Они избрали двух представителей от Витебской думы для участия в предстоящем съезде в сентябре. Дума предложила в сентябре созвать съезд городских голов и мещанских старост. Дума ассигновала на помощь больным и раненым воинам Союзу городов 5000 р. [4, с. 194].

Города и местечки Витебской губернии присоединились к союзу. Но комитеты были созданы не везде. На 1 марта 1916 года они открылись только в Витебске, Двинске и Невеле [5, с. 22–23, 28, 51].

Съезд городских голов и мещанских старост прошёл 3 сентября. На нём обсуждались вопросы по оборудованию лазаретов и госпиталей для больных и раненых воинов. С отчётами о предполагаемой и проделанной работе выступили представители населённых пунктов губернии. Городской голова Двинска доложил о возможности оборудования в городе 37 лазаретов на 7770 человек. Решено также оборудовать в городе заразный лазарет на 60 коек. В планах оборудовать в Двинске 40 военных госпиталей. Полоцкий голова сообщил, что в городе оборудовано 9 госпиталей по 210 коек в каждом. Представитель от Городокской управы сообщил, что госпиталь в городе содержать не могут, а могут оборудовать только лазарет на 50 коек. Староста местечка Креславка сообщил, что есть возможность оборудовать в Креславке госпиталь на 1000 мест. От местечка Усвяты поступило 300 руб. ассигнований, так как возможности открыть госпиталь из-за отсутствия помещения не было. Такая же ситуация сложилась в Бешенковичах и Люцине, которые выделили 225 и 200 р. ассигнований [6, л. об. 41, 42, 43–об. 43, 44]. Ассигнования в пользу ВСГ были выделены городами и местечками губернии: Полоцком – 1000 р., Себежем – 1000 р., Дриссой – 300 р., Велижем – 200 р., Суражом – 200 р., Креславкой – 500 р., Усвятами – 300 р., Бешенковичами – 275 р., Яновичами – 40 р., Прелями – 50 р., Невелем – 200 р., Городонью – 500 р., Чашниками – 200 р., Люцином – 300 р., Вышками – 35 р., Ильиным – 50 р. [3, л. 88].

Практическую работу Витебский Комитет ВСГ фактически начал 15 октября. На заседании председателем комитета был избран В.Е. Литевский, его заместителем – Б.А. Белыницкий-Бируля. Членами комитета стали: В.В. Федорович, Д.К. Веглин, К.А. Шишко, А.Ф. Стырикович, М.Л. Ползик, П.И. Синеоков [7, л. 31]. К 1 марта 1916 года состав членов комитета изменился. Из комитета выбыл М.Л. Ползик, а вошли В.П. Бомас, П.Ф. Косов, Ф.Е. Стурницкий [5, с. 22–23].

22 октября 1914 года на заседании Витебского Комитета был разработан план работы. Намечено было построить заразные бараки на 250 мест, построить механическую прачечную, дезинфекционную камеру, оборудовать распределительный госпиталь и организовать дополнительный ассенизационный обоз [7, л. 31].

Работа по оборудования лазаретов и госпиталей для больных и раненых воинов в Витебской губернии шла быстро. К 15 ноября 1914 года число оборудованных коек всех типов, общих, заразных в лечебных заведениях в городах Витебской губернии было: в Витебске 226 коек, Невеле – 20, Двинске – 60 [8, с. 25]. К 1 апреля 1915 года в губернии медицинские учреждения, контролируемые Союзом городов, работали: в Витебске госпиталь на 40 коек еврейского общества, общественный госпиталь на 30 коек, городской заразный лазарет на 25 и заразный госпиталь на 250 мест; в Невеле работал госпиталь на 20 коек. Всего было оборудовано 365 коек различного назначения [9, с. 42]. В Двинске был оборудован заразный госпиталь на 310 коек [3, л. об. 107]. Госпитали в Витебске и Двинске создавались как госпитали-заслоны. В такие госпитали поступали заразные больные с фронта. Госпитали-заслоны создавались на крупных узловых железнодорожных станциях, в местах массового скопления войск и беженцев. Цель госпиталей – не дать проникнуть в тыл армии и внутренние губернии России заразным болезням. План по их созданию и схема размещения были разработаны Союзом городов и Земским союзом в конце 1914 – начале 1915 года [10, с. 131–132].

На устройство медицинских учреждений средства в основном выделялись Союзом городов. Сумма, которая была отпущена Витебской губернии на устройство коек в медицинских учреждениях, к 15 августа 1915 года – 123429 р. 91 к. На содержание всех оборудованных коек было израсходовано 61887 р. 97 к. [11, с. 23–24].

Больных и раненых с фронта эвакуировали военно-санитарными поездами. В санитарных поездах не представлялось возможным качественно устроить питание воинов. На этапе эвакуации на промежуточных станциях, где оказывалась временная медицинская помощь, нужно было накормить воинов. Появилось много просьб в городах о помощи в организации питания. Поэтому Союзом городов стали создаваться врачебно-питательные пункты. Ещё 21 августа 1914 года в заседании ГК ВСГ был поднят вопрос о созда-

нии специального отдела, который ведал бы питательной деятельностью союза. Такой отдел был создан. 27 августа Исполнительное бюро ВСГ одобрило схему обустройства питательных пунктов для военных по железным дорогам московского узла, предложенную Н.М. Кишкиным. Также комитет признал, что необходимо быстро организовать питание военных на узловых станциях Киева, Минска, Вильно. Затем следовало организовать питание по пути от этих станций в направлении Москвы и Петрограда [12, с. 64–65]. В Витебске как узловой станции, через которую следовало много больных и раненых воинов, был устроен врачебно-питательный пункт. С начала работы пункта по 1 августа 1915 года питание здесь получили 77514 больных и раненых воинов [11, с. 28]. В Невеле был организован и работал бесплатный городской питательный пункт Всероссийского союза городов [13, л. 76]. При врачебно-питательных пунктах по заранее разработанному плану устраивались склады белья и одежды. Задача их заключалась в снабжении различными видами белья и одежды больных и раненых воинов в поездах, а также больных и раненых при высадках, которые окажутся поблизости в пределах питательных пунктов и будут нуждаться в белье и одежде. Такие склады были устроены при пунктах в Витебске и Двинске [12, с. 78–79].

С началом войны русское общество не осталось в стороне от помощи армии, и многие стали жертвовать в пользу армии, кто что мог, – от денег до простых вещей. Союз городов занимался приёмом таких пожертвований для больных и раненых воинов. Местные комитеты тоже принимали их от всех граждан. В ноябре – декабре 1914 года различными лицами в Витебский губернский комитет ВСГ для помощи армии были пожертвованы вещи. Это были куртки, жилетки, носки, варежки, башлыки, набрюшники, рубашки, полотенца, шарфы, перчатки, напульсники, фуфайки, штаны, шерстяные шлемы, табак, чай, спички, писчая бумага. Все эти вещи были отправлены 29 декабря 1914 года воинам 25 пехотной дивизии [14, л. 19]. В июле 1915 года неизвестным лицом был пожертвован фунт махорки для больных и раненых воинов Витебского заразного госпиталя, который был передан старшему врачу госпиталя [15, л. 422].

С началом боевых действий появилась проблема беженцев. Особенно остро она проявилась с отступлением армии из польских губерний летом 1915 года. Число выселенцев и вынужденных переселенцев достигло нескольких миллионов человек, которым нужно было оказать всевозможную помощь и организовать их эвакуацию. Власти не были готовы к такому развороту событий и не смогли своевременно организовать помощь. Этими вопросы стали заниматься Земский союз и Союз городов.

Витебский Комитет союза городов организовывал помощь беженцам. Первые беженцы прибыли в Витебск 4 февраля 1915 года. Их было около 1000 человек. Городская управа не имела возможности быстро разместить столько человек. Беженцев разместили в бараках, построенных комитетом союза. Для них за несколько часов был организован обед, ужин, раздача чая, посуды и продуктов [7, л. 32]. По мере увеличения потока беженцев летом 1915 года их число в Витебске возросло. По сообщению члена Витебской землеустроительной комиссии к началу июля 1915 года в Витебске было 1000 беженцев христиан и 3000 беженцев евреев. В губернии разместились 4000 христианам и 6000 евреев беженцев. Им оказывалась помощь различными благотворительными организациями. Беженцы прибыли в основном из Сувалской и Ковеньской губернии, а также прибывали из Прибалтийского края. Расходы на продовольствие для беженцев ежемесячно составляли до 30000 р. Стоимость пайка в день на одного беженца составляла 10 к. Нуждающимся оказывалась вся необходимая медицинская помощь. Для детей беженцев в Витебске были устроены ясли. Но детей там могли принять не более чем на сутки [16, л. 13–об. 13].

С прибытием весной-летом 1915 года большого числа беженцев ухудшилось санитарное состояние в губернии и Витебске. Среди беженцев сразу же стали распространяться заразные заболевания, особенно среди детей. Среди местного населения началась эпидемия холеры. Срочно Витебский комитет ВСГ стал приглашать для работы в заразном госпитале медицинский персонал. 5 марта 1915 года комитетом союза были открыты бараки для размещения заразных больных. Прачечная и дезинфекционная камера в это время ещё только создавались. Они начали работу с 15 июля. Витебское земство передало в ведение городского комитета ВСГ бактериологическую станцию. Она проводила исследования анализов из лазаретов, госпиталей губернии. Проводились анализы воды из колодцев и источников. До 1 января 1916 года было сделано 1052 анализа [7, л. об. 32, 33]. В Витебске для населения и военных было устроено 7 кипятильников (мест, где можно было накипятить и получить горячую воду) и 5 новых водозаборных будок. 23 июля 1915 года Витебская дума срочно выделила 4700 р. для строительства при городской больнице барака для больных. Были открыты отделения на 25 кроватей при инфекционной больнице и 2 барака на 70 холерных больных [4, с. 195].

Из-за проблем с финансированием и плохого медицинского обслуживания земским и городским самоуправлениям было рекомендовано объединить усилия в деле оказания помощи беженцам. Итогом стало образование Витебского губернского объединённого комитета при Всероссийском земском и городском союзах [17, с. 80].

Комитет проводил сбор пожертвований денежных средств для организации помощи беженцам. 5 апреля 1915 года комитет союза организовал кружечный сбор пожертвований для беженцев и семей

запасных, призванных на войну. Было собрано 1358 р. 63 к. Из них 100 р. было отчислено объединённому земско-городскому комитету по оказанию помощи беженцам; 691 р. 24 к. Попечительству о семьях запасных; 500 р. передано ГК ВСГ. Остальные деньги были потрачены на различные нужды [14, л. 62].

Число беженцев росло с каждым днём. Большая часть из них переправлялась из губернии дальше вглубь Российской империи. Некоторая часть беженцев, не желая уезжать далеко от родных, занятых немцами губерний, оседали в губернии. К 1 апреля 1916 года в Витебской губернии было зарегистрировано 44789 беженцев. В Витебске 6932 беженца. Помощь им помимо Объединённого земско-городского комитета оказывал Татьянинский комитет и различные национальные организации: еврейские, польские, литовские, латышские [18, с. 7].

Многие беженцы по разным причинам во время эвакуации теряли свои документы, поэтому возникали проблемы с трудоустройством, получением пайка, невозможно было решить другие бытовые юридические вопросы. Важным направлением в деле помощи беженцам Витебским Комитетом ВСГ было оказание юридической помощи. Земско-городским объединённым комитетом было создано Юридическое бюро. Бюро помогало беженцам по различным вопросам. В большом количестве выдавались удостоверения личности детям для поступления в учебные заведения, различным лицам для устройства на работу, для прохождения воинской службы. Бюро оказывало помощь в оформлении беженских и солдатских пайков, выдачи пособий от Татьянинского комитета. Оказывалась правовая помощь. Бюро помогало в оформлении прав на наследство, заключении договоров, переводило документы и засвидетельствовало их в иностранных консульствах. Бюро оформляло требования от лиц на предъявление взысканий с подданных неприятельских держав. Помогали здесь и с решением налоговых вопросов, вопросов с поставками и подрядами, квартирного вопроса. Бюро помогало оформить пособия жёнам и детям погибших на войне и призванных по мобилизации. Юристы брали на себя защиту в суде обвиняемых по уголовным делам. Они также занимались составлением прошений от различных лиц, помогали получить справки из мест нахождения различных эвакуированных учреждений. Беженцы обращались в бюро с просьбами оформления права въезда в города и районы военных действий, где осталось их имущество. «С 1 января 1916 г. по 1 декабря в Бюро было обращений: за видом на жительство – 630, по гражданскому праву – 172, о пайках и пособиях – 267, вознаграждение за реквизированное и уничтоженное имущество – 141, право въезда в разные города – 131, вознаграждение за утерянный груз – 60, по воинской повинности – 73, по административному праву – 162, по уголовному праву – 69, сообщений с военнопленными – 28, школьным вопросам – 53, разного рода справки – 122. Всего обращений 1908» [19, л. об. 3, 3а–об. 3а, 4, 4а].

Занимаясь работой по оказанию помощи армии и беженцам, Комитет ВСГ в Витебске сотрудничал с различными лицами, у которых осуществлял закупку вещей для лазаретов, госпиталей и других учреждений. Для комитета поставлялись: кровати, котлы и кубы, мебель, мелкие хозяйственные вещи, продукты, нефтегаз, гробы и кресты, мыло, машины, запчасти для машин, мелкие железные вещи, части ассенизационного обоза [20, л. 456а–об. 456а].

Витебский Комитет Союза городов в 1916 году провёл 50 заседаний. Было рассмотрено 650 вопросов. В Витебске санитарно-медицинская работа комитета упорядочилась и приняла спокойный характер. Медицинские учреждения, организованные комитетом союза, работали. В Витебском заразном госпитале лечение получили 4336 больных. В Витебский общественный лазарет за год поступили 97 раненых и 220 больных воинов, 3 гражданских и 1 военнопленный. Механическая прачечная обслуживала заразный госпиталь, лазарет, лечебные учреждения Земсоюза, Общества Красного Креста, военного ведомства. С весны прачечная принимала в стирку и частное бельё, открыв для этого отделение в городе. Прибыль прачечной за год составила 1300 р. Дезинфекционная камера проводила дезинфекцию одежды и белья. За год работы продезинфицировано около 10 000 пудов вещей. Бактериологической лабораторией за год было сделано 1020 исследований крови и различных выделений больных [21, л. 24–об. 24, 25, об. 27, 28, 29–об. 29, 30, 31].

Следствием войны были воины инвалиды. Число их было большое. Они нуждались в соответствующей реабилитации и устройстве своей жизни. Такая социальная работа по реабилитации воинов-инвалидов в Российской империи была в начальной стадии. Нужно было организовать медицинские реабилитационные учреждения, наладить производство протезов. За это направление взялся и Союз городов. После всех обсуждений в ГК ВСГ решено было строить мастерские и фабрики по производству протезов для увечных воинов. Эти вопросы обсуждались на 2 съезде ВСГ в феврале 915 года. На 3 съезде в сентябре обсуждался вопрос об организации помощи увечным в восстановлении полной или частичной трудоспособности. Для этого следовало создать сеть специальных лечебных учреждений, организовать работу по обучению увечных воинов тем или иным профессиям в зависимости от увечья. Нужно создавать биржи труда для подыскания работы для воинов инвалидов. Отдельно разрабатывались мероприятия по оказанию помощи воинам, потерявшим зрение. Для лиц, не способных к труду, следовало создать специальные патронаты, приюты, убежища [1, с. 85–86].

Комитет ВСГ в Витебске работал в этом направлении. В заседании комитета 8 августа 1916 года постановили образовать комиссию в составе: Е.А. Завойчинского, Ф.Е. Стурницкого, А.Н. Лузгина, С.З. Епифанова и врача Л.О. Иссерсона для разработки вопроса по созданию отдела помощи увечным воинам. Был выработан проект по оказанию помощи воинам-инвалидам. Все нуждающиеся в помощи разделялись на три группы. Помощь увечным группы «А» заключалась в создании мастерских и школ для обучения ремёслам, организации бирж труда, устройство семейных патронатов. Для увечных группы «Б» намечалось устроить специальные лечебные учреждения, а в случае необходимости направлять их в центральные лечебные учреждения союза. Увечных группы «В» должны были регистрировать и распределять в центральные лечебные учреждения по роду требуемой помощи. 14 сентября 1916 года в заседании Комитета ВСГ этот проект был одобрен и передан в Санитарно-техническое бюро для более подробной разработки [22, л. 1, 4, 5].

В первые месяцы войны много русских солдат и офицеров попали в плен. Властям и родственникам нужно было их разыскать и оказать всевозможную помощь. Заботу о пленных взял на себя Красный крест. При Главном управлении Российского Общества Красного Креста в Петрограде было образовано Центральное справочное бюро. При этом бюро был организован «Особый комитет» для оказания помощи военнопленным. Им заведовал сенатор Арбузов. Пленным помощь оказывал и комитет, состоящий под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. В Москве был создан комитет по оказанию помощи военнопленным при Московском городском управлении [23, с. 1–2].

Действующие организации не могли в полной мере охватить всех нуждающихся военнопленных. Нужно было провести разъяснительную работу среди местного населения о положении военнопленных и привлечь его к оказанию им помощи. Русские военнопленные в лагерях в Германии и Австро-Венгрии, Турции постоянно испытывали нужду, особенно в питании. Питание солдат и офицеров было скудным. И многие почти всегда жили впроголодь. Большой радостью для военнопленных были посылки из России от родных и близких с вещами и съестными припасами. Многие солдаты и офицеры не могли себе этого позволить, так как у некоторых родных просто не было. Другие, понимая, что родные в России также терпят нужду и живут в бедности, не хотели обременять их. Поэтому надежда была только на посылки от общественных организаций. Этой работой занялся Союз городов и Земский союз.

В начале ноября 1915 года в ГК ВСГ был образован отдел помощи русским военнопленным. Задачи отдела заключались в следующем: 1) разыскание военнопленных; 2) оказание помощи в организации контактов между военнопленными и родственниками путём отправки писем, пересылки посылок, денег; 3) осведомление населения о способах связи с военнопленными; 4) организация сбора пожертвований; 5) оказание помощи военнопленным за счет пожертвований. Главный комитет ВСГ обратился ко всем своим комитетам образовать на местах отделы помощи военнопленным. В губернские комитеты была разослана брошюра «Организация местных отделов помощи военнопленных», в которой были изложены как цели и задачи, так и способы и методы работы [1, с. 144–145].

Ранее созданный комитет помощи военнопленным при Московском городском управлении Земсоюз и Союз городов объединились и согласовали работу по оказанию помощи русским военнопленным. 10 января 1916 года ГК ВСГ утвердил «Положение об объединённой организации помощи военнопленным». Эта объединённая организация оказывала помощь военнопленным за границей через отделения Московского городского управления в Дании и Голландии [24, с. 206].

В Витебском Комитете ВСГ Отдел помощи военнопленным был создан в октябре 1916 года. Заведующим отделом был избран А. Лузгин. Он разослал в местные газеты объявления о создании отдела с контактной информацией. Были заказаны для печати плакаты-воззвания к населению. Но из-за запрещения местных военных властей, которые ссылались на особые циркуляры, отдел не смог напечатать объявления о своём открытии и воззвания к населению. Заведующему пришлось обращаться в ГК ВСГ и местным властям за разъяснениями [25, 18–об. 18]. Отдел бездействовал.

Более широкую деятельность отдел начал после Февральской революции. В марте 1917 года А. Лузгин обратился в «Витебский общественный комитет» с предложением создать при нём комитет помощи военнопленным. 23 марта была создана комиссия в составе А. Лузгина, члена комитета М.В. Кондратьева и двух представительниц от Союза женщин. 7 апреля состоялось заседание этой комиссии. На заседание были приглашены представители от совета солдатских депутатов, студенческой организации, союза женщин, офицерского комитета. На заседание не прибыли представители от совета рабочих депутатов, хотя повестка в совет посылалась. Лузгин сделал доклад, в котором изложил цели и задачи будущего комитета, рассказал о состоянии дел в отделе оказания помощи военнопленным при Витебском комитете Союза городов. Он предложил реорганизовать этот отдел – кооптировал в него представителей из создаваемого комитета – и не закрывать, а оставить его при Витебском комитете ВСГ. Доклад А. Лузгина и его предложения были поддержаны [25, л. 22–об. 22].

Отдел помощи при Витебском Комитете Союза городов стал работать с апреля 1917 года. В феврале 1918 года отдел отчитался перед ГК ВСГ о проделанной работе. За 9 месяцев работы он оказывал периодическую помощь 303 военнопленным и временную – 25-ти. К февралю 1918 года под опекой отдела находился 441 военнопленный. Всем опекаемым было отправлено 410 посылок. Посылки для военнопленных отдел принимал и от частных лиц. Таких посылок было 170 штук. Всех посылок для военнопленных, опекаемых не только отделом, было отправлено 1813 штук на сумму 9165 р. 35 к. Частными лицами было собрано 1593 посылки на сумму 10183 р. 75 к. Отдел осуществлял свою деятельность на деньги, собранные от пожертвований и от продажи газет и подписных листов. Всех средств было собрано 12712 р. 36 к. [25, л. 53–54].

Заключение. Для того чтобы реально оценить масштабы деятельности Витебского Комитета Союза городов, следует провести сравнение его работы с работой ВСГ в общем, комитетов в соседних губерниях, других общественных организаций, оказывающих помощь больным и раненым воинам и беженцам в 1914–1917 годах.

Приведём общие данные по оборудованным койкам в медицинских учреждениях по Союзу городов и отдельным городам. В России на 1 ноября 1915 года ВСГ оборудовал 174442 койки. В городах было оборудовано: в Киеве – 6480 коек, Казани – 4895, Нижнем Новгороде – 2666, Саратове – 1316, Воронеже – 1220, Харькове – 1107, Туле – 1103, Ростове-на-Дону – 1065 [1, с. 62]. В городах Витебской губернии в медицинских учреждениях в 1915 году было оборудовано 675 коек. К общему числу – это доли процента. На фоне указанных городов России цифра по Витебской губернии также очень мала. Этому есть причины. В губерниях, которые находились ближе всего к фронту, в первую очередь проводились реквизиции материально-технических и людских резервов. Минская, Могилёвская и Витебская губернии входили в 1915 году в тыл фронта. Здесь были расквартированы в городах, в том числе и в Витебске, большое число войск. В Витебске находились различные гражданские, военные и общественные организации с их учреждениями. Рядом с Витебском находился город Двинск, который был центром Двинского военного округа. В городе размещалось большое число военных учреждений, промышленных предприятий, госпиталей. После прорыва фронта в районе Двинска осенью 1915 года и возникшей угрозы его захвата, в Витебск была эвакуирована часть учреждений. В таких условиях Витебск и губерния не имели возможности найти материальные ресурсы и оказать всем помощь. Поэтому она организовывалась по мере возможности и необходимости. Города: Киев, Казань, Нижний Новгород и другие были крупными промышленными и торговыми центрами и могли выделять больше средств для оказания помощи больным и раненым воинам. Эти города находились в тылу и по плану здесь создавались крупные стационарные госпитали. В городах белорусских губерний медицинские учреждения создавались, в первую очередь как распределительные. В таких медицинских учреждениях больные и раненые долго не задерживались и направлялись далее вглубь Российской империи в стационарные медицинские учреждения.

В сравнении с деятельностью комитета союза в Могилёвской губернии, Витебский Комитет по оборудованным койкам в медицинских учреждениях значительно уступал. В Могилёвской губернии к 1 августа 1915 года в медицинских учреждениях было оборудовано 1795 коек [26, л. об. 9]. Это объясняется большим транзитом больных и раненых воинов через города Могилёвской губернии. К тому же в Гомеле по заранее намеченному плану борьбы с заразными заболеваниями был создан крупный заразный госпиталь-заслон, более чем с 1500 оборудованными койками.

Если сравнивать работу с комитетом Земского союза в Витебской губернии, то здесь практически было равенство. К 1 февраля 1915 года в медицинских учреждениях Земсоюза было оборудовано 650 коек для больных и раненых воинов [27, с. 10–11].

Деятельность комитета по оказанию помощи беженцам уместно сравнивать с работой Витебского отделения Татьянинского комитета. Отделением комитета в Витебске в августе – октябре 1915 года на 5 открытых питательных пунктах выдали беженцам около 200 000 порций еды. На 6 пункте, на вокзале, было выдано с 7 июля по 1 октября 173 849 порций горячей еды. Для беженцев, которые остались в Витебске, было открыто ещё 3 питательных пункта и построено 6 бараков [28, с. 136]. Отделением комитета было открыто 4 медицинских участка, на которых в июле – сентябре были приняты 6000 больных пациентов из числа беженцев [17, с. 94].

Как было сказано выше, в Витебске комитетом ВСГ для беженцев организовывалась медицинская помощь и питание, а также сбор пожертвований для них. Но статистическими данными о количестве беженцев, которым была оказана помощь, мы не обладаем. Поэтому в числовом отношении сравнивать работу комитета союза с Татьянинским комитетом сложно.

Татьянинский комитет был создан и занимался именно помощью беженцам. Союз городов первоначально не ставил для себя такую задачу. Она появилась лишь тогда, когда летом 1915 года в самый пик беженского движения государственные организации и военные власти, не справляясь с работой, обрати-

лись к союзу. Но следует сказать, что основную заботу по организации помощи беженцам в 1915 году взяли на себя фронтовые комитеты ВЗС и ВСГ. Они организовывали в пределах фронта и тыла различные учреждения по пути следования беженцев из Гродненской в Минскую, Могилёвскую и Витебскую губернии. Беженцев на узловых железнодорожных станциях, таких как Витебск, Полоцк, поездами отправляли дальше. Поэтому помощь здесь оказывалась временная или просто содействие в быстрейшем продвижении беженцев далее в губернии европейской России. Работа губернских организаций заключалась лишь в оказании временной помощи беженцам и перемещении их дальше вглубь Российской империи. Союз городов не имел возможности выделять большие средства своим губернским комитетам. О малых масштабах работы и свидетельствует то, что ВЗС и ВСГ объединились в один комитет для оказания помощи беженцам. И даже этот объединённый комитет уступал в масштабах работы Татьянинскому комитету.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерк деятельности Всероссийского союза городов в 1914–1915 гг. – М., 1916. – 239 с.
2. О разрешении деятельности Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, о предоставлении министру права приостанавливать выборы в западных губерниях, назначении служащих, о переименовании улиц, мостов, площадей в разных городах, о выдаче пособий разным лицам и др. (1914 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 1284. – Оп. 241. – Д. 179. – Л. 102–об. 102.
3. Дело об организации Всероссийского Городского Союза // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 1. – Лл. 5а, об. 13, 88, об. 107.
4. Грибко, И.Л. Создание и деятельность в начале Первой мировой войны Витебского комитета Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам / И.Л. Грибко // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: к 90-летию окончания Первой мировой войны и началу формирования Версальско-Вашингтонской системы международных отношений): материалы междунар. науч. конф., Витебск, 11–12 нояб. 2008 г.; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ, 2008. – С. 194–195.
5. Личный состав учреждений Всероссийскаго союза городов. Вып. 2: Областные и городские комитеты: (на 1 марта 1916 г.) / Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам. – М.: Городская Тип. – 1916. – 89 с.
6. Дело об организации Витебского комитета Всероссийского Городского Союза // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 2. – Лл. об. 41, 42, 43-об. 43, 44.
7. Отчёт о деятельности комитета с начала его открытия // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 43. – Лл. 31, 32–об. 32, 33.
8. Эвакуационный отдел // Изв. Всероссийского Союза Городов. – 1914. – № 2. – С. 20–29.
9. Госпитали, находящиеся в ведении Всероссийского Союза Городов, за время с 1 января по 31 марта 1915 года / Всероссийский Союз Городов. – М.: Город. Тип., 1915. – 48 с.
10. Лотова, Е.И. Земский Союз и Союз городов в борьбе с эпидемиями в годы первой мировой войны (1914–1918) / Е.И. Лотова // Очерки истории русской общественной медицины: к столетию земской медицины: сб. ст.; под ред. П.И. Калью. – М.: Медицина, 1965. – С. 111–148.
11. Предварительный краткий отчёт по операциям союза за время от начала операций по 1 августа 1915 г. / Всероссийский союз городов. Главный комитет. – М.: Город. Тип., 1915. – 29 с.
12. Овчинников, Я.Н. Питательные пункты Всероссийского союза городов / Овчинников Я.Н. // Изв. Всероссийского Союза Городов. – 1915. – № 13–14. – С. 64–82.
13. Списки комиссий, комитетов и учреждений возникших в период войны и сведения об их личном составе // НИАБ. – Фонд 2499. – Оп. 2. – Д. 30. – Л. 76.
14. Дело о сборе пожертвований и старой одежды в пользу больных и раненых воинов // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 19. – Лл. 19, 62.
15. Дело об оказании помощи больным и раненым воинам // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 422.
16. Дело об оказании помощи беженцам // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 13–об. 13.
17. Лапановіч, С.Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С.Ф. Лапановіч. – Мінск: Акад. МУС, 2010. – 127 с.
18. Список организаций ведающих дело помощи беженцам. На 1 мая 1916 г.: Выписка I. Европейская Россия / Всероссийский земский и городской союзы. Отдел по устройству беженцев. – М., 1916. – 158 с.
19. Краткий обзор деятельности санитарного бюро со сметой на его содержание // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 88. – Лл. об. 3, 3а–об. 3а, 4, 4а.

20. Дело об организации Витебского комитета Всероссийского Союза Городов // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 456а–об. 456а.
21. Отчёт о деятельности комитета за 1916 год // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 44. – Лл. 24–об. 24, 25, об. 27, 28, 29–об. 29, 30, 31.
22. Дело об организации помощи увечным воинам // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 62. – Лл. 1, 4, 5.
23. В губернские, уездные и областные комитеты Всероссийского Земского Союза [О помощи военнопленным] / Всерос. земский союз. – М., 1915. – 6 с.
24. Василенко, В.В. Деятельность Всероссийского союза городов и Всероссийского земского союза по оказанию помощи русским военнопленным в годы Первой мировой войны / В.В. Василенко // Романовские чтения-8: сб. ст. междунар. науч. конф. – Могилёв: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – С. 206–207.
25. Дело об оказании помощи русским военнопленным // НИАБ. – Фонд 2708. – Оп. 1. – Д. 55. – Лл. 18–об. 18, 22–об. 22, 53–54.
26. Сведения и отчёты Всероссийского Союза городов о коечных и продовольственных днях по госпиталям, о больничных койках, повозках и санитарных поездах, состоящих на учёте Всероссийского союза Городов; о деятельности врачебно-питательных и продовольственных отрядов (1915 г.). [Машинописные копии] // РГИА. – Фонд 1090. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. об. 9.
27. Список госпиталей, состоящих на учёте Всероссийского земского союза. (На 1-е февраля 1915 года) / Всерос. земский союз. Отдел эвакуации. – М., 1915. – 258 с.
28. Бабков, А.М. Беженцы в Белоруссии в годы Первой мировой войны (1915–1916) / А.М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лютага 1993 г.: у 2 ч. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – С. 131–138.

Поступила 03.02.2014

THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN UNION OF CITIES OF THE SICK AND WOUNDED SOLDIERS (RUC) IN THE BELARUSIAN PROVINCES (1914 – EARLY 1918)

V. VASILENKO

This article describes the activities of the Russian Union of Cities of the sick and wounded soldiers (RUC) in the Belarusian provinces of the Russian Empire during the First World War. On the example of the Vitebsk province on the basis of new, not previously published documentary sources the main activities of the provincial committee of the Cities Alliance in 1914 – early 1918 were investigated. For the first time provides information about the composition of the provincial committee. Primary health and medical activities undertaken by the Committee in Vitebsk and province were considered and characterized. The number of equipped beds in medical institutions established by the Committee on the activities of the medical and nutritional point for soldiers in Vitebsk was illustrated. The submission also examines the work of the refugee assistance. Also the attention was paid to the activities of the Committee for organizing help to disabled soldiers and Russian the prisoners of war.

УДК 94(476.5)«1944/1945»

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОТЧИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

канд. ист. наук, доц. И.В. НИКОЛАЕВА
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматривается послеоккупационная повседневность населения освобожденных районов созданной в сентябре 1944 года Полоцкой области. Исследованы материалы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Витебской области, которые характеризуют социально-экономическую и морально-политическую обстановку после освобождения территории и до окончания Великой Отечественной войны. На основе анализа документов раскрываются изменения в демографическом и социальном составе населения после оккупации, материально-бытовые условия его жизни, деятельность местных партийных организаций в социальной сфере. Изучены настроения жителей региона и восприятие ими проблем послеоккупационного периода, а также особенности общественно-политической ситуации в западных районах, где определенная часть населения не смирилась с включением этих территорий в состав БССР, негативно восприняла восстановление советской власти и проводимые ею мероприятия.

Введение. Актуальность анализа роли военного фактора в повседневной жизни белорусского общества определяется возрастанием сегодня исследовательского интереса не столько к вопросам военной истории, сколько к истории «человека на войне». Однако если история оккупации в последние годы активно прорабатывалась отечественными историками по разным направлениям с опорой на ранее не привлекавшиеся материалы, то исследовательское внимание к истории белорусского общества послеоккупационного военного времени, за исключением отдельных социальных слоев (крестьянства, интеллигенции), представляется недостаточным. Тогда как кризисная ситуация перехода от войны к миру для большинства советских граждан оказалась не менее сложной, к послеоккупационной военной действительности и тяжелым материальным условиям новой повседневности пришлось приспосабливаться и фактически выживать всем социальным слоям населения. Анализ документов местных комитетов КП(б)Б, содержащихся в Государственном архиве Витебской области (ГАВО), представляет значительные возможности для рассмотрения истории повседневности на региональном (локальном) уровни и позволят представить особенности развития послеоккупационных военных процессов в белорусском обществе в целом, проследить влияние военного фактора на его повседневность.

В сентябре 1944 года, учитывая стратегическое значение г. Полоцка и прилегающих к нему районов, являющихся воротами на подступах к Москве и Ленинграду, а также в целях восстановления разрушенного немецкими оккупантами народного хозяйства за счет разукрупнения Витебской и Вилейской областей была образована Полоцкая область в составе г. Полоцка, Ветринского, Дриссенского, Освейского, Полоцкого, Россонского, Ушачского районов Витебской области (так называемые восточные районы) и Браславского, Видзовского, Глубокского, Дисненского, Докшицкого, Дуниловичского, Миорского, Плисского, Шарковщинского районов Вилейской области (западные районы) [1, с. 155, 490].

Нами предпринята попытка проанализировать социально-экономические условия и морально-политическую обстановку на Полотчине сразу после освобождения территории и до окончания Великой Отечественной войны, сравнить положение и настроения населения в восточных и западных районах.

Основная часть. Архивные источники свидетельствуют об изменениях в демографическом и социальном составе населения региона за время оккупации. Накануне войны в районах, входящих в состав Полоцкой области проживало 628 503 человека. Согласно статистическим данным, представленным районами после освобождения, население области сократилось на 35 % и на начало 1945 года составило 405 107 человек. При этом освобожденные районы лишились большей части трудоспособного населения, основную группу составляли женщины, дети и старики. Война и оккупация привели к резкой диспропорции полов. Так, если мужчин в возрастной группе от 16 до 60 лет насчитывалось 14 944, то женщин в возрасте от 16 до 55 лет – 24 928, что составляло почти 63 % от общей численности тех, кто являлся основной трудоспособной частью послевоенного общества [2, л. 63]. В общем составе населения продолжал оставаться высоким удельный вес жителей деревни, который по сравнению с довоенным временем увеличился и составлял в 1944 году до 90 % [3, л. 54]. В условиях острой нехватки продовольствия обработка земли

*Исследование выполнено в рамках НИР «Повседневность населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (лето 1944 – весна 1945 гг.)» (договор с БРФФИ № Г13М-164 от 16.04.2013; номер государственной регистрации 20131560 от 17.07.2013; ВНК «Историк» Договор № 4113 от 16.04.2013).

стала важнейшим источником существования, кроме того, в деревне в период оккупации было не только легче с продовольствием, но и спокойней.

Положение населения, пережившего трехлетнюю нацистскую оккупацию, было крайне тяжелым, многие остались без крова и средств существования. Жители сожженных и разрушенных деревень ютилось в шалашах и землянках [4, л. 84]. По городу Полоцку сохранившиеся жилые дома составляли менее 20 % к довоенному времени [1, с. 363]. Одной из первоочередных задач советской власти и самих жителей было восстановление жилищного фонда. В деревнях и селах с этой целью комплектовались строительные бригады, в основном из числа женщин и мужчин-инвалидов, повсеместной стала практика толоки. В городах население массово участвовало в послевоенном восстановлении в проводимых субботниках и воскресниках. Так, в 22 октября 1944 года был организован первый массовый выход трудящихся по восстановлению г. Полоцка [5, с. 52]. В условиях дефицита строительных материалов, отсутствия транспорта, нехватки средств не представлялось возможным быстро решать жилищную проблему. Так, в Ушачском районе за 7 месяцев с момента освобождения было построено и восстановлено только 6 % разрушенных крестьянских домов, в некоторых районах крестьяне продолжали жить в землянках до 1946 года [6, л. 1].

Местные органы власти пытались решить вопросы с обеспечением продуктами питания введением с первых дней в городах карточной системы. Однако, как свидетельствуют архивные документы, снабжение хлебом рабочих и служащих проходило с большими перебоями, отпускаемые фонды далеко не обеспечивали снабжение по установленным нормам [7, л. 17; 8, л. 110].

Особенно тяжелая ситуация сложилась в восточных районах, территория которых была партизанским краем. Как свидетельствуют документы, ведя неоднократные экспедиции против партизан, немецкие захватчики жестоко расправлялись с мирным населением в партизанских районах, которые, спасая свою жизнь, уходили в леса к партизанам, бросая имущество: хлеб, одежду, скот, последнее сжигалось или увозилось немцами [9, л. 51]. Так, в Освейском, Рассонском, Ушачском, Полоцком, Дриссенском, Ветринском районах население не имело возможности произвести посевы озимых и яровых культур под урожай 1944 года как на приусадебных участках, так и колхозных полях. Во многих колхозах необходимые продукты на трудодни не распределялись. В поисках хлеба началось массовое перемещение жителей восточных районов (так называемое «отходничество») в Латвию, Литву, западные районы БССР [9, л. 53].

Докладные записки и сообщения по ситуации в районах констатируют, что большинство населения нуждается в одежде и обуви, «ходит в лохмотьях, этими же лохмотьями прикрывается», дети из-за отсутствия одежды не посещают школы [9, л. 99, 103; 10, л. 6]. В исключительно тяжелом материальном положении оказались представители сельской интеллигенции – учителя, врачи. Руководство районов сообщало в область об имевших место случаях, когда в отсутствие приусадебных участков, не получая установленные нормы продуктов и промтоваров, учителя «ходят по колхозам и собирают милостыню, просят одежду и обувь у колхозников» [9, л. 53; 11, л. 27].

Архивные документы свидетельствуют, что практически во всех районах сложилась критическая медико-эпидемиологическая ситуация, значительная пораженность населения инфекционными заболеваниями (сыпной тиф, чесотка, дизентерия и т.д.) [9, л. 40; 12, л. 185]. Уничтожение большей части медицинских учреждений, низкий уровень медико-санитарного обслуживания населения и платная медикаментозная помощь в период оккупации, привели к высокой заболеваемости и широкому распространению инфекционных заболеваний среди местных жителей и в послеоккупационный период. Ситуацию усугубляло плохое питание населения, скученное проживание в сырых землянках. Во вновь открываемых медицинских учреждениях не хватало медицинских работников, отсутствовали мебель, инвентарь, что не позволяло обеспечить инфекционным больным необходимый уход, постельный режим.

Первоочередной задачей в освобожденных от оккупации районах стало восстановление и постройка новых медицинских учреждений. К началу 1945 года в Полоцкой области было открыто 11 больниц в городах и 18 – в сельской местности [9, л. 38]. В целях ликвидации заболеваний и предупреждения их распространения утверждались чрезвычайные противоэпидемические комиссии и санитарные тройки, власти инспирировали постройку в населенных пунктах бань, прачечных, дезинфекционных камер, проведение санитарно-профилактической обработки населения [10, л. 16; 13, л. 173].

Также учитывалась важность восстановления в освобожденных районах системы охраны материнства и детства. Был организован учет многодетных и одиноких матерей с последующей выплатой им пособий. Так, весной 1945 года в Полоцкой области соответствующее госпособие получили 1 244 женщины. Сразу после освобождения было развернуто восстановление женско-детских консультаций (на начало 1945 года в Полоцкой области их насчитывалось 9), специально выделялось оборудование молочных кухонь при них [6, л. 58].

Одной из задач местных органов власти стала помощь семьям мобилизованных в Красную Армию и партизан, которым выплачивались пенсии и пособия, в первую очередь предоставлялось жилье, приусадебные участки, осуществлялось их трудоустройство. В соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б

от 12 октября 1943 года по мере освобождения территории от немецких захватчиков при областных и районных исполкомах создавались отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан, на июль 1944 года в восточных районах, отошедших к Полоцкой области, было организовано 7 таких отделов [14, л. 2]. Однако в ситуации повсеместной разрухи, всеобщего послевоенного дефицита, решить все материально-бытовые проблемы не представлялось возможным по объективным причинам.

Важной составляющей социальной сферы послеоккупационной жизни стала помощь детям, потерявшим родителей. На начало 1945 года в Полоцкой области 1 237 детей сирот нашли приют в восстановленных девяти детских домах, 1 860 ребят были устроены на патронирование [9, л. 38]. Власти делали максимально возможным обеспечение детских домов продуктами питания и промтоварами, но в тяжелых материальных условиях по всей стране докладные записки и сообщения по ситуации в детдомах и домах младенца сообщают о случаях несвоевременной и неполной выдачи продуктов питания торгующими организациями, о нехватке одежды, обуви, постельных принадлежностей, недостаточном оборудовании (отсутствие, кроватей, столов, стульев) [7, л. 215; 10, л. 156].

По мере освобождения территории от оккупации местные власти прилагали усилия по восстановлению системы общеобразовательных школ, для которых приспосабливались избы, землянки, другие уцелевшие строения. Параллельно областное руководство приказывало организовать в районах артели по производству школьной мебели, классных досок, ремонту школьной одежды и обуви [4, л. 12–13;9, л. 4]. В Полоцкой области к началу 1945 года действовала 771 школа, где обучалось 68 704 учащихся. При этом более тысячи ребят школьного возраста по области пока не были охвачены школами, значительная часть школ была организована в частных домах, 43 – в землянках, а обеспеченность школьников учебниками, согласно информационной записке, составляла только 15 % [9, л. 37]. В то же время основными причинами, по которым определенная часть ребят не посещали школы, в отчетах инспекторов отдела образования назывались плохое материальное обеспечение (отсутствие одежды и обуви) и занятость на работе. И хотя республиканское руководство запрещало привлекать школьников к сельскохозяйственным работам в колхозах во время школьных занятий, подростки в условиях нехватки рабочих рук все равно вместе с женщинами и стариками работали в поле, в строительных бригадах, многие заменили отцов на производстве.

Несмотря на материальные трудности, уже в послеоккупационный период войны были сделаны первые шаги по воссозданию и налаживание работы учреждений культуры, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения, находившегося в течение трех лет под немецкой оккупацией. Объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные районы БССР, в том числе и Полоцкой области. Здесь дольше всего сохранялось западное влияние, сильные позиции имела церковь, оставался значительным частный сектор, существовали традиции быта и морали, отличавшиеся от советских. Учитывая эти особенности, ЦК ВКП(б) 20 января 1945 года принял постановление «О политической работе партийных организаций среди населения западных областей БССР», где, как указывали в информационных сообщениях представители местных партийных комитетов, «живуче влияние польской националистической контрреволюции» [9, л. 23]. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. На начало 1945 года по Полоцкой области было организовано 22 ДСК, 196 изб-читален, в 12 районах созданы библиотеки. Также организовывалась работа радио- и кинопередвижек. В начале 1945 года по районам Полоцкой области действовало 6 звуковых и одна немая киноустановка [9, л. 38]. Помимо распространения периодических печатных изданий в областном центре и районах, в сельской местности налаживалась также деятельность агитационных бригад и агитаторов, в задачи которых входило чтение лекций и выступление с докладами о военно-политических событиях, положении на фронтах Отечественной войны, а также проведение бесед на научные и антирелигиозные темы [10, л. 112; 15, л. 39]. Одной из форм массовой работы среди населения западных районов стали делегатские собрания, по всем девяти западным районам Полоцкой области в марте – апреле 1945 года впервые прошли выборы делегатов районных съездов крестьян, в итоге было проведено 1 496 собраний с охватом в них 70 865 крестьян [2, л. 72].

Вместе с тем реакция населения на меры, претворяемые в жизнь советской властью, была неоднозначной. Присутствующая в архивных материалах местных органов власти информация о настроениях населения свидетельствует, что в западных районах созданной Полоцкой области была определенная часть общества, которая не смирилась с включением этих территорий в состав СССР, не приняла советскую власть и социалистические преобразования.

Крестьянами западных районов по-разному воспринималось восстановление порядка землепользования существовавшего до немецкой оккупации. Одни с радостью принимали возвращенные земли, отнятой немецкими оккупантами, благодарили Сталина за избавление от голода и землю, которую не

было возможности получить при иной власти [2, л. 73]. Другие волновались, что наделение землей проводится специально для того, чтобы позднее согнать людей в колхозы. Если в восточных районах основная часть земель была включена в колхозы, восстановление которых происходило практически сразу, то в западных до начала войны коллективизация затронула лишь незначительную часть хозяйств. Согласно сведениям, представленным на ноябрь 1944 года, в шести восточных районах Полоцкой области насчитывалось 666 восстановленных колхозов, в то время как в девяти западных – только 23 [16, л. 17]. И хотя до конца войны задача проведения массовой коллективизации в западных районах не ставилась, сразу после освобождения имели место случаи административных перегибов и применения методов грубых приказов. Так, в некоторых сельсоветах Полоцкого района в январе 1944 года на организационных собраниях всех крестьян объявляли колхозниками, в том числе и тех, кто до войны в колхозе не состоял [17, л. 5]. Такая организация колхозов «сверху» порождала негативную реакцию населения западных районов не только к колхозному строю, но и отрицательно сказывалась на отношении к советской власти.

Докладные и сообщения о ситуации в западных районах Полоцкой области фиксируют факты деятельности различных антисоветских групп и банд-формирований, направленной против партийных и советских органов власти, местных активистов [16, л. 29–30; 18, л. 121]. Так, только осенью 1944 года в западных районах Полоцкой области было совершено 50 бандитских нападений на работников партийных и советских органов, местных активистов и сельские учреждения, был убит 31 работник и 3 ранено. Еще 17 бандитских нападений без жертв было совершено на сельсоветы, квартиры активистов, председателей колхозов и т.д. [19, л. 2]. Власти объясняли подобное поведение некоторой части населения «влиянием немецкой агентуры и польских националистов» [9, л. 44]. При этом жертвами разбоя и грабежей бандитов часто становились простые крестьяне. В донесениях по ситуации в западных районах Полоцкой области приводятся примеры появления в деревнях листовок с угрозами в адрес крестьян, которые будут принимать участия в организованных органами советской власти собраниях и митингах, нападения на мирных рядовых граждан [7, л. 7].

Общественно-политическую ситуацию в западных районах обостряло уклонение части населения от мобилизации в Красную Армию и дезертирство. За период с октября по декабрь 1944 года по девяти западным районам области уклонился от учета 231 военнообязанный, 458 человек не явились на призывные пункты, 314 – дезертировали из рядов РККА [20, л. 17]. При этом военнослужащие дезертировали, как правило, с оружием в руках и пополняли ряды антисоветского подполья.

Сложная ситуация в западных районах складывалась в связи с переселением граждан польской национальности в Польшу по заключенному между БССР и Польшей соглашению об обмене населением. Из районов в область поступали докладные записки о «массовом выезде населения», среди которого основную часть составляют белорусы [6, л. 25]. Архивные документы отражают также мнение представителей местных властей по этому поводу: «Многие записывались и подавали заявления для переселения в Польшу с тем, чтобы не платить денежных и натуральных налогов, не быть мобилизованными для работ в промышленность и на строительство, а также уклониться от мобилизации в Красную Армию» [9, л. 85]. Попытки ограничить выезд вызывали протесты, жалобы, стихийные выступления. Так, в Докшицком районе в ночь с 7 на 8 ноября 1944 года на здании райсовета был прибит польский флаг с лозунгом «Еще Польша не сгинела». В Браславском районе были расклеены листовки с угрозой в адрес актива села и призывом за создание «Великой Польши до Витебска, Киева и Черкасс» [7, л. 7, 13]. В партийные инстанции поступали сигналы о распространяющихся среди населения слухах: «Кто не выедет в Польшу, тот будет сослан в Сибирь» [21, л. 95].

Однако, несмотря на значительные протестные настроения в западных районах, чувство благодарности за «освобождение от немецкого ига», вера в справедливость войны против Германии и надежда на лучшие перемены разделялась большинством населения. Трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались основной частью населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. На исходе Великой Отечественной войны наблюдался патриотический подъем. Так, духовный настрой общества, которое было преимущественно женским, характеризует высказывание крестьянки Плисского района, попавшее в информационный отчет: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [2, л. 73].

Заключение. Анализ документов Государственного архива Витебской области позволяет сделать вывод, что повседневной действительностью послеоккупационного военного периода в Полоцкой области, как и республике в целом, было выживание в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями. Советские органы и местные партийные организации пытались решить вопросы по удовлетворению материально-бытовых нужд населения, прилагали усилия по восстановлению школ и культурно-просветительских учреждений, но повсеместный дефицит, нехватка средств не позволяли оказать практическую помощь всем нуждающимся в поддержке и быстро победить разруху. Освобожденная Полотчина лишилась большей части трудоспособного населения, прежде всего муж-

чин, основную группу населения составляли женщины, дети и старики, которые, несмотря на все трудности и потери, стремились самоотверженным трудом приблизить по-настоящему мирную жизнь, выживая сами и помогая решать основные задачи восстановления страны. При всей неоднозначности настроений в послеоккупационном военном обществе преобладал патриотизм и желание достижения скорейшей победы над Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945 гг.: док. и материалы / сост. Н.В. Воронова [и др.]. – Витебск, 2009. – 584 с.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 286.
3. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 42.
4. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 20.
5. Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / М.В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2009. – 91 с.
6. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 540.
7. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 8.
8. ГАВО. – Фонд 7044-п. – Оп. 1. – Д. 14.
9. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 21.
10. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 19.
11. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 135.
12. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 44.
13. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 40.
14. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 26.
15. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 22
16. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 5.
17. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 1. – Д. 23.
18. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 18.
19. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 1198.
20. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 3.
21. ГАВО. – Фонд 10060-п. – Оп. 1. – Д. 20.

Поступила 30.05.2014

EVERYDAY LIFE OF THE POLOTSK REGION POPULATION DURING AFTER THE OCCUPATION PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

I. NIKOLAYEVA

The article deals with study of the everyday life of the population in the liberated areas established in September 1944 the Polotsk region. There are archival materials which characterize such problems as the social-economic and moral-political situation after release of the territory and before the end of the Great Patriotic war. On the basis of documents the changes in demographic and social structure of the population after the occupation, physical living conditions of its life, the activity of local party organisations in the social sphere are revealed. The mood of the people of the region and the perception of their problems period, and especially the political situation in the western regions, where a certain part of the population did not accept the inclusion of these territories in the BSSR, reacted negatively to the restoration of soviet power and its ongoing activities are studied.

УДК 316.334.3:94(476)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ОПЫТА

д-р ист. наук, проф. И.В. МАНДРИК
(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматриваются основные направления государственной социальной политики Республике Беларусь после обретения ею независимости. Исследуется процесс поиска оптимального варианта белорусской модели социально-экономического развития при переходе от социалистического типа хозяйствования к рыночному. Определяется тип социальной политики, реализуемой в республике в разные периоды. Особое внимание уделяется возникающим сложностям при проведении эффективной социальной политики, направленной на стабильное обеспечение высокого жизненного уровня, создание современных и доступных всем гражданам систем образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения, поддержания малоимущих слоев населения. Указывается на трудности при формировании у работников основ добросовестного труда, что проявляется в недостаточно высокой его производительности.

Введение. Анализируя публикации известных зарубежных и отечественных экономистов, историков, социологов и политологов, которые рассматривали проблемы формирования и становления социальных государств раннего периода, а также тех, чье внимание сосредоточено на этой проблематике сегодня (F. Fukuyma, Бурдье, П.Е. Гонтмахер, Н. Ромашевская, В. Чичканов, В.Ф. Ушаков, Б.В. Ракитский, Н.А. Волгин, Т.С. Сулимова, В.Н. Шимов, А.А. Быков, Л.М. Крюков, Е.В. Ванкевич и др.), можно отметить, что, несмотря на отдельные расхождения, их объединяет общий подход. Социальную политику они характеризуют как деятельность по управлению социальной сферой общества, обеспечению материальных и культурных потребностей его членов, регулированию процессов социальной дифференциации общества, в том числе доходов экономически активного населения и нетрудоспособных граждан. Их мнение сходится и в том, что наиболее результативна та социальная политика, которая позволяет каждому члену общества реализовать его важнейшие социально-экономические права, и прежде всего право на уровень качества жизни, необходимый для нормального воспроизводства и развития личности [1].

Основная часть. По мнению большинства ученых, социальная политика в странах со свободной рыночной экономикой реализуется в соответствии с национальными проектами через либеральную модель, которая предусматривает оказание социальной помощи и поддержку нуждающихся слоев населения, но основную массу трудящихся оно ставит в условия сопричастности и ответственности за результаты труда, что позволяет им самим определять свой социальный статус через участие на всех уровнях власти и управления в выработке и экспертизе социальной политики. Такое направление делает человека субъектом в определении своего социального статуса, он при решении приоритетных для себя жизненных проблем и обеспечении своего благосостояния несет личную ответственность.

При патерналистской модели осуществляется адресная социальная поддержка фундаментальной науки, обороны, отдельных социальных слоев населения (пенсионеры), отдельных лиц (инвалиды, временно нетрудоспособные) и других категорий, которым трудно или невозможно вписаться в механизм рыночных отношений.

Но чисто патерналистской или либеральной модели, как показывает изучение, на практике не существует. Каждая страна имеет собственную модификацию социального развития, которая отличается своими механизмами и уровнем эффективности. В Германии, Швеции, Японии, США успехи в реализации социальной политики, которых они добились в конце XX века, связывают больше с либеральной моделью. Проводимая в этих странах социальная политика имеет не только собственное название – «немецкая модель», «шведская модель», «японская модель», «американская модель», но и собственную модификацию, что обусловлено становлением определенных систем социально-экономических отношений в рамках формирования рыночных отношений. Естественно, что к сложившейся национально-либеральной модели социальной политики эти государства шли постепенно, по-разному учитывая свои исторические и природно-экономические особенности. В настоящее время вышеназванные и подобные им страны с высокоразвитой экономикой ориентируются в большей степени на самостоятельное решение большинством граждан своих социальных проблем, оказывая социальную помощь и поддержку уязвимым слоям населения. Социальная компонента здесь изначально обеспечивает реальное ощущение населением связи повышения своего благосостояния с результатами экономических преобразований. Для трудоспособного населения здесь создаются экономические и юридические условия, позволяющие гражданам за счет доходов от собственного производительного труда иметь более высокий уровень социального потребле-

ния, включая комфортное жилье, лучшее качество услуг в сфере образования и здравоохранения, достойный уровень жизни в пожилом возрасте.

В соответствии с национальными проектами социальная политика в различных странах реализуется через либеральную или патерналистскую модель. Либеральная модель, предусматривает оказание социальной помощи и поддержку нуждающихся слоев населения, но основную массу трудящихся оно ставит в условия сопричастности и ответственности за результаты труда, что позволяет им самим определять свой социальный статус через участие на всех уровнях власти и управления в выработке и экспертизе социальной политики. Такое направление делает человека субъектом в определении своего социального статуса, он при решении приоритетных для себя жизненных проблем и обеспечении своего благосостояния несет личную ответственность.

Патерналистское направление в социальной политике характерно больше для стран с директивно-командной экономикой. Она предусматривает полную ответственность государственных структур за всё, что происходит в отраслях социальной сферы, снижая, таким образом, чувства ответственности и сопричастности самих граждан за конечные результаты, в том числе за состояние экономики страны, которое и является основным звеном при выборе направления социальной политики. Однако, как показало изучение, на практике чисто патерналистской или либеральной модели не существует. Каждая страна имеет собственную модификацию социального развития, которая отличается своими механизмами и уровнем эффективности.

Исходя из определения названных выше двух моделей, социальную политику белорусского государства на этапе 1991–2010 годов также нельзя охарактеризовать однозначно – либеральной или патерналистской. Но в целом белорусская модель социальной политики в рассматриваемый период была близка к той, которую принято называть патерналистской. Разрабатывая и воплощая среднесрочные и долгосрочные планы социально-экономического развития страны, белорусское государство рассматривало себя в качестве всемогущего субъекта. Властные структуры несли в это время полную ответственность за все происходящее в экономике и в отраслях социальной сферы. Государство не отказалось от принятой в советское время защиты населения по всему спектру услуг. Не допускало резкого разрыва в доходах населения.

Можно отметить, что в Республике Беларусь постоянно шел поиск более эффективной модели. Рыночная экономика, а вместе с ней и социальная политика, формировались постепенно. На отдельных этапах (1991–1995 и 2001–2008 гг.) независимого развития республики у руководителей страны было стремление приблизить социальную политику к либеральной модели. Уже в самом начальном периоде после объявления Декларации о государственном суверенитете республики (27 июля 1990 г.) в правительстве В. Кебича преобладала ориентация на быстрый переход к либеральному рынку.

В подготовленной правительством и принятой в октябре того же года программе перехода к рыночной экономике предпочтение отдавалось западной модели хозяйствования [2, с. 535–538]. Задача на ближайшую перспективу состояла в упразднении административно-плановой экономики и уравнительной оплаты за труд. В то же время руководство республики, понимая, что стране предстоит переход в качественно новое состояние (а такие процессы не проходят моментально), и видя опасность возрастания социального напряжения в обществе, не могло в это время резко отказаться от датируемой социально-направленной практики советского периода, когда государство гарантировало обязательные социальные параметры для населения, что особенно ярко проявлялось (как известно, не без успеха) в сфере образования, здравоохранения, культуре.

Предполагалось, что полный отход от советских механизмов в решении социальных проблем общества можно будет сделать не ранее чем через два-три года, когда сформируется новая социально-экономическая система, способная обеспечить динамичное развитие хозяйственного комплекса республики. Расчеты строились на том, что рыночная экономика, в которой все участники производства станут принимать непосредственное и заинтересованное участие в социально-экономических преобразованиях, сама по себе отрегулирует производство и потребление и на этой основе трудоспособное население без государственных социальных дотаций достигнет более высокого, чем на предыдущем, советском этапе, уровня жизни. Большие надежды при этом возлагались на проводимую приватизацию государственной собственности. Предполагалось, что через именные чеки «Маёмасць» граждане страны станут собственниками определенной доли государственного имущества, которое обеспечит им достойную жизнь и при рыночных отношениях. Но этот расчет не оправдался. В силу объективных (распад единого экономического пространства, конверсия промышленности, отсутствие прочной правовой базы, продуманной концепции и методики) и субъективных причин (недоверие к капиталистическому способу производства у руководителей и работников предприятий) население республики несло огромные социальные потери.

В Беларуси, входившей до этого в состав объединенных республик СССР и прочно стоявшей на социалистических принципах развития производства, с положительной тенденцией состояния интегральных показателей социальной безопасности (рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, соци-

альное расслоение, уровень потребления духовных благ, миграция, другие слагаемые), с 1991 года наступил период резкого спада производства, за ним – состояние глубокого кризиса социальной сферы.

Разрушение сложившегося ранее экономического единства республик, резкий рост стоимости нефти и природного газа, поставляемого из России, привело к тому, что в сравнении с советским периодом белорусские промышленные и сельскохозяйственные предприятия резко снизили эффективность своей работы. Особенно резко и заметно ускорилось падение производства на предприятиях сборочного и конечного циклов, в наукоемких и трудоемких отраслях. К 1995 году в станкостроении, машиностроении, тракторостроении падение производства составило до двух третей. Интенсивно снижалось производство других видов промышленной продукции и продукции, предназначенной для удовлетворения личных интересов населения.

Спад промышленного и сельскохозяйственного производства негативно отразился на работе транспортного конвейера. Объемы перевозок грузов в 1995 году (по сравнению с 1990 г.) всеми видами транспорта уменьшились с 1127,5 млн. тонн до 398,3 млн. тонн. Ведущий вид транспорта республики – железнодорожный, работающий до этого времени в напряженном и бесперебойном ритме, – снизил перевозки грузов на 74,4 млн. тонн, или более чем на 38 %.

В сельском хозяйстве также наблюдался спад производства – с 1990 по 1995 год существенно сократилась численность занятых в колхозах и совхозах (с 602 тыс. чел. до 499 тыс. чел. в колхозах; с 313 тыс. до 182 тыс. чел. – в совхозах). Производство сельскохозяйственной продукции снизилось более чем в два раза. Производство мяса в 1995 году составило 380,3 тыс. тонн, против 889,1 тыс. тонн в 1990 году. Огромные потери наблюдались в производстве масла, сахара, других продуктов [3, с. 318, 319, 330–335]. Пришлось наладить массовый импорт товаров широкого потребления и продовольствия, что определило их несоизмеримо высокую в сравнении с зарплатой цену.

Галопирующий рост цен на продовольственные и промышленные товары, на оплату коммунально-бытовых услуг привел к резкому падению уровня жизни. Так, в 1995 году номинальная заработная плата увеличилась в 6,3 раза, а цены на товары и услуги – в 8,1 раза. У многих категорий населения заработная плата не достигала прожиточного минимума. К тому же на многих предприятиях заработная плата выдавалась с большой задержкой.

Правительство в это время приняло несколько решений о поддержании стабильного роста зарплаты для всех категорий занятого населения, но в условиях неэффективной экономики выполнить намеченную программу было невозможно. Поскольку доходы населения зависят от реального сектора экономики, реальные денежные доходы населения в 1995 году по отношению к 1990 году (по официальным данным) составляли 64 % [4, с. 12]. Материальное благосостояние народа в 1991–1995 годов находилось на грани бедности.

Беларусь затронуло давно забытое (с 1931 г.) явление: в стране появились безработные. На протяжении 1991 года в службу занятости обратились 67 тыс. человек. В 1991 году около 80 % от общего количества безработных составляли женщины [5, с. 111, 520]. Выделяемые денежные средства на поддержание безработных были довольно скудными. Около 50 % безработных республики в 1995 году денежную помощь не получали.

Серьезной проблемой независимого белорусского государства стало обеспечение жильем нуждающихся семей. В республике произошло резкое сокращение строительства и ввода жилья. В 1995 году по отношению к 1990 году построено лишь 37 % жилой площади. Если в 1990 году получили новые квартиры или улучшили свои жилищные условия 89 тыс. семей, то в 1995 году – только 32 тыс. [6, с. 217, 532].

Ко всему этому добавились демографические проблемы, наблюдалась депопуляция населения. Выросла смертность: в расчете на 1 тыс. населения в 1990 году умерло 10,7 человек, в 1995 году – 13,0 [6, с. 73]. Падение производства, рост инфляции, снижение прибыли и, соответственно, налоговых поступлений негативно отразилось на уровне жизни людей. Пострадало экономически активное население, занятое в производственном процессе. В 1995 году за чертой минимального потребительского бюджета оказалось более 60 % населения. Увеличился разрыв в доходах 10 % наименее обеспеченного населения и 10 % наиболее богатых. Дифференциация здесь доходила, по разным оценкам, 1:15, 1:17 (в развитых странах, где средний класс очень широк, максимум составлял 1:5).

Значительной социальной проблемой оставалось резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни, ухудшение здоровья людей, подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства. В 1993 году смертность впервые превысила рождаемость, с 1994 года в республике начался процесс депопуляции [7, с. 119]. В обществе разрасталась деградация и нравственное оскудение. Такое положение нарушало социальную стабильность.

Обобщая сложившееся положение в республике на этапе 1991–1995 годов, следует отметить, что демонтаж советской системы здесь проходил далеко не по оптимальному варианту. Руководители правительства, экономисты и хозяйствующие субъекты в это время не были подготовлены к внедрению нетра-

диционной для себя экономической политики и системы управления хозяйственным комплексом. Переход к рынку происходил непоследовательно и недостаточно продуманно. Социальная часть программы перехода к рынку при негативном состоянии экономики оставалась не более чем декларацией. В каждом принятом документе, выступлениях руководителей верхнего эшелона власти говорилось о стабилизации и о скором и существенном повышении жизненного уровня людей, а в реальной жизни наблюдалось углубление их бедственного положения. Достичь планируемых и утвержденных в программе, даже по остаточному принципу, показателей социального развития не удавалось. 1994 год характеризовался дальнейшим углублением кризисных процессов. Ускорилось падение производства, возрос дефицит бюджета, сохранялся высокий уровень инфляции, продолжалось падение курса белорусского рубля. Различие в декларациях и жизненных реалиях, как известно из исторического опыта, не укрепляют имидж власти. Неуверенность действий правительства Кебича в разрешении масштабных задач перехода экономики в новые исторические условия порождала в обществе синдром недоверия как к республиканским, так и к региональным структурам власти.

Но несмотря на сложившуюся в период политического и экономического перелома тяжелую социально-экономическую ситуацию, переход к новому укладу в республике проходил (в сравнении с другими государствами постсоветского пространства) мягче, с меньшими потерями в социальной сфере, с меньшим социальным напряжением. Положение в стране оставалось достаточно стабильным. В этом видится заслуга народа Беларуси, характеру и менталитету которого извечно присущи высокая духовность, профессионализм в труде, справедливость, великодушие и терпение

После распада СССР, как и после Великой Отечественной войны (сравнение будет к месту), белорусы посчитали свое трудное положение временным, проходящим, ожидали изменений, верили, что перемен к лучшему они смогут добиться сами, своим трудом через постепенный эволюционный путь экономических преобразований.

На выборах Президента страны население сделало выбор, проголосовав за А.Г. Лукашенко. Выступая в качестве кандидата на пост Президента во время избирательной компании, а затем и после избрания, А.Г. Лукашенко назвал главным направлением в своей деятельности – достижение консолидации общества и укрепление государства, борьбу с бедностью и обеспечение устойчивого роста благосостояния населения. Проанализировав состояние экономики и, определив причины разочарования людей, Президент учел их мотивы о необходимости возвысить государственную власть над частными интересами, навести в стране порядок.

Деятельность Президента носила наступательный характер. В стране формировалась строго централизованная система государственного управления. Объективная оценка обстановки, понимание того, что преобразования следует проводить в соответствии с интересами трудящихся и реальными возможностями страны, что для изменения сознания людей потребуется время, стало основой принятого решения – проводить реформирование старой системы постепенно, внедряя новые рыночные подходы, не отбрасывая социалистические приемы и методы эффективного управления и хозяйствования. Такие подходы следует признать правильными. В советское время было много того, от чего следовало отказаться ради успешного развития, но было и то, что и сегодня можно использовать для ускоренного движения вперед.

Анализ архивных документов, раскрывающих деятельность партийных и советских органов республики в 70–80 годах, показывает, что руководство республики понимало необходимость проведения в стране коренных преобразований задолго до Апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС. В 1973 году П.М. Машеров ориентировал партийно-хозяйственный актив на интенсивные методы хозяйствования. В заключительном слове на пленуме ЦК КПБ он говорил: «Для повышения эффективности промышленного производства нам всем нужно значительно лучше работать. А это возможно сделать только **при условии глубокой перестройки всей нашей деятельности** в области экономики, во всех звеньях организации производства и управления, **непременной перестройки** (выделено мною – *И. М.*) на началах интенсивных, и только интенсивных, методов организации дела...» [8, с. 149].

Сложившиеся еще в советское время конструктивные силы в партийном и советском аппарате, мощная промышленность (сборочный цех СССР), научный и образовательный потенциал мирового уровня, среднеевропейский уровень развития агропромышленного сектора позволяли республике развиваться относительно высокими и устойчивыми темпами в самые, как их теперь называют, застойные годы. Даже в последней (XII) советской пятилетке (1986–1990 гг.), когда в СССР национальный доход имел значение со знаком минус, в БССР его рост составил около 3 %.

Как подтвердил позднее (в 1999 г.) в своем выступлении в Москве в Государственной Думе А.Г. Лукашенко, в Беларуси после избрания первого Президента эти факторы были учтены: «Мы изначально отказались от революционной ломки, предпочитая ей постепенное реформирование экономики, перенимая все лучшее, что может предложить мировой опыт» [9, с. 1].

В Программе неотложных мер по выходу республики из кризиса (утверждена 30.09.1994) по-новому поставлен целый ряд вопросов. Здесь предусмотрен комплекс взаимоувязанных неотложных мер,

направленных на остановку спада производства, торможение инфляции, удержание существующего уровня жизни. В Программе определена главная цель – строительство социально-ориентированной рыночной экономики. Цены и тарифы на услуги населению предлагалось приближать к реальным издержкам поэтапно [10, с. 2, 3]. С этого времени социально-экономическое развитие белорусского общества пошло по пути программно-целевого регулирования. Государственная власть не полагалась на стихию рынка, не уходила из экономической и социальной жизни в стране.

Поворотным в становлении белорусской модели социальной политики стал 1995 год. Произошло усиление государственного регулирования. Рыночные отношения приняли режим постепенных социальных реформ. Как и предусматривалось в Программе, в 1995 году удалось остановить катастрофический обвал производства. Этот год стал последним, когда в Республике Беларусь наблюдалось падение основных производственных показателей.

В Программе социально-экономического развития республики на период 1996–2000 годов (принята в октябре 1996 года, с ее принятием положено начало постсоветским пятилеткам) были предложены более эффективные механизмы проведения приватизации, новые сроки децентрализации и разгосударствления. Тогда же разработана и утверждена «Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2010 года». В этих документах обозначен курс на проведение в стране сильной и эффективной социальной политики, повышение уровня и качества жизни населения и сокращения малообеспеченности. Речь в этих документах шла о разумном соотношении обеспечения населения социальными благами с экономическими возможностями страны.

С принятием программных документов модернизация экономики и государственно-правовой системы в Беларуси осуществлялась более продуманно и в щадящем режиме. У людей появилась уверенность в будущем, усилилось стремление к производительному труду. Большинство ведущих отраслей наладили стабильность в работе. С 1997 по 2000 год объемы производства увеличивались от 10 до 18 % ежегодно [5, с. 283]. Рост ВВП в 1997 году составил более 11 %, в 1998 – 8,4 %. В 2000 году экономический рост ускорился: прирост ВВП составил 8 %, превысив уровень докризисного и самого успешного для советской Беларуси 1990 года. В целом по большинству показателей первый пятилетний план был выполнен. Промышленное и сельскохозяйственное производство на завершении этой пятилетки превзошло показатели 1991 года. За период 1996–2000 годов ВВП вырос на 36 % [11, с. 8].

По мере укрепления экономики складывались условия и предпосылки для целенаправленной деятельности по реализации целей и задач социального государства. Социальная политика белорусского государства в это время была нацелена на создание необходимых условий жизнедеятельности человека, на удовлетворение возрастающих социальных и духовных потребностей населения, создания в обществе благоприятного социального климата. Реальная зарплата занятых в сфере производства увеличилась на 10 % [11, с. 9]. В стране обеспечена продовольственная безопасность. С этого времени остановлен процесс социального расслоения населения.

О формировании белорусской экономической модели с четко выраженной социальной направленностью сказано в принятой на втором Всебелорусском собрании (18 мая 2001 г.) Программе социально-экономического развития на 2001–2005 годы. Здесь указывалось на необходимость увеличения ВВП страны на 40 %, а уровня благосостояния народа – в 1,8 раза. При этом социальная составляющая ориентировалась на экономическое мышление трудящихся, на достижение их высокой обеспеченности за счет собственных усилий. Прогрессивное развитие предполагалось обеспечить только за счет роста производительности труда и внедрения новых технологий и новых методов совершенствования производства и управления. Намечался выход на эффективную работу ведущих экспортно-ориентированных предприятий страны (Минского тракторного и автомобильного заводов, Солигорского калийного комбината, Новополоцкого и Мозырского нефтеперерабатывающих заводов и др.).

Конечные результаты этого периода показали, что программные установки на эффективную социальную политику в Республике Беларусь, провозгласившей себя социальным государством, при широкомасштабном государственном вмешательстве в экономику и социальную политику успешно реализовывались. На данном этапе стабильно наращивался потенциал национальной экономики, соответственно, и база для проведения эффективной государственный социальной политики. Устойчивый прирост промышленной и сельскохозяйственной продукции давал основание рассчитывать на благоприятное развитие экономики Беларуси в ближайшей и далекой перспективе.

В докладе А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском собрании «Об итогах выполнения Программы развития страны на 2001–2005 годы и о новой Программе социально-экономического развития на период 2006–2010 годов» было сказано, что выработанный курс развития страны оказался правильным. Выпуск промышленной продукции за пять лет увеличился на 52 %, сельскохозяйственной – на 26 %. Ежегодный прирост ВВП составил более 7,5 %, против 3,5 % среднемирового [15, с. 15]. Результаты такого уровня могут быть сравнимы только с лучшими периодами советской эпохи. В числе передовых предприятий в эти годы находились коллективы ПО «Минский тракторный завод», «БелАЗ», БелАвтоМАЗ,

белорусское унитарное предприятие «Белорусский металлургический завод», большинство предприятий нефтеперерабатывающей промышленности. Здесь смогли в короткие сроки наладить выпуск новой продукции, которая имела спрос на внешних рынках.

Сложившиеся благоприятные финансово-экономические условия и адаптация к специфике рыночной экономики, позволили государству, его управленческим структурам отойти от применявшейся ранее патерналистской модели социальной политики, приблизив ее к либеральной модели. Фактор эффективности производства стал важнейшим фактором социальной политики. Трудящимся республики были предоставлены возможности в большей мере самим определять свой статус и свое благосостояние. Правительство использовало подходы, которые бы стимулировали в людях творчество, развивали у наиболее массовой группы населения, занятой наемным трудом, сильную трудовую мотивацию. Основную роль в подъеме благосостояния населения стала занимать заработная плата. Она определялась в соответствии с производительностью и эффективностью труда, имела тенденцию к постоянному росту. За пять лет среднемесячная заработная плата в среднегодовом исчислении выросла (в пересчете на американскую валюту) до 260 долл. Наиболее значительное увеличение ее (на 30 %) в сравнении с предыдущим годом произошло в 2001 году. Средний размер пенсий за это время (с учетом компенсационных выплат) составил 104 долл. На завершении 2005 года оплата труда работников социальной сферы (охраны здоровья, образования, культуры) была приближена к среднереспубликанскому уровню. Выше среднереспубликанского уровня имели зарплату работники науки и научного обслуживания, промышленности, транспорта, связи и строительства.

В 2005 году в стране зафиксирован самый низкий уровень инфляции (8 %) за весь год. При низких белорусских ценах Республика Беларусь еще больше опережала страны, входившие в СНГ, по покупательной способности населения. Удельный вес малообеспеченного населения в общем количестве жителей республики снизился с 41,9 до 12,7 %.

Рельефно социальная направленность белорусской модели социально-экономического развития определялась и в последующие пять лет. В Программе развития страны на 2006–2010 годы реальные денежные доходы, в том числе и зарплату, планировалось поднять на 50–55 %, а уровень жизни населения Беларуси приблизить к среднеевропейскому.

Первый год третьей пятилетки оказался успешным – почти по всем показателям социально-экономического развития план года был перевыполнен. ВВП увеличился на 9,9 %. При этом объем производства промышленной продукции увеличился на 11,3 %. В сельском хозяйстве прирост составил 6,1 %. Инвестирование средств в промышленную группу «Б» позволило удовлетворить спрос населения на дефицитные товары и продукты питания. Возросли возможности населения в накоплении семейных сбережений, нуждающихся – в приобретении квартир. Впервые за все постсоветские годы в течение одного года возведено более 4 млн. кв. м жилья. Производство потребительских товаров, без учета промышленных товаров, увеличилось почти на 10 %. В расчете на душу населения потребительских товаров (холодильники, телевизоры, ткани и обувь) в Беларуси производилось больше, чем в других странах СНГ. Реальная зарплата в бюджетной сфере возросла более чем на 20 % (планировалось 6–7 %). Розничный товарооборот увеличился за 2006 год на 17 % [11, с. 21].

В дальнейшем также наблюдалось довольно устойчивое повышение уровня жизни населения. Подтверждается это, прежде всего, ростом реальной заработной платы, возросшими возможностями населения в приобретении значимых бытовых, промышленных товаров и высококалорийных продуктов. Население приобрело за это время значительное количество автомобилей. В 2008 году в республике находилось в личном пользовании почти 3 млн. транспортных средств.

Приоритетным направлением социальной политики на эту пятилетку стало развитие социальной структуры села. Выполняя Государственную программу возрождения и развития села (принята в марте 2005 г.), на базе центральных усадеб хозяйств или центров сельских Советов, созданы агрогородки. Только в одном Витебском районе за 4 года реализации этой программы построено 438 домов и квартир, обустроено 14 из запланированных 17 агрогородков. В республике за 2005–2007 годы в 253 агрогородках были завершены работы по созданию важнейших объектов инфраструктуры. Обеспеченность населения учреждениями коммунально-бытового и социально-культурного назначения здесь мало чем отличалось от тех, что имеются в крупных городах [13, с. 228, 234].

На протяжении всех лет государство прилагало огромные усилия по привлечению населения к здоровому образу жизни. С государственного бюджета ежегодно выделялись значительные средства на строительство и реконструкцию спортивных и культурно-просветительных объектов. Благодаря этому в 2010 году около 16 % населения республики приобщено к регулярным занятиям физической культурой и спортом [14, с. 6].

Демографическая ситуация на это время пока имела результат со знаком минус. Режим депопуляции, в котором страна находилась с 1994 года, привел к довольно значительному сокращению населения республики. Особенную тревогу вызывали социодемографические показатели рождаемости и смертно-

сти. Если в 1999 году детей в возрасте до 15 лет в общем количестве населения республики было 21,2 %, то в 2005 – только 17,7 % [15, с. 50]. За шесть лет с 2001 по 2006 год население Витебской области сократилось за счет собственной убыли (превышение смертности над рождаемостью) на 64 508 человек [16, с. 8].

Но и здесь удалось переломить негативную тенденцию. В 2005 году коэффициент детской смертности в стране (на 1000 рождений) уменьшился по сравнению с 2000 годом с 11,3 до 6,4 % [17, с. 63]. В 2007 году наблюдалась самая высокая рождаемость за все предыдущие 25 лет. Число родившихся за этот год выросло на 7 %, детская смертность снизилась на 15, материнская – на 2,7, послеоперационная летальность при экстренной хирургической патологии – на 16 % [18, с. 2].

Как видно, белорусская модель с прямыми методами регулирования рыночной экономики привела к позитивным изменениям в решении социальных задач для населения республики. Даже в сложном 2007 году, когда произошло значительное повышение мировых цен на нефть и газ, социальные программы рассматривались в республике в качестве приоритетных. В государственной политике намечалось даже усиление социальной составляющей. Реальные денежные доходы населения за этот год возросли на 14,9 %, а реальная заработная плата – на 9,5 %.

С 2000 по 2008 год наблюдался поступательный рост покупательной способности за счет повышения заработной платы. В 2008 году среднемесячная заработная плата работников, занятых в хозяйственном комплексе, выросла до 500 американских долл. На достойном уровне находилось пенсионное обеспечение. Пенсии за два года этой пятилетки увеличились на 40 %. Среднемесячная пенсия на завершение 2008 года в пересчете на американскую валюту составляла 177 долл. (в России – 154 долл.). Поскольку рыночные отношения в социальной политике стали более ощутимы, возросли расходы самих граждан на важнейшие виды услуг, где ранее имелись значительные дотации государства. Так, оплата коммунальных услуг без дотаций государства достигла 50 и даже 70 %. У государства появилась возможность выделять и использовать бюджетные средства на других направлениях [19, с. 3].

В 2008 году в эксплуатацию введено 5,15 млн. м кв. жилья [11, с. 16]. Реализована обширная программа по улучшению социальных условий для жителей села. В результате сельскохозяйственное производство республики по эффективному использованию производительных сил переместилась в число передовых стран.

Существенные изменения в положительную тенденцию успешного решения социальных вопросов населения республики, которая четко обозначилась с 1995–1996 годов, привнес 2009 год. Разразившийся в мире с середины 2008 года глобальный финансовый кризис, внес коррективы в планы социально-экономического развития и Беларуси. 2009 год показал, что социальная политика есть производный продукт не только внутренней политики государства. Реализация государственных планов по созданию достойных условий жизни и творческого развития человека, стабильное повышение благосостояния населения страны зависят также от внешнего влияния, от состояния экономик и поведения соседних стран. Республика Беларусь – небольшая по территории и бедная природными ресурсами страна – не может быть экономически самодостаточной. Она тысячами нитей связана с внешним миром, ее промышленный комплекс тесно переплетен интеграционными связями с Россией. Уже в 2008 году из-за падения покупательной способности многих ее импортеров, в том числе российских, республика столкнулась с проблемой экспорта. Многие предприятия по результатам года понесли значительные потери.

Тревожные последствия 2008 года стали ощутимы уже на самом старте наступившего 2009 года: в начале января произошла девальвация белорусского рубля. Уменьшение спроса на экспортные поставки основных видов продукции промышленных предприятий привело к росту складских запасов. Несмотря на прилагаемые усилия по сбыту произведенной продукции, затоваренность оставалась очень высокой (на начало 2010 года – шесть трлн. руб. [20, с. 2].

Влияние внешних факторов на экономику республики в 2007–2010 годах негативно отразилось на выполнении прогнозируемых показателей социальной сферы. Девальвация белорусского рубля, рост цен привели к снижению покупательной способности населения. Реальная заработная плата (в среднем 500 долл.) после 2008 года стала ниже прежней. Трудовые пенсии отставали от уровня зарплат. При этом цены на продовольственные продукты, социально значимые товары стали плавающими. Наблюдалась высокая инфляция и снижение уровня жизни населения. В этих условиях нужно было искать новые, нестандартные подходы. Пришлось вновь прибегнуть к усилению административного влияния на развитие социальной сферы. За счет субсидий государство стало поддерживать приемлемые для населения цены на потребительские товары, на услуги ЖКХ, на общественный транспорт. Государственные дотации только на оплату коммунальных услуг населению выросли в 2010 году до 66 %, в денежном выражении это более 1 млрд. долл. США [20, с. 6]. В сентябре 2010 года Президент республики А.Г. Лукашенко, называя эти цифры, одновременно сделал вывод, что такой подход был вынужденной и временной мерой.

Как видно, в перспективе в Республике Беларусь будет и в дальнейшем реализовываться собственная белорусская модель социальной политики (с предпочтением элементов либеральной модели). Целью социальной политики данной модификации остается дальнейший рост уровня жизни населения

страны за счет устойчивого развития экономики. Главным фактором повышения уровня и качества жизни населения, формирование в республике общества социальной справедливости при такой социальной политике должна стать заработная плата. Такой подход ведет к повышению ответственности самих граждан за свое благополучие. Именно заработной плате принадлежит роль стимулятора прогрессивного экономического развития и повышения эффективности национальной экономики.

В заключение необходимо отметить, что исследование текущих событий последних 20–30 лет – чрезмерно трудная для исторической науки задача. Научный анализ, более достоверные выводы требуют определенной временной составляющей. Исторический опыт подсказывает, что происходящие процессы в экономике и социальной сфере текущего периода, более объективной оценке поддаются позднее, когда начинают проявляться неизбежные позитивные (или негативные) последствия, принятой и реализуемой государственной политики в стране, с учетом воздействия внутренних и внешних факторов.

Сегодня, обобщая содержание научных публикаций зарубежных и отечественных авторов по данной тематике, анализируя происходящие события в окружающих нашу республику странах, статистические показатели уровня и качества жизни белорусского населения, учитывая общественное мнение, можно сделать следующие *выводы*.

Во-первых, в Республике Беларусь можно использовать опыт строительства социальных государств в условиях рыночной экономики стран, которые сегодня можно отнести к таковым (Швеция, Швейцария, Германия, Финляндия, Израиль). Практика показала, что становление и развитие социальных государств в этих странах происходило на протяжении длительного времени, как правило, через три этапа. На первом (начальном) этапе на протяжении 60–75 лет шло создание концепции и правовой основы, вырабатывались ведущие направления экономической и социальной политики, шла подготовка кадрового состава, формирование институтов рыночной структуры на всех уровнях власти. Второй этап (переходный) занимал в среднем от 15 до 20 лет. На данном этапе шло совершенствование всех составляющих рыночного механизма в государстве. И только поле этого наступал третий этап – в это время осуществлялись прогрессивные социальные реформы в интересах широких слоев населения, постепенно наступало стабильное функционирование экономической и политической системы, которая могла обеспечить высокие стандарты в жизнедеятельности человека. Продолжительность периодов в различных странах зависела от причин как внутреннего, так и международного характера.

Однако из-за разного начального стартового уровня при формировании ныне принятой социальной политики в Республике Беларусь, менталитета белорусского общества, сложившихся вековых традиций из этого опыта возможно взять лишь отдельные его элементы.

Во-вторых, с обретением независимости в Республике Беларусь на протяжении более 20 лет шел и до сих пор продолжается трудный поиск оптимального варианта социальной политики. В процессе поиска допускались ошибки, вызванные как объективными, так и субъективными факторами. Такое положение является следствием перехода на новую для страны систему экономических и общественных отношений. Как свидетельствует историческое прошлое, переход к другому общественному укладу ни в одной стране не проходил гладко и в короткие сроки. Подыматься по исторической лестнице и перепрыгивать через ступеньки не получалось еще ни у одного народа.

До 1995 года (в начале переходного периода) социальная политика в белорусском государстве носила сложный, противоречивый характер, имела большие издержки. Первые шаги к рыночной экономике пришлось делать в то время, когда в стране в силу объективных и субъективных причин наблюдалась тяжелая ситуация в экономике, по этих же причинах – и в социальной сфере также. Происходило резкое сокращение ВВП, имелась высокая инфляция, деградация социальной сферы, падение уровня жизни и значительный разрыв в доходах. Разбалансированная политическая элита республики тогда не смогла учесть всего комплекса исторических, политических, экономических, культурных и идеологических факторов текущего времени. Процесс трансформации происходил в направлении к западной модели общественного развития. Участие государства в управлении экономикой и социальной сферой в это время было минимизировано. Реализация социальной политики осуществлялась по смешанной модели, приближаясь к либеральной. Обвальное разрушение экономики и социальной сферы, омертвление колоссальных производительных сил вызывали глубокое разочарование и апатию в белорусском обществе.

Социальная политика в современной белорусской модификации в республике начала складываться с 1995 года. В это время стало очевидным, что в стране сложилась ситуация, когда остро встал вопрос о выборе дальнейшего пути развития: в вариант принятой в 1990 годы программы перехода к рынку, в том числе в раздел, где декларировалась ее социальная часть, были внесены уточнения и изменения. Учтено, что переход к новой социально-экономической системе является крутым историческим поворотом и насаждать рыночные отношения без необходимой для этого перестройки низших, базисных звеньев экономической структуры небезопасно.

Следует согласиться с мнением профессиональных экспертов, что с избранием в 1994 году А.Г. Лукашенко первым Президентом Республики Беларусь роль государства в решении вопросов социально-

экономического развития страны резко возросла. При реализации основных положений своей предвыборной программы Президент учел адаптированность граждан к социалистической системе. Внутренняя политика страны стала осмысленно направленной на сохранение преемственности политики советского периода. При внедрении рыночных подходов не отбрасывались, ранее оправдавшие себя социалистические приемы и методы хозяйственно-управленческой системы.

Белорусская модель социально-экономического развития с 1995 года приняла жестко централизованные методы управления экономикой и сильной регулирующей ролью государства в социальной сфере. Государство в это время стремилось стимулировать экономический рост, смягчить социальные последствия того общественного неравенства, которое неизбежно для начального этапа рыночной экономики. Относительно складывающейся обстановки такой подход демонстрировал на этом этапе свою живучесть. Он активизировал производственную деятельность. Промышленное и сельскохозяйственное производство в 2000 году превзошли показатели 1991 года. ВВП за период 1996–2000 годов вырос на 36 %, остановлен процесс социального расслоения населения. До 2000 года кризисное состояние в социальной сфере было преодолено, социальное положение населения республики нормализовалось.

В дальнейшем, с 2000 по 2010 год республика достигла двукратного роста реального ВВП, что дало возможность более целенаправленно решать проблемы по социальной защите трудящихся.

Рассматривая эффективность социальной политики через такой показатель, как размер ВВП на душу населения, важно отметить значительные достижения этого короткого по историческим меркам периода: по паритету покупательной способности на душу населения ВВП с 2000 по 2010 год увеличился в 2,6 раза – с 5083 до 13864 долл. [21, с. 18]. Доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума за шесть лет (2002–2008) снизилась более чем в пять раз. Даже в самых сложных для страны 2008–2009 годов отечественная экономика хотя и не достигла планируемого уровня роста, но смогла, в отличие от большинства других стран, не допустить его спада [22, с. 17]. Это является свидетельством того, что государственные управленческие структуры имели в это время в своем арсенале антикризисные механизмы, способные удержать конкурентоспособность национальной экономики и ее социальную направленность. Подтверждением правильности такого подхода может быть и мировой опыт. В 1933 году президент США Ю.Д. Рузвельт предложил программу выхода из кризиса «Новый курс», которая предусматривала широкое вмешательство государства в экономику. Реализация предложенной программы с отлаженным государственным управлением оживило американскую экономику в довольно короткие сроки.

Поэтому, как нам представляется, проводимую с середины 90-х годов по 2010 год государственную социальную политику в Республике Беларусь можно в целом признать рациональной. На данном этапе развития государства принятые решения о проведении социальной политики по такому варианту были достаточно взвешенными. Ориентация на социальную защищенность людей здесь была постоянной.

В-третьих, применяемую в республике модель социальной политики, ориентируемую на повышение уровня жизни, снижения степени социального расслоения населения, которая в большей степени носила патерналистский характер, конечно же, нельзя идеализировать. Становление рыночной экономики и социально-ориентированного государства в это время в республике находилось еще на раннем этапе. Каждый год ставил перед политиками и экономистами все новые и новые вопросы, на которые не всегда находились адекватные ответы. Существенный спад в 2009–2010 годах показателей, характеризующих социальное положение населения республики, свидетельствует, что в Беларуси в исследуемом периоде наряду с внешними имелись и внутренние факторы, отрицательно влияющие на стабильное повышение уровня жизни людей.

Слишком высокая инфляция в 2009–2010 годах – это показатель не только внешнего влияния, но и того, что решение социальных проблем в стране не всегда находилось, как этого требуют экономические законы, в прямой связи с эффективностью производства. Стремление руководства республики обеспечить социальную защиту населения (что само по себе воспринималось как благо) за счет сохранения рабочих мест, которые не приносили дохода, роста зарплаты, порой, без учета возможностей реальной экономики, стало одной из важнейших и конкретных причин гиперинфляции. Представление о сохранении достигнутого жизненного уровня населения в кризисный период за счет роста заработной платы без учета показателей, характеризующих эффективность труда – это «простое решение», которое ведет к негативным последствиям. Подход, когда начисляемая и выплачиваемая на предприятиях республики заработная плата опережает рост производительности труда, – это не что иное, как нарушение объективно действующих экономических законов [23, с. 46]. Правительство страны в таком случае становится заложником своей же политики.

Проведение государством целенаправленных мероприятий по повышению жизненного уровня населения должны целиком согласовываться с эффективностью функционирования экономики страны, а заработная плата работников отраслей промышленности и сельского хозяйства – служить стимулом поднятия их интереса к повышению эффективности труда. Из вышесказанного видно, что внутренняя политика государства в области либерализации оплаты труда должна находиться в полном соответствии с

эффективностью хозяйствования. В социальном государстве может быть жизненной одна формула: «максимум благ за максимально высокопроизводительный труд!».

К числу факторов, не позволяющих в полной мере раскрыться белорусской социально-экономической модели, можно отнести недостаточно глубокую проработку на предыдущих этапах сложной, но, как свидетельствует мировой опыт, решаемой с пользой для всеобщего блага проблемы о развитии эффективно функционирующей акционерной собственности работников. Сложившиеся в республике производственные отношения (они же сохранились и после 2010 г.) пока не приблизили работника к собственности. Вместе с приватизацией и развитием бизнеса происходило отчуждение наемного работника от участия в управлении производством. Имея значительное количество акций, он так и не стал совладельцем предприятия. Партнерские отношения в процессе производства, имевшие место в советский период, вытеснялись патерналистскими. Даже у работников государственных предприятий произошло изменение психологического настроения. Анкетный опрос инженерно-технических работников Витебской области (2010 г.) выявил их обеспокоенность недостаточным вниманием к человеку труда в коллективе, отсутствием реальных условий собственной востребованности в производственной и общественной жизни. По их мнению, простые люди способны играть более заметную роль в воздействии на экономические и социальные процессы в трудовых коллективах, принимать участие в управлении делами государства и общества в различных и доступных формах. Этому пока мешает весьма высокая централизация в управлении, контрактная форма найма на работу, другие бюрократические элементы системы. У персонала частных предприятий недовольных своим статусом – еще больше [24, с. 10].

Трудовые отношения такого порядка между наемными работниками и нанимателями ограничивали инициативу и предприимчивость, являлись тормозом при формировании у рабочих, инженерно-технических работников и служащих основ добросовестного труда, укрепления социальной справедливости и социальной солидарности общества.

Ответственность трудовых коллективов за судьбы своих предприятий, за решение экономических и производственно-технических проблем может многократно возрасти при изменении существующей системы акционирования, через массовое включение трудящихся в сферу труда и общественное самоуправление. В первую очередь предстоит решать проблему трудовой мотивации и социальной ответственности работников наемного труда.

Данная проблема является на сегодня насущной и для других стран, но в Беларуси она требует особого научного анализа и практического решения с учетом национального и исторически сложившегося менталитета и стереотипа населения.

Накапливались противоречия и в других социальных сферах. Установившаяся еще в 80-х годах XX столетия тенденция малодетности семьи или откладывания рождения детей молодоженами на более позднее время с 1993 года стала преобладающей и устойчивой. Одной из главных причин такого состояния можно назвать низкую степень материальной обеспеченности многодетных семей. Среди семей, имеющих трое и более детей в возрасте до 18 лет, доля малообеспеченных в 2009 году составляла 32,8 % [25, с. 129].

Современная демографическая ситуация (снижение численности населения, увеличение в нем доли людей в возрасте 65 лет и старше) требует комплекса государственных мер, способных оказать существенное влияние на натуральный прирост населения страны. Важнейшим фактором здесь может быть выделение многодетным семьям из государственного фонда комфортного жилья, предоставление более значимых пособий и льгот. Руководство республики озабочено этой проблемой, ищет пути для ее нормализации. В 2011–2012 годах она уже нашла свое частичное разрешение: в 2012 году среднемесячный размер пособий на детей до трех лет вырос в два, а старше трех – в 3,3 раза. Родители, имеющие двоих детей и больше, получили право на повышенный размер стандартного налогового вычета, на детей до трех лет при наличии рецепта врача – обеспечение бесплатным лекарством. К тому же на дальнейшее положительное решению вопроса о повышении жизненного уровня многодетных семей направлен и Закон «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей», проект которого подготовлен и находится на стадии принятия. Закон предусматривает адресность государственной помощи и усиление защиты семей [26, с. 3].

К числу серьезных проблем, которые имелись в республике, следует отнести проблему подготовки и закрепления на производстве высококвалифицированных, творческих рабочих, способных производить высококачественную, технически сложную продукцию, находящую спрос и в стране, и за рубежом. На многих предприятиях (особенно в металлообрабатывающей, станкостроительной, в последние годы в строительной отрасли) остро встал вопрос неукомплектованности штатного расписания квалифицированными специалистами и рабочими ведущих специальностей. Это же относится и к рабочим со средней квалификацией и обычной вооруженностью труда. Для производства не хватает токарей-универсалов, слесарей широкого профиля, фрезеровщиков, каменщиков, штукатуров, трактористов и т.д.

Сформированная в прежние годы система профтехобразования в республике сохранилась, но престиж рабочих профессий в стране, как показывает анализ, ощутимо снизился. Сократился прием в профессионально-

технические училища, соответственно, и выпуск рабочих массовых профессий. Неудовлетворительно велась индивидуальная и курсовая подготовка рабочих на предприятиях. К тому же в 2009–2010 годах после девальвации национальной валюты усилился отток квалифицированных работников с отечественных предприятий и организаций, связанный с выездом на работу в другие страны. Неудовлетворительное кадровое обеспечение собственных предприятий отражается на эффективности их работы. На отдельных производствах не было должного порядка и дисциплины, не соблюдался технологический процесс. В итоге во все рассматриваемые годы (такое положение сохранилось и в 2013году) в республике не подошли к той производительности труда и качеству выпускаемой продукции, которая имеется на американских и немецких предприятиях. Наши товары с трудом конкурируют на внешних рынках [27, с. 2].

Исследователи считают, что наряду с мотивацией трудовой деятельности людей посредством роста вознаграждения за труд требуется корректировка существующей системы профессиональной ориентации молодежи на рабочие профессии. В этой же составляющей целесообразно было бы обратить внимание на комплекс вопросов, связанных с функционированием высшей школы. В XXI столетии Республика Беларусь вошла в число государств с высоким уровнем грамотности населения (уровень грамотности взрослого населения в республике – 99,6 %). По этому показателю она опережает многие развитые страны. В республике функционирует широкая сеть высших учебных заведений (на 1 января 2010 г. функционировало 53 вуза, обучалось более 420 тысяч студентов). Но вместе с ростом массовости в высшей школе накапливались слабые места. При перегруженности студенческой аудитории, невысокой обеспеченности вузов профессорским составом, низкой заинтересованности студентов в развитии своих познавательных способностей добиться требуемого на данном этапе высокого качества образования невозможно. Значительная часть студентов, используя легковесность испытательной системы на вступительных испытаниях, сориентирована на получение диплома, не проявляя при этом усердия в усвоении дисциплин и приобретении практических навыков и умений в избранной профессии. Нынешняя ситуация отражает неоправданно возрастающий с каждым годом (начиная с 1994 года) количественный рост студентов высшей школы, что нарушило пропорциональность в подготовке специалистов высшей и средней специальной квалификации, затруднило работу по социальной ориентации и набору молодежи в учебные заведения, которые готовят рабочих массовых профессий и специалистов среднего звена. Медицинские учреждения страны испытывают острый дефицит в среднем медицинском персонале. Спрос на медицинских сестер в городах республики в 2013 году почти в 50 раз превышал предложение. Не полностью укомплектованы этими должностями поликлиники и больницы в сельской местности.

Юлия Василицина, освещая данную проблему (Медсестра на вес золота. Советская Белоруссия, 11.09.2013), задается вопросом, «кто придет через пару лет на смену в больницы и поликлиники» (речь идет о медсестрах). В статье, в основном, сделан правильный и профессиональный подход к этой проблеме, раскрыты причины недобора учащихся в медицинские колледжи на бюджетные места по данной специальности – это последствия демографической ситуации, высокая стоимость жилья в столице для съемщиков, невысокая зарплата при высокой нагрузке и другие факторы. Автору, на наш взгляд, следовало отметить очевидное: правительство, министерства и ведомства страны, функцией которых является прогнозирование и своевременное решение этих задач, не смогли оценить состояние с подготовкой работников дефицитных в республике специальностей. В образовательной политике государства не был обеспечен системный подход и усиление его регулирующей и стимулирующей роли в подготовке специалистов для хозяйственного комплекса страны в средних специальных учебных заведениях и технических училищах.

Если в самое ближайшее время не отрегулировать ситуацию, то подобная диспропорция, как отмечалось на рабочей встрече Президента А.Г. Лукашенко с председателем Совета Республики Национального собрания А. Рубиновым, может в конечном итоге нанести вред экономике страны [28, с. 2].

Пути решения назревших проблем высшей школы находятся, как представляется автору, в совершенствовании системы отбора молодежи для учебы в высшие учебные заведения. На первом месте при комплектовании студенческой аудитории должен быть учет востребованности специалистов высшей квалификации в хозяйственном и социально-культурном комплексе как на нынешнем этапе, так и на известную перспективу. Менеджмент образования высшей школы республики может стать более соразмерным современным требованиям, если изменяться критерии отбора студенческого контингента. Показатели уровня знаний, приобретенных учащимися в средней школе и абитуриентами на вступительных испытаниях, необходимо поднять на несколько порядков выше, чем те, которые существовали на протяжении последних 10–15 лет (хотя бы половину баллов от 100 % возможных) Только такой подход (это подтверждается мировой практикой, эту же точку зрения разделяют ректоры высших учебных учреждений) является показателем готовности молодого человека к постоянной высокой нагрузке, самосовершенствованию через осознанное отношение к учебному процессу [29, с. 4]. Требует внимания и продуманности с учетом складывающейся обстановки система целевого набора.

Несмотря на часто обсуждаемый в стране на высоком уровне вопрос об отношении государства к социальному слою людей, которые занимаются интеллектуальным трудом, он так и остается пока не до-

веденным до логического завершения. Темпы роста заработной платы педагога общеобразовательной школы, техникума, вуза на протяжении длительного времени отставали от заработка работников отраслей промышленности [30, с. 2]. В результате труд учителя, педагога средней специальной и высшей школы, без которого и «речи быть не может ни о какой культуре», обесценивался, терял свой престиж.

Несмотря на расцвет информационных технологий обучения, педагогика вуза, других учебных заведений никогда не обойдется без профессора, доцента, учителя, которые воплощают сущность образования. Отсюда вытекает необходимость по-новому подойти к формированию оптимальной государственной кадровой политики в сфере образования. Ближайшая задача дня – поставить народного учителя на ту высоту, которая ему предназначалась еще в Российской империи и декларировалась на заре советской власти, сегодня об этом также много говорится и пишется. Даже в сложных финансово-экономических условиях государственная политика в области оплаты труда педагога должна гарантировать ему достойное материальное обеспечение. В высшей школе особенно бережно следует относиться к человеку со статусом профессора, доцента. Безусловно, что эти авторские выводы носят самый общий характер. В развитии белорусского общества не может быть шаблона.

В поиске новой системы организации и регулирования экономики, а вместе с ней и социальной политики сегодня находятся многие страны. Республика Беларусь не может быть здесь исключением. Она объективно зависит от общего состояния мировой экономики, которая время от времени попадает в глубокие кризисы. Безошибочно определить, что может произойти в мире в ближайшее время, не говоря о более далёких перспективах, невозможно. Чтобы справиться с проявляющимися внешними угрозами, руководство республики должно и дальше проводить мудрую внешнюю и внутреннюю политику.

Позднее, когда представится возможность исследовать всю совокупность взаимопереплетающихся противоречивых тенденций в их связи с вызовами, происходящими в мировой экономике, можно будет получить достоверное представление о том, что происходило на этапе 1991–2010 годов.

Заключение. Развитие Республики Беларусь сегодня, ее поступательное продвижение вперед в исследуемый период осуществлялись на основе концепции строительства социального государства раннего этапа, когда требовались адекватные ответы на вызов времени, на последствия, возникшие при разрушения единого экономического пространства, сложившегося в советское время между республиками СССР и, что также немаловажно, со странами социалистического лагеря.

Создание собственной белорусской социально-экономической модели осуществлялось на этом этапе с опорой на трудолюбие и добросовестность людей, с учетом исторических национальных традиций и ментальности белорусов. В стране формировалась социальная экономика, где на приоритетное место выдвигалась забота о человеке.

Конечно, в силу объективных и субъективных причин, допускались и ошибки, из-за которых белорусское общество несло потери в хозяйственном и культурном строительстве.

На совершенствование белорусской социально-экономической модели, приближение ее к оптимальному варианту потребуется определенное время, в течение которого необходим аналитический и взыскательный подход к оценке исторических событий, извлечение уроков из недалекого прошлого и осознание вызовов будущего. Объективная оценка реального положения текущих дел в республике и ее регионах, постоянный научный анализ как успехов, так и неудач – прерогатива руководящих органов власти и ученых. Центральное же место в выборе оптимальной хозяйственной и социальной модели, ее построение принадлежит многомиллионным массам трудящихся, их включенности в этот процесс. Как и во всех цивилизованных странах, в нашей республике гарантией формирования более производительного и эффективного социально-экономического уклада является ответственность и патриотизм ее граждан. Только высокая осознанность каждым жителем Беларуси того, что решение главной цели зависит от его личного активного творческого участия в производственной, общественной и политической деятельности, станет важнейшим фактором формирования зрелого социального государства. Именно понимание каждым жителем республики своей роли в этом процессе способно теснее сплотить белорусское общество, объединить все его силы на развитие экономики республики, которая и является средством решения социальных программ. Задача – сложная, но посильная. Для этого имеется политическая воля государственного руководства страны, созданные всеми предшествующими поколениями материальные и духовные ценности, неравнодушное отношение к судьбе Отечества миллионов белорусов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fukuyma, F. Trust: The Social Vitues and the Creation of Prosner / F. Fukuyma; ty. – Penguin Books. – 1995. – 131 p.
2. Сборник законов БССР. – 1990. – № 29.
3. Народное хозяйство Республики Беларусь, 1995 г. – Минск, 1996.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2000.

5. Белорусский экономический журнал. – 2006. – № 2.
6. Статистический ежегодник Республики Беларусь. – Минск, 2001.
7. Население Республики Беларусь. Статистический ежегодник. – Минск, 2009.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 20. – Д. 510.
9. Выступление А.Г. Лукашенко в Госдуме Российской Федерации // Советская Россия. – 1999. – 31 окт.
10. О программе неотложных мер по выходу экономики Республики Беларусь из кризиса: постановление Верховного Совета Респ. Беларусь от 30.09.1994 № 3249-XII // СБ Беларусь сегодня. – 1994. – 2 нояб.
11. Медведев, Р.Н. Белорусская крепость / Р.Н. Медведев // Белорусская думка. – 2009. – № 12.
12. Устремленность в будущее: Беларусь, 1995–2008.
13. Сакович, В.С. Сельское хозяйство Республики Беларусь в 1980–2007 гг.: тенденции развития / В.С. Сакович. – Минск, 2008.
14. Первый год новой пятилетки: основные ориентиры социально-экономического развития страны в 2011 г. – Минск, 2011.
15. Республика Беларусь // Энциклопедия. Т. 1. – Минск: Белорус. Энцикл. – 2005.
16. Мандрик, И.В. Социальная безопасность и роль профсоюзов в ее обеспечении / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 2(20).
17. Республика Беларусь в цифрах. – 2006.
18. Медицинский вестник. – 2008. – 7 февр.
19. Лукашенко, А.Г. Наша цель – создать обновленный облик Беларуси: выступление на VI съезде Федерации профсоюзов Беларуси / Лукашенко А.Г. // СБ Беларусь сегодня. – 2010. – 18 сент.
20. СБ Беларусь сегодня. – 2010. – 23 янв.
21. Дачковский, А.А. Экономический рост в Республике Беларусь: состояние, проблемы, перспективы / А.А. Дачковский // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2011. – № 1.
22. Таранова, А.В. Матэрыяльны дабрабыт і сацыяльна-эканамічная няроўнасць насельніцтва ў Рэспубліцы Беларусь: сацыялагічны аспект / А.В. Таранова // Весці Нац. Акад. навук Беларусі. – 2011. – № 1. – (25. Финансы, учет, аудит).
23. Корап, В.У. Манеторны індыкатар стану беларускай эканомікі / В.У. Корап // Весці Нац. Акад. навук Беларусі. – 2011. – № 4.
24. Мандрик, И.В. Профсоюзы как субъект социальной сплоченности общества / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2010. – № 2.
25. Сечко, Н.Н. Малообеспеченность белорусского населения как социальная проблема / Н.Н. Сечко // Социальное знание и белорусское общество. – Минск: Право и экономика, 2009.
26. Дранюк, В. Обыкновенное и великое чудо / В. Дранюк // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 11 янв.
27. Лукашенко, А.Г. Независимость – это звучит гордо: выступление на торжественном собрании, посв. Дню Независимости Республики Беларусь / А.Г. Лукашенко // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 2 июля.
28. По сообщениям пресс-службы Президента Респ. Беларусь // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 10 сент. – № 169. – С. 2.
29. Маскевич, С. Проходные баллы строят по ранжиру / С. Маскевич // С.Б. Беларусь сегодня. – 2013. – 27 февр.
30. Будкевич, В. // Беларускі Час. – 1993. – 1–7 сакав.

Поступила 27.11.2013

**SOCIAL POLICY IN REPUBLIC OF BELARUS
IN A CONTEXT OF WORLD EXPERIENCE**

I. MANDRYK

In this article the main directions of state social policy in Republic of Belarus since its independence are considered. The process of finding the optimal variant of the Belarusian model of social and economic development upon transition from socialist type of managing to market is investigated. The type of the social policy realized in the republic during the different periods is defined. The special attention in the article is paid to arising difficulties in carrying out the effective social policy directed on stable providing of a high standard of living, creation of education systems modern and available to all citizens, health care, culture, social security, maintenance of the poor. It is specified difficulties when forming at workers bases of honest work that is shown in not enough its high efficiency.

УДК 327.56(569.4) “1987/2013”+329.3:28(569.4) “1987/2013”

ПОЗИЦИЯ ДВИЖЕНИЯ ХАМАС В ОТНОШЕНИИ ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА (1987–2013 ГГ.)

А.А. МОСКАЛЕНКО
(Белорусский государственный университет, Минск)

Представлен анализ позиции движения исламского сопротивления (ХАМАС) в отношении Государства Израиль и попытке урегулирования палестино-израильского конфликта в 1987–2013 годах. Выделены этапы в развитии позиции Движения ХАМАС по данным вопросам, также охарактеризована степень поддержки и признание про-хамассовского правительства в Секторе Газа со стороны арабских государств. Показано, как изменилась позиция ХАМАС в отношении возможности урегулирования конфликта с Государством Израиль в период «арабской весны».

Движение исламского сопротивления (ХАМАС) было сформировано в декабре 1987 года в период первой интифады – палестинского восстания на территориях Западного берега реки Иордан и Сектора Газа. На первоначальном этапе своего развития Движение ХАМАС придерживалось строгой позиции по отношению к Государству Израиль, категорически отрицая его право на существование. Однако в начале 2000-х годов лидеры ХАМАС стали высказываться о возможности начать переговоры с Государством Израиль на определенных условиях. Такие изменения были продиктованы тем, что в этот период Движение ХАМАС предприняло попытку стать действующей политической силой на самоуправляемых палестинских территориях Западного берега и Сектора Газа. Перед выборами в палестинский Совет, состоявшимися в январе 2006 года, при поддержке ХАМАС была создана политическая партия «Изменения и реформа», которой удалось одержать победу, получив около 44 % голосов избирателей. После выборов двум крупнейшим палестинским политическим силам – партии «Изменение и реформа» (ХАМАС) и ФАТХ/ООП – пришлось формировать коалиционное правительство, что было весьма затруднительно, в силу различий в политических платформах этих двух движений (ФАТХ/ООП – светская палестинская организация), а также длительной монополии ФАТХ/ООП в руководстве Палестинской национальной администрации (ПНА). Затяжной правительственный кризис в Палестине привел к совершению в июне 2007 года Движением ХАМАС вооруженного переворота в Секторе Газа, окончательно расколов Палестину на два анклава: Западный берег под руководством ФАТХ/ООП и Сектор Газа во главе с правительством ХАМАС, – находящихся в конфронтации друг с другом. В настоящее время ХАМАС представляет собой довольно влиятельное палестинское политическое движение, осуществляющее военный и административный контроль над Сектором Газа, мнение которого нельзя игнорировать при любых попытках урегулирования палестино-израильского конфликта. Возобновление палестино-израильского диалога при международном посредничестве в 2013 году сделало эту проблему еще более актуальной.

Цель данной работы – проследить эволюцию позиции Движения исламского сопротивления (ХАМАС) в отношении Государства Израиль и возможности урегулирования палестино-израильского конфликта в 1987–2013 годах. Для реализации указанной цели были поставлены следующие задачи: 1) выделить этапы в развитии позиции Движения ХАМАС по данным вопросам; 2) охарактеризовать степень поддержки и признания Движения ХАМАС и правительства в Секторе Газа, оказываемых арабскими странами; 3) проанализировать позицию ХАМАС в отношении возможности урегулировании конфликта с Израилем в период так называемой «арабской весны» и политических изменений, произошедших в арабском мире после 2011 года.

Источниками исследования послужили официальные программные документы Движения ХАМАС – Хартия Движения ХАМАС (1988 г.) [19] и предвыборная политическая программа блока «Изменение и реформа» (2006 г.) [24], соглашения, подписанные между ООП и ХАМАС в 2007, 2011 и 2012 годах, заявления руководства и активистов ХАМАС, опубликованные на официальном сайте Движения, а также в периодических изданиях «Аль-Ахрам», «Аш-Шарк Аль-Аусат».

В эволюции политической платформы и деятельности Движения ХАМАС можно выделить четыре этапа: 1) период формирования ХАМАС (1987–1993 гг.); 2) период «мирного процесса» и формирования палестинских органов самоуправления на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа (1993–2000 гг.); 3) период так называмой «второй интифады» и кризиса в палестино-израильском переговорном процессе (2000–2006 гг.); 4) период внутрипалестинского конфликта (2007–2013 гг.).

Первый этап (1987–1993 гг.) – период формирования ХАМАС. Движение исламского сопротивления, как указывалось выше, зародилось в период первой интифады в декабре 1987 года. В отличие от светской организации ФАТХ/ООП, ХАМАС представлял собой движение исламского толка. В Хартии 1988 года Движение четко заявило об исламской направленности: «Национализм, с точки зрения Исламского движения сопротивления, – это часть религиозного учения» (пункт 12)» [19]. Движение ХАМАС также четко заявило о невозможности разрешения палестинского вопроса посредством созыва международной конференции: «Инициативы, или так называемые мирные решения и мирные конференции, находятся в противоречии с принципами Движение исламского сопротивления. Злоупотребление какой-либо части Палестины – это злоупотребление, направленное против обязанности религии. Национализм Движения исламского сопротивления является частью его религии» (пункт 13) [19]. Согласно Хартии ХАМАС, единственный способ решения палестинской проблемы – это джихад: «Палестинский вопрос можно разрешить только посредством джихада. Инициативы, предложения и международные конференции – это напрасная трата времени и усилий» (пункт 13) [19].

Таким образом, в период своего формирования Движение ХАМАС сразу же заявило о невозможности признания Государства Израиль и разрешения конфликта путем переговоров. Соответственно, лидеры ХАМАС не признали первое соглашение, подписанное руководством ООП и Правительством Государства Израиль в 1993 году. В 1991 году под воздействием начавшегося переговорного процесса палестинское восстание «интифада» пошла на спад, однако в этом же году в ХАМАС было создано военное крыло – Бригады Изза ад-Дина ал-Кассама, которое впервые совершило террористический акт против гражданина Государства Израиль в поселении Сектора Газа в декабре 1991 года [18, с. 37].

Второй этап (1993–2000 гг.) – период «мирного процесса»: двусторонних переговоров между Правительством Израиля и руководством ООП. Запуск мирного процесса выдвинул ООП в авангард политической элиты как внутри Палестины, так и на международной арене. Как отмечает Бернд Шох, ХАМАС критиковал мирный процесс с самого начала, так как, во-первых, постепенно про ХАМАС начали забывать; и, во-вторых, мировое сообщество считало ООП единственным представителем палестинского народа [16, с. 48]. Ответом ХАМАС на мирный процесс были террористические акты, что ухудшало отношения между ФАТХ/ООП и руководством Израиля.

Между ООП и Государством Израиль 4 мая 1994 года было подписано Соглашение по Сектору Газа и району Иерихона, предусматривающее вывод израильских войск из указанных районов. Успех мирного процесса и подписание соглашения позволило руководству ООП, находившемуся в Тунисе, вернуться на родину. Предварительная передача властных полномочий палестинским промежуточным органам самоуправления состоялась летом 1994 года, а первые палестинские выборы в Совет (законодательный орган) прошли в январе 1996 года. В этот период ХАМАС продолжал придерживаться жесткой позиции по отношению к Государству Израиль, лидеры Движения категорически не признавали соглашения, заключенные в рамках мирного процесса. ХАМАС бойкотировал выборы в Совет в 1996 году, выступая политическим оппонентом Я. Арафата и руководимой им фракции ФАТХ, а также противником всех подписанных соглашений.

В этот период заявления, сделанные лидерами ХАМАС, были в поддержку вооруженных методов борьбы с Государством Израиль с целью полного освобождения Палестины. Один из основателей Движения ХАМАС Махмуд аз-Заххар, в частности, заявлял, что «джихад (священная война) может быть временно прервана, но от нее нельзя отказываться, пока Израиль не будет разрушен». Он также подчеркивал, что «поддерживает новые террористические акты против Израиля» [16, с. 43]. Духовный лидер ХАМАС Шейх Ахмед Ясин заявлял, что ХАМАС «прекратит теракты, если Израиль полностью выведет войска из Западного берега и Сектора Газа» [16, с. 119]. Абу Марзук – заместитель Председателя политбюро ХАМАС – говорил о возможности заключения перемирия с Государством Израиль при соблюдении последним четырех условий: 1) безоговорочного вывода израильских войск с Западного берега, Восточного Иерусалима и Сектора Газа; 2) демонтажа поселений на Западном берегу, в Восточном Иерусалиме и Секторе Газа; 3) выплаты компенсаций палестинцам за их потери и преследования в результате оккупации; 4) проведения «свободных общих легитимных выборов для палестинцев дома и за границей, чтобы избрать подлинного лидера и представителя палестинцев». По мнению лидеров ХАМАС, «только избранный лидер будет уполномочен выражать волю палестинского народа» [16, с. 8–9].

Таким образом, в конце 1990-х годов Движение ХАМАС окончательно оформилось как противник политики, проводимой руководителями ФАТХ/ООП. ХАМАС не изменил жесткой позиции в отношении Государства Израиль, заявляя о невозможности урегулирования палестино-израильского конфликта путем переговоров и прекращения вооруженной борьбы.

Третий этап (2000–2006 гг.) – период «второй интифады» и обострения конфронтации между ООП и Государством Израиль. События начала 2000-х годов – срыв переговоров между Израилем и ООП, а

также подъем палестинского восстания и активизация террористической деятельности – положительно сказались на положении ХАМАС. Во-первых, основной соперник Движения ХАМАС – ООП – потерпел поражение в своей попытке урегулировать палестино-израильский конфликт путем прямых переговоров. В этот период руководство ООП стало объектом критики как внутри Палестины, так и на международной арене. Во-вторых, в период «второй интифады» Государством Израиль было принято решение о реализации политики «размежевания». В рамках этой политики в августе 2005 года израильские поселения и военные объекты были полностью выведены из Сектора Газа, что руководство ХАМАС представило как «преимущество силовых методов борьбы». В-третьих, в этот период Движение ХАМАС стало популярным среди палестинского населения, делая акцент на проведение социально ориентированной политики, подчеркивая неэффективность проводившегося руководством ПНА курса на переговоры с Израилем и по-прежнему не отрицая преимуществ силовых методов борьбы. Эти факторы помогли партии «Изменение и реформа», созданной при поддержке ХАМАС, одержать победу на вторых палестинских выборах в Совет, организованных в январе 2006 года.

Вплоть до предвыборной кампании 2006 года лидеры ХАМАС отрицали какую-либо возможность мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. Так, в 2002 году ХАМАС не признал Бейрутскую мирную инициативу, принятую на саммите Лиги арабских государств (ЛАГ), в которой арабские страны выразили общее согласие признать Государство Израиль при соблюдении определенных условий. В марте 2004 года незадолго до своей смерти Шейх Ахмед Ясин направил письмо на саммит арабских государств в Тунисе. В этом послании духовный лидер ХАМАС подтвердил позицию Движения относительно палестино-израильского конфликта, зафиксированную в Хартии 1988 года. Он отметил, во-первых, что «Палестина – это арабская исламская земля»; во-вторых, что «джихад – это легитимное право каждого палестинца, обязанность каждого араба, мужчины и женщины»; в-третьих, духовный лидер ХАМАС призвал арабские страны «прекратить какую-либо нормализацию отношений [с Государством Израиль], закрыть [его] посольства, офисы» [20].

Однако в период предвыборной агитации позиция про-хамасовского блока «Изменение и реформа» была несколько скорректирована. Политическая программа этого блока имела некоторые сходства с Хартией Движения ХАМАС 1988 года. Так, выявлены совпадения следующих положений двух программных документов: 1) создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме (пункт 1); 2) подтверждение права беженцев на возвращение (пункт 2); 3) признание сопротивления во всех формах правом палестинцев (пункт 4). Корректировка позиции ХАМАС в 2006 году заключалась в том, что новое правительство готово было сотрудничать с международным сообществом и международными соглашениями и резолюциями по палестинскому вопросу: Движение обязалось «взаимодействовать с международным сообществом по вопросам прекращения оккупации, демонтажу поселений и полному выводу войск с территории, оккупированной в 1967 году, включая Иерусалим, а также по достижению стабильности и спокойствия во время этого периода» (пункт 5); «работать с подписанными соглашениями, с самым высоким чувством ответственности, руководствуясь обязательством защищать интересы, права и принципы палестинского народа» (пункт 9); «работать с международными резолюциями и постановлениями так, чтобы защитить права палестинского народа» (пункт 10) [24].

Исмаил Ханийя как лидер блока «Изменение и реформа» и новоизбранный премьер-министр ПНА после победы на выборах был вынужден выработать линию поведения нового правительства по отношению к Государству Израиль. Став частью официальной власти, политическому блоку «Изменение и реформа» пришлось выстраивать новую линию поведения в отношении переговоров и заключения мирного соглашения с израильским руководством. С одной стороны, про-хамассовское правительство заявило о готовности возобновить переговоры на основании международных резолюций и при посредничестве международного сообщества или арабского мира. На первоначальном этапе новое палестинское правительство четко обозначило границу будущего Палестинского государство как государство в границах 1967 года. Однако, с другой стороны, новоизбранное правительство оставило за собой право на сопротивление, в том числе вооруженное.

Что касается признания нового палестинского правительства со стороны арабского мира, то в период с февраля по март 2006 года многие арабские государства признали итоги палестинских выборов и выразили поддержку правительству Исмаила Ханийи. В конце марта 2006 года на 18 саммите ЛАГ в Хартуме главы арабских стран призвали международное сообщество признать волеизъявление палестинского народа. Однако стоит отметить, что на 18 саммите отсутствовали 8 из 18 глав арабских государств: король Саудовской Аравии Абдалла бен Абд аль-Азиз, президент Египта Хосни Мубарак, король Бахрейна Шейх Хамад бен Аиса Аль Халифа, президент ОАЭ Шейх Халифа бен Зийяд Аль Нихьян, президент Ирака Джалял Талабани, президент Туниса Зин аль-Аайадин бен Али, Султан Омана Кабус бен Сааид, король Марокко Мухаммад IV, король Иордании Абдалла II. Главы государств не пояснили при-

чины своего отсутствия. Как отметил бывший министр иностранных дел Египта, бывший генеральный секретарь ЛАГ доктор Асмат Абдель Маджид, «проблема отсутствия некоторых арабских лидеров на саммите появилась из-за такого мнения, что иногда местные проблемы можно изменить без участия важного арабского политического собрания» [13].

Также стоит отметить, что палестинская делегация не включала в себя про-хамассовских представителей. Палестина была представлена президентом ПНА Махмудом Аббасом, министром иностранных дел Насером аль-Кадва и председателем политического отдела ООП Фаруком аль-Каддуми. Как отметил один дипломат из Каира, ХАМАС надеялся принять участие в саммите, однако этого не хотели ни Абу Мазен, ни движение ФАТХ, ни правительства арабских стран [13]. На саммите президент Судана О. Аль-Башир высказался о так называемых «трех нет», которые обозначают «нет» какому-либо отрицанию демократического выбора палестинского народа, «нет» наказанию, наложенному на палестинцев, «нет» размышлениям израильского правительства о нарушении уже подписанных соглашений [5].

Относительно арабо-израильского конфликта главы арабских стран подтвердили свою позицию, которая заключается в том, что арабские государства поддерживают «осуществление справедливого и всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке» на основании арабской мирной инициативы, которая была принята в 2002 году в Бейруте [4].

Таким образом, новое палестинское правительство формально было признано на саммите ЛАГ. Признание правительства Исмаила Ханийи – это попытка включения нового палестинского правительства в общеарабскую стратегию поведения в отношении арабо-израильского конфликта и построения мира на Ближнем Востоке. Однако уже в выступлении на телевидении 17 декабря 2006 года премьер-министр ПНА Исмаиль Ханийя высказал двоякую позицию относительно конфликта с Государством Израиль. С одной стороны, он поддержал идею продолжения борьбы против израильской оккупации: «Мы жили и всегда знали, что палестинская кровь драгоценна, и что она может проливаться только в хорошо известных местах, в частности, в защиту нашей земли, людей и святынь. Эта цена эмансипации от оккупации и ради восстановления прав, включая право беженцев на возвращение на их земли и в их дома» [23, с. 239]. С другой стороны, новоизбранный премьер-министр подтвердил готовность нового правительства идти на корректировку своих взглядов: «Если Израиль согласится принять арабскую мирную инициативу, то у нас не будет проблем. Мы часть арабской нации, мы в арабском окружении. Мы сказали, если инициатива говорит о государстве в границах 1967 года, то все лидеры ХАМАС и правительство согласятся с арабскими братьями. Давайте у нас будет государство в границах 1967 года. Есть недостаток в инициативе по сравнению с нашим политическим видением. Это связано с его положениями, но мы сказали: пускай Израиль первый примет ее, и у нас не будет проблем с нашими арабскими братьями по поводу этого вопроса» [23, с. 244].

Таким образом, победа про-хамассовской партии «Изменение и реформа» привела к корректировке позиции Движения по отношению к урегулированию палестино-израильского конфликта. С одной стороны, лидеры Движения высказались о поддержке мирной арабской инициативы 2002 года, несмотря на некоторое ее «несоответствие» официальной позиции ХАМАС. В этот период лидеры ХАМАС выдвигали четкие требования, на основании которых они могут начать переговоры с Государством Израиль. С другой стороны, Движение оставило за собой право на вооруженное сопротивление – применение силового метода борьбы.

Четвертый этап (2007–2013 гг.) – период внутрипалестинского конфликта. Данный этап в развитии политической платформы Движения ХАМАС характеризуется двумя особенностями. Во-первых, это период внутреннего конфликта между ПНА на Западном берегу реки Иордан и правительством ХАМАС в Секторе Газа. «Внутрипалестинский диалог» и национальное примирение, предусматривающее создание в Палестине нового коалиционного правительства, стали одним из важных компонентов в решении палестинской проблемы. Во-вторых, военные акции в Секторе Газа и невозможность возобновления палестино-израильского диалога привели к обострению отношений между Израилем и палестинским руководством.

Вооруженный переворот, совершенный боевыми подразделениями ХАМАС в Секторе Газа в июне 2007 года, обострил отношения ХАМАС с ФАТХ/ООП, что привело к расколу Палестины на две самоуправляемые части: Западный берег во главе с ФАТХ/ООП и Сектор Газа, контролируемый ХАМАС. Вооруженный переворот сказался на отношении арабских стран к Движению ХАМАС. Так, соседние с Сектором Газа арабские страны – Египет и Иордания – опасались того, что вооруженный захват власти в Секторе Газа активизирует их внутреннюю исламскую оппозицию. Что касается стран Залива, то у них вызывала опасения поддержка Движения ХАМАС Ираном. Поэтому поддержка арабскими странами правительства Исмаила Ханийи носила больше риторический характер: арабские страны готовы были сотрудничать с про-хамассовским правительством только в том случае, если оно изменит свою позицию по отношению к урегулированию арабо-израильского конфликта.

После вооруженного переворота отношения между Государством Израиль и ХАМАС ухудшаются. Руководство Израиля ужесточило свою политику в отношении Движения и проводимой им политики в Секторе Газа. В августе 2007 года Израиль ввел экономическую блокаду Сектора, в декабре 2008 – январе 2009 года и в ноябре 2012 года были проведены две крупные антитеррористические операции – «Литой свинец» и «Облачный столб».

Что касается отношений между ФАТХ/ООП и ХАМАС, то переговоры о национальном примирении активно ведутся с 2007 года. Всего было предпринято три попытки выработки соглашения о примирении и создании коалиционного правительства: 8 февраля 2007 года в Мекке, 27 апреля 2011 года в Каире и 6 февраля 2012 года в Дохе. Данные инициативы не увенчались успехом. Однако отметим, что обязательным пунктом данных соглашений о национальном примирении стало согласование позиций ФАТХ/ООП и ХАМАС в отношении признания Государства Израиль и преемственности соглашений, подписанных между Израилем и ООП в предыдущие годы. Таким образом, проблема урегулирования палестино-израильского конфликта в настоящее время является предметом «внутрипалестинского диалога», и позиция Движения ХАМАС в этом вопросе имеет решающее значение.

Так, Мекканское соглашение о примирении, заключенное в 2007 году, содержало нечеткие требования палестинского правительство относительно урегулирования палестино-израильского конфликта: 1) «Правительство подтверждает, что мир и стабильность в регионе зависит от прекращения всех форм оккупации палестинских территорий, демонтаж стены и поселений и прекращения иудаизации Иерусалима и политики присоединения и восстановления прав владельцев»; 2) «Правительство подтверждает, что сопротивление – легитимное право палестинцев, как то гарантирует международные нормы и хартия» [24].

Что касается соглашений между ООП/ФАТХ и ХАМАС, заключенных в Каире в 2011 году и в Дохе в 2012 году, то они не включали в себя отдельный пункт по урегулированию конфликта [22; 23]. Однако в заключительной части соглашения 2012 года представители движений высказались за «палестинское национальное единство для того, чтобы прекратить оккупацию и восстановить права палестинского народа, а также создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме» [22].

Арабские страны всегда принимали активное участие в палестинском вопросе, будь то внутрипалестинский конфликт или палестино-израильский конфликт. Политические трансформации в арабском мире (так называемая «арабская весна») в настоящее время не могли не сказаться на палестинском вопросе. Палестинским политическим движениям нужно было выработать позицию в отношении политических изменений в той или иной арабской стране. В отношении первых революций в Тунисе и Египте в начале 2011 года ХАМАС не сделал никаких официальных заявлений. Что касается смены власти в Тунисе, то, как отмечает обозреватель канала «Аль-Джазира» Фирас Абу Галяль, ХАМАС был полностью уверен в том, что падение режима положительно скажется на их [палестинском] интересе, несмотря на будущий режим в стране. Руководители ХАМАС также не сделали никаких публичных заявлений относительно революции в Египте 25 января 2011 года, вопреки недружественным отношениям с режимом Хосни Мубарака [1].

Вместе с тем результаты революции в Египте – отставка Х. Мубарака и приход к власти представителя организации Братьев мусульман Мухаммеда Мурси – положительно сказались на ХАМАС. Движение всегда признавало себя ответвлением этой организации. Как отмечает обозреватель «Аль-Ахрам» Ахмед Элейба, «с тех пор как в прошлом году Мухаммед Мурси из “Братьев-мусульман” был избран президентом, отношения между Египтом и ХАМАС могут быть описаны как “стратегические объятия”, поскольку обе группы имеют общее происхождение» [15]. Практически сразу же после революции 2011 года Египет взял на себя роль посредника во внутрипалестинском вопросе: очередное соглашение между ФАТХ/ООП и ХАМАС было подписано 27 апреля 2011 года в Каире. По некоторым данным, после революции 25 января 2011 года в Египте многие активисты и деятели из ХАМАС помогли М. Мурси и организации «Братья-мусульмане» освободить более 20000 заключенных из тюрем Египта [17]. Однако летом 2013 года в Египте произошел военный переворот, а после свержения М. Мурси в Египте прошли антихамассовские выступления: Движение ХАМАС обвиняется в содействии режиму М. Мурси.

Относительно революции в Сирии, которая началась в 2011 году, на первоначальном этапе беспорядков в Сирии руководство движения высказывалось четко о том, что «движение поддерживает политику невмешательства во внутренние дела других арабских стран» [1]. Однако продолжительность военных действий в Сирии вынудило руководство ХАМАС занять определенную позицию, что вызвало раскол внутри Движения: блок во главе с Халедом Машаалем выразил «поддержку сирийского народа в его стремлении получить свои права»; второй лагерь во главе с Махмудом аз-Заххаром поддерживает точку зрения о невмешательстве во внутренние дела Сирии и стремится сохранить отношения со своими основными союзниками – Ираном, «Хизбаллой» и режимом Башара аль-Асада [11]. Однако в 2013 году ХАМАС выступил против военных действий Правительства Сирии и подавления очагов восстания, организованных преимущественно суннитской оппозицией. Руководство ХАМАС разорвало отношения с Сирией, лидер политбюро движения Халед Мащааль переехал в Иорданию [17].

В силу указанных выше внутренних проблем в палестинской администрации и революционных изменений в арабском мире руководство ХАМАС в настоящее время не имеет единой позиции в отношении возможности мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. Так, в воззвании руководства ХАМАС в честь 65-й годовщины Накбы (досл. «катастрофа») от 14 мая 2013 года было сказано, что начинать переговоры с Государством Израиль невозможно без предварительно согласованной единой позиции всех палестинских политических организаций и движений: «Мы призываем Палестинскую власть и братьев из движения ФАТХ прекратить бесполезные переговоры с врагом, подчеркиваем необходимость положить конец разделению и создать единую линию для противостояния планам врагов» [7]. В выступлении 19 октября 2013 года Исмаил Ханийя заявил, что «текущие переговоры проходят в одностороннем порядке, большинство представителей нашего народа, политических движений и течений выступают против, а также они [переговоры] представляют отход от национального единства») [14].

Жестким требованием ХАМАС, предъявляемым Государству Израиль, является признание права палестинских беженцев на возвращение: «Никто не имеет права отказать беженцам в их праве на возвращение в свои города и деревни, из которых они были изгнаны. Это святое и неоспоримое право, которое не может быть решено иначе» [7]. Движение ХАМАС по-прежнему подтверждает право палестинского народа на вооруженное сопротивление: «Приверженность [Движения] всем формам сопротивления, в особенности вооруженного, как единственный стратегический выбор, способный сдержать оккупантов, восстановить права, освободить землю и святыни» [7].

Руководство Движения ХАМАС категорически не принимает идеи «частичного урегулирования» или создания палестинского государства «во временных границах»: «Мы не примем частичное решение, как то переселение, обмен землей и т.д.» [7]; или: «Мы заявляем о нашем категорическом непринятии любого временного соглашения или договора, в котором говорится об уступках по вопросам территории, части наших святынь, какого-либо права нашего народа» [6]. Вместе с тем не ясна позиция Движения ХАМАС относительно готовности признать линию прекращения огня, существовавшую в 1949–1967 годах (до начала так называемой «шестидневной войны» 1967 г.), в качестве границы будущего палестинского государства, поскольку «освобождение всей Палестины» в границах мандатного периода до сих пор является основной задачей и конечной целью «освободительной борьбы» Движения ХАМАС. В воззвании руководства ХАМАС по случаю 65-й годовщины «Накбы» говорилось: «Палестина – это благословенная земля Аллаха от реки до моря, и на ней нет места для оккупантов и захватчиков» [7]. Лидеры ХАМАС постоянно призывают к необходимости консолидации усилий арабского мира в деле разрешения палестинской проблемы: «[Мы] призываем лидеров арабских и исламских стран, Организацию исламского сотрудничества, Лигу арабских государств нести свою историческую ответственность и долг перед Палестиной, Иерусалимом, Аль-Аксой, заключенными, беженцами и принять срочные меры для пресечения преступлений оккупантов против земли [Палестины], [ее] народа и [исламских] святынь» [6].

Таким образом, рассмотренные выше четыре этапа развития политической платформы Движения ХАМАС отражают эволюцию позиции Движения в отношении признания Государства Израиль и урегулирования палестино-израильского конфликта. Первоначально (на протяжении первых двух периодов своего развития) ХАМАС выступал против переговоров с Израилем и отрицал все международные резолюции и соглашения по урегулированию палестинской проблемы. Политические изменения в начале 2000-х годов сделали возможным участие сил, созданных Движением ХАМАС, в конкурентной борьбе за руководящие посты в ПНА. Победа блока «Изменение и реформа» на выборах в Совет в 2006 году заставила руководство Движения ХАМАС несколько скорректировать политическую платформу: руководство ХАМАС выразило готовность признать палестино-израильские соглашения 1990-х годов и продолжить переговоры с Израилем, однако не отказывалось от вооруженных методов борьбы и реализации основной задачи – освобождения всей Палестины от израильской оккупации. Конфликт с руководством ПНА, обострившийся в 2007 году, привел к изоляции ХАМАС и фактическому разделу Палестины на два самоуправляемых анклава. В условиях изоляции Движение ХАМАС вернулось к радикальным позициям. Вместе с тем поиски модели палестинского «национального примирения» (создания коалиционного правительства с участием ХАМАС) и политические изменения в арабских странах (Египте и Сирии), существенно ослабившие положение ХАМАС в регионе, делают возможным смягчение этой радикальной позиции и превращение Движения ХАМАС в политическую силу в Палестине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Гиляль, Ф. Хамас ва аль-саурет аль-арабийя. аль-маукиа ва ат-тадааийят (ХАМАС и арабская весна. Позиция и угрозы) / Абу Гиляль // Aljazeera (22.06.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.aljazeera.net/opinions/pages/6e914d15-9589-4b37-9ad3-6a8fb5051bc3. – Дата доступа: 18.03.2014.

2. Абу Марзук: Керри или кто-либо другой не может лишить палестинских беженцев права на возвращение на родину, откуда они были выгнаны // The Islamic Resistance Movement information office (08.01.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s71oU2uccbsEqfFtjs%2fBBhRVpbNS6UIfnEirI%2fddsKgdchNwtEUPYZIsvy1qjQTprDyKhpArRo60PzJXlaYMxFHMdvgLBLwzsTPMVbonPN0fk%3d. – Дата доступа: 03.11.2013.
3. Абу Марзук: ХАМАС понимает, что Движение добилось многого в противостоянии с сионистами в регионе // The Islamic Resistance Movement information office (23.12.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7uLL5F9K9w9mbOe%2b1Ic8nqYXBpmSclFOwJQvMqy1AwGdy9e8fm4PpKj%2b4QqnzGBwIVVv5%2bg7KMVOosBwYNP3KHAw1sNKjhCAxxWNRH6WdGZ4%3d. – Дата доступа: 06.01.2014.
4. Ан-нас аль-камиль ли иалян аль-кхартум (Весь текст заседания ЛАГ в Хартуме) // Al-Sharq Al-Awsat (30.03.2006) [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=355655&issueno=9984#.Uygrufl_tes. – Дата доступа: 18.03.2014.
5. Абу Хусейн, С. Кимма аль-Кхартум саляс ляат хауля аль-кадайя аль-фалистынийя ва саляс наам хауля аль-аудаи аль-арабийи (Саммита в Хартуме: 3 «нет» по палестинской проблеме и 3 «да» по другим арабским вопросам) / Абу Хусейн // Al-Sharq Al-Awsat (29.03.2006) [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=355436&issueno=9983#.UygrNfl_tes. – Дата доступа: 18.03.2014.
6. В память о возникновении ХАМАС // The Islamic Resistance Movement information office (14.12.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz= U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7o52MITumyEEgX%2fFZQmcsJAvcZRy%2bi5vWVLLCp3KMN1v%2boUCx0z04U746vFq1SnfI7egjdYwcjADSBFaAnFWXm3O%2bJEl0S77lEUdUjKp31OQ%3d. – Дата доступа: 06.01.2014.
7. В память о 65 годовщине Накбы // The Islamic Resistance Movement information office (14.05.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ ar/default.aspx?xyz= U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s75qYQwD8teDkMmlb5x9xAdktFXUOduxHTxr3%2bM1P0EW29udNf4wpC7ef2XDTYaiA4rN4%2fcVh3DV%2b%2batxgUHRMrS9yuRmi7MU7OQ8D38UCpvk%3d. – Дата доступа: 03.11.2013
8. В память об эпохе Бальфура // The Islamic Resistance Movement information office (02.11.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7EjSZdilOVTH3M5o8u9YQm15%2bnW6Cs6jlfzChvvqY4pXhAFiu50iAW7RpFOPY3YujeOOwR4hZfPe1dwDG9Z3QpEcjyIPoqZPzlxWuzAA7sgM%3d. – Дата доступа: 03.12.2013.
9. Махмуд, Х. Загира гийяб аль-кадати бадаат фи тунис ва имтаддат иля аль-джазаири сумма аль-Кхартуми (Явление отсутствия лидеров началось с Туниса, продолжилось в Алжире, а затем и в Хартуме) / Х. Махмуд // Al-Sharq Al-Awsat (28.03.2006) [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=355286&issueno=9982#.Uygql_l_tes. – Дата доступа: 18.03.2014.
10. Насер, С. Абу Марзук иля байрут фии мугимма сиррийя битамин мисрий (Абу Марзук в Бейруте по секретному делу – безопасности Египта) / Султан Насер // Al-Sharq (22.06.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.alsharq.net.sa/2013/06/23/875306. – Дата доступа: 18.03.2014.
11. Насер, С. Ма йяхдусу фи сурийя саура ва лейсат муаамара ааля михвар аль-мукавама ва аль-муманааа кама тураввиджу тыгран (То, что происходит в Сирии - это революция, а не «заговор вокруг сопротивления», как говорит Тегеран) / Султан Насер // Al-Sharq (05.06.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.alsharq.net.sa/2013/06/05/858123. – Дата доступа: 18.03.2014.
12. Речь премьер-министра Исмаиля Ханийи // The Islamic Resistance Movement information office (19.10.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO%2bi1s7N3XXPsZvH4tx894TyRSW8V3rxFmGUgvGXYPNQVlZngqLFHT1h8h2hIA2e2nuw%2bLeEmVFvUvMO%2fRa3UDSpvE28DnyPQ9m0Ir4xoxRr5QxWLQ%3d. – Дата доступа: 03.11.2013.
13. Хамас тугибу фи кимма аль-кхартум (ХАМАС отсутствует на саммите в Хартуме) // Al-Sharq Al-Awsat (23.03.2006) [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: http://www.aawsat.com/ details.asp?section=4&article=354464&issueno=9977#.UyglIvl_tes. – Дата доступа: 18.03.2014.
14. Ханийя: проблема заключенных будет приоритетом у ХАМАС до полного освобождения всех // The Islamic Resistance Movement information office (24.12.2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.hamasinfo.net/ar/default.aspx?xyz=U6Qq7k%2bcOd87MDI46m9rUxJEpMO% 2bi1s7fUTvzamQ%2bF1 WroWeFLotU2F1HnZCHVnrGNA%2f8J3Rs7jR22vYDQ1NpX358iLh5BPCnzjy7%2bKC1H31 jeN5d QPKCd7VYtfJlxaKYWMK8lSX2us%3d – Дата доступа: 06.01.2014.

15. Ahmed Eleiba. Accusations against Hamas // Al-Ahram Weekly. Issue No. 1145 (25. 04/2013) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://weekly.ahram.org.eg/2011/1037/op161.htm. – Дата доступа: 05.03.2014.
16. Bernd Schoch. The Islamic Movement – A Challenge for Palestinian State-Building / B. Schoch. – Jerusalem.: PASSIA Publication, 1999. – 167 p.
17. Doaa El-Bey. Another blow to the Brotherhood // Al-Ahram Weekly. Issue No. 1178 (01.01.2014) [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://weekly.ahram.org.eg/2011/1037/op161.htm. – Дата доступа: 05.03.2014.
18. Jonathan Schanzer. Hams vs. Fatah: The Struggle for Palestine / J. Schanzer – New York. PALGRAVE MACMILLIAN, 2008. – 235 p.
19. Hamas Charter (1988) [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://thejerusalemfund.org/www.thejerusalemfund.org/carryover/documents/charter.html. – Дата доступа: 06.01.2014.
20. Hamas Leader Sheikh Ahmed Yassin: Letter to the Arab Summit Meeting in Tunis, March 2004 // Documents on Palestine. Vol. VII. – Jerusalem: PASSIA, 2007. – P. 205.
21. Fatah-Hamas Reconciliation Agreement [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://middleeast.about.com/od/palestinepalestinians/qt/Fatah-Hamas-Reconciliation-Agreement.htm. – Дата доступа: 20.03.2014.
22. Full text of the Doha Declaration signed between Hamas and Fatah [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://occupiedpalestine.wordpress.com/2012/02/08/full-text-of-the-doha-declaration-signed-between-hamas-and-fatah-palestine/. – Дата доступа: 20.03.2014.
23. Palestinian Prime Minister Ismail Haniyeh: Speech on Palestinian TV, 19 December 2006 // Documents on Palestine. Vol. VIII. – Jerusalem: PASSIA, 2007. – P. 237–252.
24. Palestinian Authority: Program of the National Unity Government, 17 March 2007 // Documents on Palestine. Vol. VIII. – Jerusalem: PASSIA, 2007. – P. 275-279.

Поступила 02.05.2014

THE POSITION OF HAMAS MOVEMENT ON RECOGNITION OF THE STATE OF ISRAEL AND ON SETTLEMENT OF PALESTINIAN-ISRAEL CONFLICT (1987–2013)

H. MASKALENKA

The article aims to analyze the position of the Islamic Resistance Movement (Hamas) on the State of Israel and on an attempt to make peace with the State of Israel from 1987 to 2013. The author marked the stages in the development of HAMAS' position on these issues, also analyzed Arab states' support and their recognition of government headed by Hamas in Gaza Strips. Also the author indicated how HAMAS Movement changed its position regarding to Israeli – Palestinian conflict during the "Arab Spring".

РЕЦЕНЗИИ

Цуба, М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг.: манаграфія / М.В. Цуба. – Пінск: ПалесДУ, 2010. – 304 с.

СУР’ЁЗНАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ ВАЖНАГА АСПЕКТА ГІСТОРЫІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта Міхаіл Віктаравіч Цуба надрукаваў манаграфію, цалкам прысвечаную таму адрэзку айчыннай гісторыі, які супадае з Першай сусветнай вайной; у навуковай і публіцыстычнай літаратуры яна часта называецца “Вялікай вайной” [1]. Манаграфія складаецца з наступных кампанентаў: уводзін, пяці глаў, заключэння, хронікі Першай сусветнай вайны, бібліяграфічнага спіса.

Ва **ўводзінах** раскрываецца актуальнасць тэмы, выкладаецца агульная аўтарская канцэпцыя. З пінскім навукоўцай можна пагадзіцца ў тым, што “вывучэнне абставін грамадскага і ваеннага жыцця на беларускіх землях падчас Першай сусветнай вайны з’яўляецца адной з актуальных праблем у сучаснай беларускай гістарычнай навуцы” [1, с. 4]. Здзейсненае дацэнтам Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта “праўдзівае адлюстраванне малавядомых аспектаў гісторыі ў перыяд Першай сусветнай вайны, які быў насычаны бурнымі і драматычнымі падзеямі, дасць магчымасць прыадкрыць яшчэ адну старонку ў асэнсаванні гістарычнага шляху, пройдзенага Беларуссю і яе народам, зразумець асобныя прычыны цяжкасцей ў мінулы і ў наш час” [1, с. 4].

Першая глава мае такое найменне: “Беларусь падчас Першай сусветнай вайны”. Яе змястоўную частку ўтвараюць тры параграфы.

У першым параграфе прасочваюцца развязванне вайны і яе пачатак. Навукоўца паказвае, што “галоўнымі прычынамі Першай сусветнай вайны былі эканамічныя супярэчнасці блокаў Антанты і Траістага саюза” [1, с. 7]. Чытач даведваецца аб тым, што “захопніцкія мэты Германіі ў значнай ступені закранaлі і беларускія землі. Германія імкнулася не толькі разграміць Англію, Францыю, але ж і моцна паслабіць Расійскую імперыю, адняўшы ў яе Беларусь, Украіну і Прыбалтыку” [1, с. 10].

Якой жа была рэакцыя народаў закранутых дзяржаў на тое, што гэта вайна стала рэальнасцю? “Амаль ва ўсіх дзяржавах пачатак "Вялікай вайны" быў сустрэты з уздымам і энтузіязмам. Не стала выключэннем і Расійская імперыя” [1, с. 10].

У другім параграфе вычарпальна даследаваны ўмовы жыццядзейнасці беларускага грамадства падчас указанай вайны. “Беларускі народ, – паказвае М.В. Цуба, – трапіў ў адчайнае становішча, калі аказаўся ва ўмовах прыфрантавой паласы з усімі выцякаючымі адсюль абставінамі. Часткова падтрымаўшы царскі ўрад напачатку вайны, ён вымушаны быў затым весці пастаянную барацьбу за сваю годнасць супраць гвалту і здзекаў, проста за выжыванне як на адным, так і на другім баку лініі фронта” [1, с. 35]. Зразумелую цікавасць выклікае і наступная выснова аўтара: “Масавых палітычных і эканамічных выступленняў, у параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі, … (на Беларусі. – *М. С.*) не адбылося” [1, с. 35].

У трэцім параграфе аналізуецца дабрачынная дзейнасць на беларускіх землях у гады вайны. Адпаведныя арганізацыйныя структуры мелі беларускі, габрэйскі, польскі этнасы. Тытульны этнас прадстаўляла Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны. Пінскі навукоўца падводзіць чытача да высновы аб тым, што дадзенае таварыства “не толькі выконвала дабрачынную функцыю, але і было легальнай формай працы беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі, накіраванай на адраджэнне самасвядомасці беларусаў” [1, с. 48].

Відавочная навуковая навізна прасочваецца пры паказе дзейнасці польскіх арганізацый.

Па-першае, прапанаваны арыгінальны і ў той жа час пераканаўча абгрунтаваны варыянт перыядызацыі гісторыі Польскага таварыства дапамогі ахвярам вайны (ПТДАВ).

Па-другое, ажыццёўлена піянерскае даследаванне дзейнасці аўтаномнай установы ПТДАВ Санітарнахарчовай секцыі (СХС).

Па-трэцяе, упершыню грунтоўна прааналізаваны асноўныя накірункі дзейнасці Цэнтральнага Грамадзянскага Камітэта (ЦГК), раскрыта роля яго старшыні Ўладзіслава Грабскага ў выкананні гэтай структурай дабрачынных функцый.

Па-чацвёртае, прыведзена раней не вядомая статыстыка на прадмет функцыянавання Польскага камітэта санітарнай дапамогі (ПКСД).

Па-пятае, пераканаўча доказана, што “польскія арганізацыі на Беларусі падчас Першай сусветнай вайны … дапамагалі бежанцам-палякам захаваць сваю прыналежнасць да польскай дзяржавы” [1, с. 48].

На прынцыпова новай крыніцазнаўчай базе М.В. Цуба пабудаваў даследаванне дзейнасці габрэйскіх арганізацый на тэрыторыі Беларусі ў аналізуемы перыяд. Аўтар сканцэнтраваў увагу на Бундзе, Габрэйскім таварыстве дапамогі пацярпелым ад вайны (ГТДПВ). Складваецца ўражанне, што М.В. Цуба азнаёміўся з дзейнасцю ўсіх філіяў ГТДПВ. Ён паказаў, што габрэйскі "рух на беларускіх землях падчас Першай сусветнай вайны … іграў значную ролю і быў істотнай рухаючай сілай у грамадскім жыцці беларускага краю ў ваенны перыяд" [1, с. 55].

У структурных і канцэптуальных адносінах вельмі ўдала выглядае **другая глава** "Ход важнейшых аперацый на тэатрах Першай сусветнай вайны ў кантэксце ваенных дзеянняў на тэрыторыі Беларусі". Мяркуючы па найменню главы, аўтар паставіў перад сабой няпростую даследчыцкую задачу.

У першым параграфе ўказанай главы "Ваенная кампанія ў 1914 годзе" Беларусь не ўзгадваецца, што тлумачыцца адсутнасцю ваенных дзеянняў на айчыннай тэрыторыі. Тут заслугоўвае ўвагі аповед пра крах планаў маланкавай вайны.

У 1915 годзе частка тэрыторыі Беларусі была арэнай даволі значных ваенных дзеянняў. Таму беларускі аспект займае значнае месца ў другім параграфе "Ход ваенных дзеянняў у 1915 годзе". Пінскі навукоўца паказвае, што "ў ходзе ваеннай кампаніі 1915 года Расійская імперыя страціла Польшчу, Літву, Заходнюю Беларусь. Заходнюю Украіну, частку Латвіі" [1, с. 70], што "ў гэты цяжкі для Расіі час заходнія саюзнікі не аказалі ёй ніякай дзейснай дапамогі" [1, с. 70].

У трэцім параграфе асвятляюцца баі на галоўных франтах у 1916 годзе. Аўтар робіць відавочны ўнёсак у навуку, звяртаючыся да Нарачанскай аперацыі. "Вядома, што расійскія вайсковыя стратэгі, плануючы гэту аперацыю, разлічвалі на дасягненне лініі Мітава – Бауск – Вількамір – Вільня – Дзеляцічы" [1, с. 78]. Міхаіл Цуба выдатна адказвае на два пытанні: 1) чаму гэта "аперацыя, распачатая 18 сакавіка, не прынесла да намечанага поспеху?" [1, с. 78]; 2) як адбіліся вынікі Нарачанскай аперацыі на франка-германскім узброенным супрацьборстве пад Вердэнам?

Адказ на першае пытанне атрымаўся такі: "Асноўнымі прычынамі былі: няўмелае кіраўніцтва войскамі, недахоп цяжкай артылерыі і снарадаў, а таксама наступіўшае вясновае раздарожжа" [1, с. 78].

Фармулёўка адказа на другое пытанне мела наступны выгляд: "Аказаўшы вядомы ўплыў на ход барацьбы на заходнееўрапейскім тэатры ваенных дзеянняў, … наступ (расійскіх войскаў. – *М. С.*) прымусіў германскае камандаванне перакінуць на Нарач звыш 4-х дывізій. Акрамя таго, на працягу тыдня, пакуль ішлі баі ў нарачанскім рэгіёне, нямецкія войскі спынілі атакі на Вердэн, і саюзнікі Расіі паспелі зманеўраваць рэзервамі, што прадвызначыла далейшы ход барацьбы ў гэтай бітве" [1, с. 79].

Шэраг сюжэтных ліній можна прасачыць у чацвёртым параграфе "Ваенныя дзеянні, рэвалюцыі і мірныя перамовы ў 1917 годзе". Аўтар рэцэнзіруемай манаграфіі на канкрэтных прыкладах паказвае, што "паступова рускія ваенныя фарміраванні ўсё больш страчвалі здольнасць супраціўлення ворагу" [1, с. 91]. Чытач пераконваецца ў тым, што рэвалюцыі 1917 года рэзка аслабілі Расію. Зразумела, гэта было для германскага блока важным аргументам у перамоўным працэсе.

Змястоўную частку пятага параграфа складаюць два пытанні: ход ваенных дзеянняў у 1918 годзе і заканчэнне Першай сусветнай вайны. Для айчыннага чытача самы важны сюжэт дадзенага параграфа звязаны з перамовамі на прадмет заключэння мірнай дамовы ў Брэст-Літоўску. Аўтар мае рацыю, калі асабліва вылучае такі момант: "Кіраўнік расійскай дэлегацыі на перамовах Л. Троцкі згадзіўся прызнаць паўнамоцтвы ўкраінскіх пасланцаў, але адмовіўся прызнаць паўнамоцтвы прадстаўнікоў беларускай дэлегацыі… На перамовах беларуская дэлегацыя прысутнічала ў якасці наглядальніка ў складзе дэлегацыі Украіны" [1, с. 109]. Гэтыя радкі – пераканаўчы доказ антыбеларускай пазіцыі бальшавікоў-ленінцаў, якія прыйшлі да ўлады ў Расіі ў кастрычніку 1917 года.

Трэцяя глава цалкам прысвечана разгляду буйнейшых ваенных аперацый на тэрыторыі Беларусі.

Першая па часе падобная аперацыя – Свянцянскі прарыў. Таму зразумела, што менавіта аб ёй распавядаецца ў першым параграфе. Аўтар паказвае, што гэта быў "самы вялікі прарыў у ходзе ўсёй Першай сусветнай вайны" [1, с. 5]. Чым жа скончылася аналізуемая аперацыя для расійскіх войскаў? Яны "апынуліся ў цяжкім, прайграным пазіцыйна-стратэгічным становішчы і … вымушаны былі адыйсці на ўсім фронце на лінію Дзвінск – Вілейка – Баранавічы – Пінск" [1, с. 125].

У другім параграфе размова ідзе пра пераможную наступальную аперацыю расійскіх войскаў на Палессі. Навукоўца робіць слушную выснову аб тым, што "ў выніку гэтай … аперацыі на Палессі завяршыўся манёўравы перыяд вайны на беларускіх землях" [1, с. 138].

Трэці параграф цікавы тым, што пінскі даследчык зноў вяртаецца да Нарачанскай бітвы, здзейсніўшы яе комплексны аналіз.

Змест чацвёртага параграфа склаў разбор Баранавіцкай аперацыі. Навукоўца М.В. Цуба паказвае, што расійскім войскам "не ўдалося выканаць галоўную запланаваную задачу – прарваць пазіцыі 9-й германскай арміі і ажыццявіць вялікі стратэгічны прарыў ва ўзаемадзеянні з наступленнем на ўкраінскіх зем-

лях” [1, с. 180]. Разам з тым ён катэгарычна не згодзен з недаацэнкай таго, што звязана з уплывам Баранавіцкай аперацыі. Яна “завяршылася 16 ліпеня 1916 года … тым, што значная частка аўстра-германскіх войск была скавана і гэта пасадзейнічала паспяховаму развіццю брусілаўскага прарыва на Ўкраіне і паступоваму пераходу ініцыятывы ў рукі саюзнікаў на заходне-еўрапейскім тэатры ваенных дзеянняў” [1, с. 180].

Пяты параграф прысвечаны аперацыі пад Крэвам. Па стараму стылю яна датуецца 6–9 ліпеня 1917 года, а па новым – 19–22 ліпеня 1917 года. Задача па выкананні аперацыі была ўскладзена на 10-ю расійскую армію. Ёй камандаваў генерал-лейтэнант М.М. Кісялеўскі. Актыўную ролю ў падрыхтоўцы і правядзенні аперацыі адыгрываў А.І. Дзянікін, які камандаваў Заходнім фронтам. “Меркавалася, што 10-я расійская армія пасля магутнага артабстрэлу варожых пазіцый здолее прарваць германскую лінію абароны ў раёне Крэва, авалодае населенымі пунктамі Солы, Жупраны, Граўжышкі і ў ходзе далейшага наступлення выйдзе на подступы да горада Вільні” [1, с. 188].

А зараз ёсць сэнс зрабіць адступленне. Для дасведчанага чытача Крэўскі замак нагадвае нямала знакавых падзей у айчыннай гісторыі. Манаграфія дае яму падставу азнаёміцца з чарговай падзеяй з гэтага шэрагу. “Лёс гісторыі наканаваў аднаму з самых старажытных на беларускіх землях – Крэўскаму замку – вытрымаць самую буйную артылерыйскую атаку расійскіх войск за ўсю Першую сусветную вайну” [1, с. 188].

Датычна аперацыі можна назваць два вынікі.

Першы вынік звязаны з адказам на пытанне: “Ці змянілася лінія фронта?”Адказ на гэта пытанне адназначна адмоўны.

Другі вынік: “Крэўская аперацыя … у значнай ступені пасадзейнічала развіццю наступлення англійскіх войск пад Іпрам” [1, с. 5].

Рэцэнзент (*М. С.*) да азнаямлення з аналізуемай манаграфіяй ніколі не чуў пра партызанскі рух на беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны. Менавіта яму прысвечана **чацвёртая глава** манаграфіі. Мяркуючы па фактах, якія прывёў пінскі навукоўца, “партызанскі рух сваімі дзеяннямі не змог паўплываць на ход і характар усёй Першай сусветнай вайны, як гэта было падчас Айчыннай вайны 1812 года ці ў гады Другой сусветнай вайны” [1, с. 206].

Безумоўна, аўтарскай з’яўляецца перыядызацыя гісторыі партызанскага руху, якая ўтрымліваецца ў кнізе. Пераканаўча М.В. Цуба фармулюе адметныя рысы кожнага з выяўленых ім этапаў дадзенай гісторыі.

“На першым этапе барацьбы супраць акупацыйных германскіх войск (1915–1917 гг.) партызанскі рух на беларускіх землях у сваёй большасці існаваў у выглядзе вылазак у тыл ворага спецыяльна створаных для гэтага армейскіх атрадаў і фактычна не меў надзейнай апоры, базы сярод мясцовага беларускага насельніцтва …

На другім этапе (1918 – пач. 1919 г.) партызанскі рух на беларускіх землях сапраўды набыў масавы, народны характар, але, нягледзячы на маштабнасць і імкненне некаторых партыйных арганізацый узначаліць яго, усё ж партызанская дзейнасць у сваёй пераважнай большасці мела неарганізаваны, стыхійны накірунак” [1, с. 206].

На першы погляд, **пятая і шостая главы** манаграфіі носяць выключна даведачны характар. Разам з тым іх можна разглядаць як вынік грунтоўнай даследчыцкай працы.

У **пятай главе** даецца вычарпальная інфармацыя аб расійскіх вайсковых фарміраваннях у гады Пер-шай сусветнай вайны, якія насілі назвы беларускай тапанімікі. Інфармацыя даецца па наступнай абавязковай схеме: назва, час існавання, дачыненне да беларускіх зямель. Па частцы фарміраванняў прапаноўваюцца і факты, якія выходзяць за межы дадзенай схемы. Узгаданая глава дзеліцца на наступныя пункты: 1) гвардыю; 2) грэнадзёра; 3) пяхотныя палкі; 4) кавалерыю; 5) дзяржаўнае апалчэнне; 6) крэпасці і крэпасныя войскі; 7) крэпасная артылерыя; 8) артылерыйскія склады; 9) сапёрныя фарміраванні; 10) крэпасныя ваенныя тэлеграфы і радыёстанцыі; 11) паветрана-плавацельныя войскі; 12) ваенна-галубіная пошта; 13) ваенна-вучэбныя ўстановы; 14) гарнізонныя і ўнутранай службы фарміраванні; 15) ваенна-лячэбныя ўстановы: шпіталі; 16) санітарна-тэхнічныя атрады; 17) богародныя ўстановы для ваенных чыноў; 18) інтэнданцкія ўстановы. Цікава, што трэці пункт па свайму аб’ёму прыблізна роўны ўсім астатнім, разам узятым. Па-за сумневу, азнаямленне з кожным з пералічаных пунктаў карысна, у першую чаргу, для экскурсаводаў, музейных супрацоўнікаў. Нам, берасцейцам, вельмі прыемна, што ў шэрагу пунктаў прысутнічае вытворны ад назвы нашага горада прыметнік. Цуба ўзгадвае Брэсцкі 49-ты пяхотны полк, Брэст-Літоўскія крэпасныя пяхотныя батальёны, Брэст-Літоўскую крэпасную артылерыю, Брэст-Літоўскую 1-ю сапёрную роту, Брэст-Літоўскі крэпасны ваенны тэлеграф, Брэст-Літоўскую крэпасную радыёстанцыю, Брэст-Літоўскі крэпасны ваенна-плавацельны батальён, Брэст-Літоўскую крэпасную ваенна-галубіную станцыю, тры Брэст-Літоўскія харчовыя магазіны Мінскай ваеннай акругі, Брэст-Літоўскую крэпасную ваенную хлебапякарню Брэст-Літоўскай крэпасці, Брэст-Літоўскую крэпасную ваенную мукамольню Брэст-Літоўскай крэпасці.

Шостая глава прысвечана каранаваным асобам і вядомым ваенным начальнікам Першай сусветнай вайны, паўплываўшым на ваенныя падзеі на беларускіх землях. Даецца інфармацыя па 52 асобам, якія прадстаўлялі як Расію, так і краіны, якія ваявалі супраць Расіі. Многіх з іх М.В. Цуба адкрыў для беларускамоўнага чытача. У дачыненні шэрагу асоб сустракаюцца арыгінальныя высновы і ацэнкі.

У **заключэнні** падведзены вынікі Першай сусветнай вайны. Вынікі фармулююцца як увогуле, так і датычна Беларусі. У архітэктоніку гэтага структурнага кампанента добра ўпісаліся тры табліцы: "Страты ў Першай сусветнай вайне", "Кошт вайны (усе ваенныя выдаткі і страты) 1914–1918 гг.", "Колькасць маабілізаваных за ўвесь час вайны". З аўтарам можна пагадзіцца ў тым, што "ў беларускім грамадстве падчас Першай сусветнай вайны з'явіліся тыя свядомыя нацыянальныя сілы, якія пры спрыяльных варунках маглі прывесці да беларускай дзяржаўнасці" [1, с. 286].

Бездакорна выглядае складзеная пінскім навукоўцай хроніка Першай сусветнай вайны [1, с. 287–294]. Тут улічаны ўсе важныя падзеі вайны. Пытанне аб датах вырашана наступным чынам. Даты паказаны па стараму стылю а ў дужках даецца новы стыль.

Заслугоўвае быць адзначаным і апошні стуктурны кампанент. У **бібліяграфічным спісе** налічваецца 229 найменняў [1, с. 295–302]. З іх 112, гэта значыць 48,8 %, складаюць спасылкі на архіўныя крыніцы. Канешне, трэба ўлічваць і той факт, што аўтар градзіруе бібліяграфічны спіс на літаратуру і крыніцы. Пры такой градацыі ёсць падставы для адназначнай высновы: архіўны сегмент мае абсалютную перавагу ў крыніцазнаўчым базісе. У архіўным сегменце ўзгадваюцца адпаведныя ўстановы Беларусі, блізкага і далёкага замежжа. Па-за сумневу, апірышча на дадзены сегмент – галоўны аргумент у даследчыцкім працэсе. Каштоўнай часткай бібліяграфічнага спіса з'яўляецца таксама перыёдыка, датаваная часамі Першай сусветнай вайны. Мяркуючы па спасылках на літаратуру, М.В. Цуба знаёмы з працамі ўсіх навукоўцаў па абранай ім тэме.

Праніклівы чытач будзе абавязкова ўдзячны аўтару за размяшчэнне ў манаграфіі вялікай колькасці фотаздымкаў, рэпрадукцый карцін, карт, схем. Многія з іх ўпершыню з'явіліся ў адкрытым друку. Усё гэта робіць даволі зручным чытанне манаграфіі. Акрамя таго, наводзяць на натуральныя разважанні фотаздымкі 9 невядомых герояў Першай сусветнай вайны [1, с. 287–283]. Іх імёны павінны быць абавязкова ўсталёваны.

Такім чынам, Міхаіл Віктаравіч Цуба ажыццявіў сур'ёзнае даследаванне важнага аспекта гісторыі Першай сусветнай вайны. Яго кніга нясе відавочную карысць для шырокага кола чытачоў, якія прадстаўляюць навучэнскую моладзь, выкладчыцкі корпус, навуковае супольніцтва.

ЛІТАРАТУРА

1. Цуба, М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг.: манаграфія / М.В. Цуба. – Пінск: ПалесДУ, 2010. – 304 с.

М.В. СТРАЛЕЦ, доктар гістрычныхх навук, прафесар
(Брэцкі дзяржаўны тэхнічны універсітэт)

СОДЕРЖАНИЕ

Корсак А.И. План города Полоцка с нанесением на него военных объектов
от 20 октября 1942 года (План Н.А. Маниса) как источник
для изучения нацистского оккупационного режима (1941–1944 гг.) 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кежа Ю.М. Асвятленне інстытута княжацкай улады на беларускіх землях IX–XII стагоддзяў
у пісьмовых крыніцах 5
Галынскі Р.Дз. Узбраенне Магілёва ў канцы XVI–XVII стагоддзі (агульны агляд) 20
Мазур Е.С. История изучения городов Могилевской губернии первой половины XIX века 25
Потрасава А.С. Саслоўна-прававое становішча замежных падданых
у беларускіх губернях у другой палове XIX–пачатку XX стагоддзя 33
Максімовіч А.М. З гісторыі вывучэння археалагічных помнікаў басейна ракі Шчары 38
Аўсейчык У.Я. Памінальная абраднасць беларусаў Падзвіння ў веснавы перыяд
(па этнаграфічных матэрыялах XIX – пачатку XXI стагоддзя) 46
Сівурава Л.П. Стан і дынаміка развіцця жывёлагадоўлі ў беларусаў (канец XIX – 40-я гады XX ст.) 56
Зайцев В.Е. Военные действия в белорусско-литовских землях в 1831 году 61
Тубелевич В.И. Адам Киркор как исследователь христианства Великого Княжества Литовского 67
Мельникова А.С. Трудовики и народные социалисты в общественно-политической жизни Беларуси
1906–1918 годов: историографический аспект 71
Кулабухова Е.В. Отношение священнослужителей белорусских губерний к власти
в 1914–1917 годах 77
Василенко В.В. Создание и деятельность Витебского комитета Всероссийского союза городов
помощи больным и раненым воинам (1914 – начало 1918 года) 82
Николаева И.В. Повседневность населения Полотчины в послеоккупационный период
Великой Отечественной войны 90
Мандрик И.В. Социальная политика в Республике Беларусь в контексте мирового опыта 95
Москаленко А.А. Позиция Движения ХАМАС в отношении признания Государства Израиль
и урегулирования палестино-израильского конфликта (1987–2013 гг.) 108

РЕЦЕНЗИИ

Цуба, М.В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей
(грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг.: манаграфія / *М.В. Цуба.* – Пінск: ПалесДУ, 2010. – 304 с.
(***Стралец В.М.***) 116